

с т о л и ч н ы й
к о л л е к ц и о н н ы 20
ж у р н а л о м о с к в е
р а з н о о б р а з н ы е
МОСКОВСКОЕ ф а к т ы
о п л о т л е г о к н а п о м и н е
НАСЛЕДИЕ о к р а и н а
к о д е к с в л а д е н и е
т о п и к н а с л е д и е
у в л е ч е н к р ы ш и
л е с т н и ц а о п ы т
а р к а э х о ч е л о в е к
д о р о г а р е с т а в р а т о р
п р е к р а с н о е

№ 2 (44)

2016

я шагаю по москве
по проезду Карамзина

100личный журнал
Губернатор пепелища

тема номера
1812–1859 годы

контекст
Москва: перезагрузка

Адреса распространения

Книжные матазины
Книжный магазин «Циолковский»
Пятницкий пер., д. 8, стр. 1
Книжная лавка «Кириллица»
Черниговский пер., д. 9/13, стр. 2
Гиперион
Хохловский пер., д. 9, стр. 3, под. 12, 16

Кафе, рестораны, бизнес-центры, гостиницы
Джао Да
Лубянский пр-д, д. 25, стр. 1
Faq-safe
Большая Полянка ул., д. 65/74, стр. 1
Рэд Код бар
Большая Полянка ул., д. 7/10, стр. 1
Братья Третьяковы
Лаврушинский пер., д. 10
UpsideDownCake СО
Большая Грузинская ул., д. 76
Жан-Жак
Никитский бул., д. 12

Музеи, арт-площадки
Музей архитектуры им. А.В. Щусева
Воздвиженка ул., д. 5
Центральный дом художника
Крымский Вал ул., д. 10/14
Государственный музей
А.С. Пушкина
Пречистенка ул., д. 12/2
Музей русской усадебной культуры
«Усадьба князей Голицыных
“Влахернское-Кузьминки”»
Тополевая аллея, д. 6
Музей Москвы
Зубовский бульвар, д. 2
Императорское Православное
Палестинское Общество
Забелина ул., д. 3, стр. 2
Музей археологии Москвы
Манежная пл., д. 1а
Музей «Старый Английский двор»
Варварка ул., д. 4а
Музей космонавтики
Проспект Мира, д. 111
Государственный музей Востока
Никитский бульвар, д. 12а
Музей «Московский транспорт»
Рогожский вал ул., д. 9/2
Центральный Манеж
Манежная пл., д. 1
Выставочный центр «Рабочий
и колхозница»
Проспект Мира, д. 123б

Библиотеки, научно-исследовательские и учебные заведения
Московский архитектурный институт
Рождественка ул., д. 11
Московский государственный
строительный университет
Ярославское ш., д. 26

Российская академия архитектуры
и строительных наук
Большая Дмитровка ул., д. 24, стр. 1
Строительный колледж № 26
Трофимова ул., д. 27, корп. 2
Строительный техникум № 30
Ак. Петровского ул., д. 10
Московский городской
педагогический университет
Сельскохозяйственная ул., д. 4, корп. 1
ГБУК «Центральная городская
молодежная библиотека
им. М.А. Светлова»
Садовая-Кудринская ул., д. 23,
Большая Садовая ул., д. 1
Политехнический техникум № 2
Тимура Фрунзе ул., д. 28
Политехнический техникум № 2
1-й пер. Тружеников, д. 12, стр. 4
Центральная универсальная научная
библиотека им. Н.А. Некрасова
Бауманская ул., д. 58/25, стр. 14
Российская государственная
библиотека для молодежи
Большая Черкизовская ул., д. 4, корп. 1
Московский финансово-
юридический университет (МФЮА)
3-я Кабельная ул., д. 1,
Введенского ул., д. 1
РГГУ (библиотека)
Миусская пл., д. 6

Органы государственной власти
Правительство Москвы
Тверская ул., д. 13 (5-й подъезд),
Тверская ул., д. 13 (2-й подъезд)
Департамент культурного наследия
города Москвы
Пятницкая ул., д. 19 (приемная),
Пятницкая ул., д. 19 (служба «одного
окна»),
Пречистинка ул., д. 3
Комитет по архитектуре
и строительству города Москвы
(Москомархитектура)
Триумфальная пл., д. 1
Московская городская Дума
Страстной бул., д. 15/29, стр. 1
Департамент культуры города
Москвы
Неглинная ул., д. 8/10,
Петровка ул., д. 17, стр. 11/13
Департамент труда и социальной
защиты населения города Москвы
Новая Басманная ул., д. 10, стр. 1
Префектура ЦАО
Марксистская ул., д. 24
Управа района Хамовники
г. Москвы
Пречистенка ул., д. 14
Управа Тверского района г. Москвы
Чаянова ул., д. 11/2

ЖУРНАЛ
«МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»
№ 2 (44) 2016

Учредитель
Департамент культурного наследия города Москвы

Руководитель проекта	Алексей Емельянов
Куратор проекта	Леонид Кондрашев
Координатор проекта	Екатерина Чуракова

Редакция журнала «Московское Наследие»

Главный редактор	Филипп Смирнов
Заместитель главного редактора	Алексей Черепанов
Административный директор	Мария Ксенжик
Консультанты журнала	Александр Можаяев, Станислав Величко, Наталья Калинкина

Дизайн-макет	Филипп Смирнов
Верстка	Андрей Дегтярёв Наталья Якубени

Научный руководитель номера
Профессор, доктор искусствоведения, кандидат
архитектуры. Заместитель генерального директора Музеев
Московского Кремля, ведущий научный сотрудник Отдела
древнерусского и современного церковного искусства НИИ
теории и истории изобразительных искусств Российской
академии художеств, ведущий научный сотрудник
Государственного института искусствознания, профессор
МАРХИ и ПСТГУ, эксперт по проведению государственной
историко-культурной экспертизы
Андрей Леонидович Баталов

Генеральный директор ГК «Галерия»	Татьяна Аксёнова
Литературный редактор	Светлана Павлищева
Корректор	Анастасия Кондрашова
Административный директор	Дамир Елагин
Финансовый директор ГК «Галерия»	Елена Комягина

Издатель Владимир Пирожок

Адрес редакции:
105082, Москва, Спартаковская пл., д. 10, стр. 12
Телефон редакции: (495) 665-48-37

Электронная версия журнала:
http://dkn.mos.ru/popularization/themagazinemoscowheritage/

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связей, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-50269
от 14 июня 2012 года

Тираж 30 тыс. экз.

Журнал распространяется бесплатно по указанным адресам

Моховая улица. Флигель старого здания Московского университета. Фотография из архива Мосгорнаследия

В НОМЕРЕ

Филипп Смирнов
Продолжаем разговор 4

Тема номера

Алексей Черепанов
Московские военные генерал-губернаторы. 1812–1859 . . . 5

Олег Фочкин
Что осталось нам? 15

Ксения Егорова, Алексей Зарубин
Избранная картотека строений московских, к украшению ее служащих. 1812–1859 22

Контекст

Николай Викулов
Москва: перезагрузка 29

Открытия

Алексей Зарубин, Татьяна Лиманова
Открытие Москвы 38

Зарубежный опыт

Татьяна Лиманова
ТСЗ. Товарищество собственников замков 43

Задачи

Олег Фочкин, Леонид Кондрашев
Флибустьеры археологии 47

Практика

Александр Лавров, Филипп Смирнов, Алексей Емельянов
Почем метр? И зачем метр? 54

Я шагаю по Москве

Савелий Флегонтов
Проезд Карамзина 58

А propos

Дмитрий Абумов
Горячий прием. 72

Реставрация

Алексей Дедушкин
Усадьба на Яузском бульваре 77

Алексей Дедушкин
От основания до возрождения 80

Имена

Анна Галле, Александр Лавров
Гастролеры. Лист, Берлиоз и Шуман в Москве 91

100личный журнал

Алексей Юрьевич
Губернатор пепелища 97

Новости

Татьяна Дроздова
Новости Департамента культурного наследия города Москвы. 101

Персона

Наталья Якубова
Хозяин терема на Девичьем поле. 106

Окраина

Вадим Разумов
Быль и легенды Воронова 113

Детали

Тимофей Смирнов
Место. Имение. Эссе о Москве «с нуля» 119

Отражения

Олег Фочкин
Рецензии 126

Продолжаем разговор

Автор: **Филипп Смирнов**,
главный редактор журнала
«Московское Наследие»

В 1817 году Николай Карамзин написал «Записку о московских достопамятностях» для «некоторой особы, ехавшей в Москву». Это был первый в истории путеводитель по Москве. Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, отправляясь в Первопрестольную, хотела «увидеть ее старину» и просила Николая Михайловича составить список московских достопримечательностей. Историограф расстарался и вместо списка написал обширный очерк о памятных местах древней русской столицы. «Записка...» не предназначалась для публикации, у нее предполагалась только одна читательница, и Карамзин, тогда житель Петербурга, в своем путеводителе по Москве был очень откровенен: «Там средоточие Царства, всех достижений торговли, промышленности, ума гражданского. Красивый, великолепный Петербург действует на Государство, в смысле просвещения, слабее Москвы, куда отцы везут детей для воспитания, и люди свободные едут наслаждаться приятностями общежития. Москва непосредственно дает Губерниям и товары, и моды, и образ мыслей. Ее полуазиатская физиономия, смесь пышности с неопрятностью, огромного с мелким, древнего с новым, образования с грубостью, представляет глазам наблюдателя нечто любопытное, особенное, характерное. Кто был в Москве, знает Россию». Удивительно, что спустя всего лишь пять лет после Отечественной войны Карамзин практически не упоминает пожара 1812 года. Для него «Москва будет всегда истинною столицею России». Однако после наполеоновского нашествия облик Москвы

очень сильно изменился и тем не менее остался прежним. В 1867 году, ровно через пятьдесят лет после «Записки...» Карамзина, Москву посетил автор «Алисы в стране чудес» Льюис Кэрролл: «5 или 6 часов мы бродили по этому удивительному городу — городу белых и зеленых кровель, конических башен, выдвигающихся одна из другой, словно в подозрительной трубе, городу золоченных куполов, где, словно в кривом зеркале, отражаются картины городской жизни; городу церквей, которые снаружи похожи на кактусы с разноцветными отростками (одни венчают зеленые почки, другие — голубые, третьи — красные с белым), а внутри всё увешано иконами и лампадами и до самого потолка расписано красочными фресками; и, наконец, городу, где мостовые изрезаны ухабами, словно вспаханное поле, а извозчики требуют, чтобы им надбавили 30 процентов, "потому как сегодня Императрица — именинница". После обеда мы поехали на Воробьевы горы, откуда открывается величественная панорама на целый лес церковных колоколен и куполов с излучиной Москвы-реки на переднем плане; с этих холмов армия Наполеона впервые увидела город». Наш номер посвящен одному из важнейших периодов в истории нашего города — 1812–1859 годам, времени, когда наша страна обрела литературу, театр, самосознание (близкое к нашему), а Москва стала такой, какую мы привыкли видеть. Естественно, про эти годы можно написать многотомники, но мы не станем пытаться соревноваться с великим Карамзиным, а лишь наметим несколько штрихов к портрету любимого города. **МН**

Главное событие в жизни
Москвы XIX века — это, конечно,
наполеоновское нашествие
и пожар 1812 года, в результате
которого сгорели три четверти
зданий. Огонь не только изменил
облик первопрестольной, но
и задал направление ее развития
на несколько десятилетий.
И деятельность градоначальников
была направлена, в основном, на
восстановление города и создание
нового образа Москвы

Московские военные генерал- губернаторы. 1812–1859

СУМАСШЕДШИЙ ФЕДЬКА

Ростопчин Фёдор Васильевич
Граф, генерал от инфантерии,
Московский военный губернатор
в 1812–1814 годах

Фёдор Ростопчин был необычайно деятельным человеком. Он воевал, занимался сельским хозяйством, заведовал внешней политикой страны, писал книги... Однако и литературная деятельность Ростопчина, и его животноводческие затеи, и даже государственная служба при Павле Петровиче поблекли на фоне московского пожара 1812 года. Огонь принес ему славу Герострата, ненависть соотечественников и восхищение иностранцев.

Карьера

В молодости Фёдор Ростопчин отчаянно строил карьеру. Он даже ушел из гвардии, чтобы отправиться на фронт и там продвинуться по службе. Правда, с покровителями ему не везло: то попытаются обесчестить, женив на незаконной дочери, как принц Нассау-Зиген, то помрут в самый неподходящий момент, как принц Вюртембергский и принц Виктор Амадей Ангальт-Бернбург-Шаумбургский! После военно-служебных перипетий (Суворов, кстати, подарил молодому человеку походную палатку в знак расположения) Фёдор Ростопчин все-таки оказался при дворе и попытался заслужить расположение импе-

ратрицы, исполняя роль придворного шута: сочинял пословицы, острил, передразнивал придворных. За что и получил от Екатерины II лестное прозвище «сумасшедший Федька», а от ее окружения — толику презрения. В итоге Ростопчин оказался в свите Великого князя Павла Петровича, к которому испытывал искреннюю симпатию, до поры тщательно скрываемую, ведь Екатерина приближенных опального сына недолюбливала и задвигала в самый дальний угол тогдашних коридоров власти. Как отмечено в Русском биографическом словаре Половцева, у Фёдора Ростопчина и наследника престола даже характеры были схожи — «та же страстность и порывистость натуры и неудовлетворенность положением, с которым приходилось мириться и тому, и другому». А после годичной ссылки (императрица всё-таки отправила камер-юнкера в отцовскую деревню под предлогом несостоявшейся дуэли) симпатия Павла возросла многократно. По словам самого Ростопчина, он стал необходим наследнику «как воздух».

Фаворит

После воцарения Павла I Фёдор Ростопчин «оказался у самого источника власти», стал высшим сановником государства и правой рукой императора. На следующий день после кончины Екатерины II, 18 ноября 1796 года, он получил орден Святой Анны второй степени и был назначен адъютантом Его Императорского

Автор: **Алексей Черепанов**

Фёдор Васильевич Ростопчин. Сальватор Тончи. 1800 год

Величества. Через день Ростопчина произвели в генерал-майоры и назначили генерал-адъютантом. Через неделю он получил еще одну Анну, уже первой степени, а через месяц Государь подарил фавориту дом на Миллионной улице, купленный у камер-юнкера Павла Бакунина за 45 000 рублей. Фёдор Ростопчин стал реально влиять на внешние и внутренние дела Российской империи. Во всяком случае, тот радикальный поворот во внешней политике, который произошел с воцарением Павла Петровича и который шокировал русское общество, подготовил именно Ростопчин. По приказу императора он написал «Мемориал», в котором предложил дружить с давней противницей — Францией — и действовать против Англии. Союз с Францией должен был неминуемо привести к разделу Турецкой Империи, которую Ростопчин называл «безнадежным больным, коему медики не хотят объявить о грозящей ему опасности».

Государь безгранично доверял своему любимцу, поверял сокровенные

мысли, однако причудливый характер Павла Петровича, который «отличался большими странностями» и мог быть то веселым и «полным доброты», то озлобленным и жестоким, обязательно должен был привести к разладу императора и фаворита. Последняя отставка случилась за три недели до гибели Павла I, Ростопчин был уволен со всех должностей и удален в свое подмосковное имение Вороново. Позже он множество раз говорил, что обязательно расстроил бы планы заговорщиков, если бы находился при императоре, и не допустил бы убийства Павла.

Отставка
Александр I отцовского фаворита к государственной деятельности не привлекал, и Ростопчин во время десятилетней отставки вынужден был придумывать себе занятия сам. Он поселился в подмосковном имении Вороново и, стремясь поправить дела, увлекся сельским хозяйством. Выписывал из Англии овец и баранов, с севера России — коров, а из Англии и Ара-

вии — лошадей и даже вывел новую породу скаковых — «Ростопчинскую». Позже он стал видным беллетристом, отстаивавшим, как сказали бы сейчас, «традиционные русские ценности». В 1807 году, когда на горизонте маячила война с Бонапартом, Ростопчин почувствовал себя народным трибуном, стал обличать преклонение перед всем французским, глаголом жег и сущительным клеймил: «Только и видишь, что молодежь, одетую, обутую по-французски, и словом, и делом, и помышлением французскую! Отечество их на Кузнецком мосту, а Царство небесное — Париж. Родителей не уважают, стариков презирают; и быв ничто, хотят быть всё». В 1808 году Фёдор Ростопчин сочинил комедию в одном действии «Вести, или Убитой-живой», которую сыграли только один раз, — это «рассуждение в лицах» многих задело за живое. Альтер-эго автора, Богатырев, произносил между прочим такой монолог: «Я люблю всё русское и если бы не был, то желал бы быть русским, ибо ничего лучше и славнее не знаю: это бриллиант между камнями, лев между зверями, орел между птицами...»

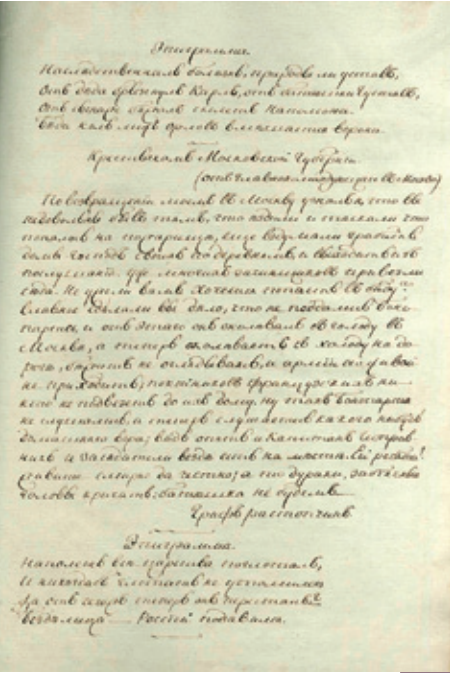
Губернатор
В 1812 году при первых признаках войны Фёдор Ростопчин примчался в Санкт-Петербург и предстал перед императором, который назначил его военным губернатором Москвы. Граф Ростопчин создал в Первопрестольной «тщательно охраняемое спокойствие», про него тотчас заговорили, что «он крепкий слуга государев, он отец Москвы». Для достижения порядка и благоустройства в древней столице он не останавливался «перед крутыми мерами, прибегая к палочной расправе, к высылкам, тюрьме по одним только подозрениям...» Губернатор Ростопчин собрал ополчение; наладил снабжение армии; организовал госпиталь и навещал раненых (правда, около семисот раненых остались в Москве и сгорели во Вдовьем доме, что вызвало негодование Наполеона); «курировал» должный «переменить судьбы света» прожект немца Леппиха по постройке «еростата», который должен был «вместать в себе 40 человек и поднимать

12 000 фунтов» бомб; реорганизовал тайную полицию, чтобы следить за мартинистами, коих считал заговорщиками и чуть ли не французскими шпионами; первым призвал народ к партизанской войне; не допустил до самого входа французов в Москву беспорядков; а также всячески боролся со слухами об отступлении русской армии, полагая, что плохие вести могут стать причиной панических настроений и брожения умов. Сначала попытался вышибить клин клином, то есть бороться с паническими слухами — слухами успокоительными. Не получилось. Тогда Ростопчин прибег к печатному слову. Для успокоения обывателя губернатор сочинял «афишки», которые расклеивали на театральных тумбах: «Господи, помилуй! Да будет ли этому конец? Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворив молитву и, плюнув, сказать француз: "Сгинь ты, дьявольское наваждение! Ступай в ад или восвояси, всё равно, — только не будь на Руси"». В начале XIX века доверие к печатному слову было огромным, а военный губернатор обладал литературными талантами и писал свои вирши понятным народу языком — поэтому ростопчинские афишки оказали сильнейшее воздействие на жителей Москвы. Афишки действительно успокаивали горожан. Возможно, излишне. Генерал-губернатор Ростопчин «жизнью отвечал» и до последнего дня под-

держивал в народе иллюзию того, что Москву не сдадут. К примеру, Екатерина Новосильцева, выпустившая под псевдонимом Т. Талычева книгу «Рассказы очевидцев о двенадцатом годе», описывала московского священника, который «в самый день сдачи Москвы смеялся над своей женой, утверждавшей, что в городе французы, его аргумент был следующим: "Дьячихе веришь, а генерал-губернатору не веришь!", когда в его дом пришли французы, он замолк и изорвал афишку». В губернаторских афишках французские солдаты представлялись врагами слабыми, их можно было легко «закидать шапками», «сковырнуть ногтем» и «загнать за Можай». А отступают наши армии из-за шпионов, которых в армии и Москве превеликое множество. С одной стороны, афишки поднимали национальный дух и внушали спокойствие, с другой — раздували шпиономанию. Так, Лев Толстой в «Войне и мире» приводит исторический анекдот о том, как мужики привели к Ростопчину шампиньона (шпиона), а губернатор велел «шампиньона отпустить, сказав народу, что это не шампиньон, а просто старый гриб немец». Граф Ростопчин развернул в Москве настоящую «охоту на ведьм». Дошло до того, что он арестовал собственного повара-француза и выслал в Нижний Новгород сорок иностранцев: «Перестаньте быть негодями и сделайте хорошие люди, превра-

У Калужской заставы, Москва, 19 октября 1812 года. Фабьер дю Фор. 1830-е годы

Эпиграммы на Наполеона. Обращение главнокомандующего в Москве графа Ф.В. Ростопчина к крестьянам Московской губернии о прекращении грабежей

Смерть Верещагина. К.В. Лебедев. 1911 год

титесь в добрых русских граждан из французских, какими вы до сих пор были... Войдите в барку, успокойтесь и не превратите ее в барку Харона».

Дело Верещагина

В июне 1812 года военный губернатор разоблачил «опасный» заговор купеческого сына Верещагина, знавшего немецкий и французский языки. Юноша перевел своему приятелю две статьи из иностранных газет: «Письмо Наполеона к прусскому королю» и «Речь Наполеона к князьям Рейнского союза в Дрездене». И хотя иностранные газеты, опубликовавшие воззвания, были запрещены русской цензурой, в переводах не было ничего преступного. Однако Ростопчин постарался придать этому делу чрезвычайную важность и устроить образцово-показательный процесс. Две инстанции дело прошло, но в Сенате застопорилось, и московский губернатор, «ввиду важности преступления, волнений в народе и сомнений в обществе», просил Александра I прислать на его имя указ, приговаривающий Верещагина к смертной казни через повешение. В последний момент на эшафоте милосердный Ростопчин объявил бы осужденному о помиловании, заменив казнь каторгой. Император категорически отказался и не поддавался на уговоры градоначальника в июле, когда посетил Мос-

кву. Тем не менее казнь Верещагину губернатор всё же устроил, и такую, что Александр I выразил неудовольствие: «Повесить или расстрелять было бы лучше». Утром 14 сентября во дворе ростопчинского особняка на Большой Лубянке собралась озлобленная толпа, узнавшая, что наполеоновские войска стоят уже на Поклонной горе. По воспоминаниям К.К. Павловой, губернатор вышел к народу, который встретил его сердитыми криками: «Нам солгали. Говорили, бояться нечего, французы разбиты, а французы вступают в Москву». — «Да, вступают, — ответил громким голосом граф, — вступают, потому что между нами есть изменники», — приказал привести купеческого сына Верещагина, а также французского учителя фехтования Мутона. А.Д. Бестужев-Рюмин так передавал в своих воспоминаниях рассказ очевидца, чиновника вотчинного департамента: «Взяв его за руку, Ростопчин вскричал народу: "Вот изменник! От него погибает Москва!" Несчастный Верещагин, бледный, только успел громко сказать: "Грех вашему сиятельству будет!" Ростопчин махнул рукою, и стоявший близ Верещагина ординарец графа, по имени Бурдаев... ударил его саблею в лицо; несчастный пал, испуская стоны, народ стал терзать его и таскать по улицам. Сам же граф Ростопчин, воспользовавшись

этим смятением, сошел с крыльца и в задние ворота дома своего выехал из Москвы на дрожках». На самом деле после расправы с Верещагиным Ростопчин обратился к другому узнику — французу Мутону: «Я оставляю тебе жизнь, ступай к своим и скажи им, что несчастный, которого я наказал, был единственный из русских изменник своему Отечеству». Сам провел Мутона к воротам и сделал толпе знак, чтобы его пропустили...

Пожар

Вечером опустевшую Москву заняли французские войска, а в два часа ночи императору докладывали, что в городе начался пожар. Его причины уже две сотни лет вызывают споры, и потому, что организаторы попытались скрыть следы своего деяния, и потому, что каждая из воюющих сторон использовала пожар в, как сказали бы сейчас, «информационной войне». Виновниками пожара называли и солдат Великой армии, и неизвестных русских героев, и стихию, и грабителей, и Александра I, и Кутузова, и, конечно, военного губернатора Москвы графа Ростопчина. Уже первый историк Отечественной войны А.С. Михайловский-Данилевский видит начало пожара в сожжении комиссариатских барок на Москве-реке по распоряжению Ростопчина и Кутузова. «В то же вре-

Пожар Москвы в 1812 году. Иоганн Лоренс Ругендас. 1813 год

мя, — пишет он, — загорались дома и лавки, но уже не по чьему-либо приказанию, не по наряду, но по патристическим чувствованиям». Кроме того, полагал историк, в деле разжигания огня постарались французские грабители и «бродяги из русских», которые «старались о распространении пожара, в намерении с большею удобностью грабить в повсеместной тревоге». Французы же в сентябре 1812-го называли главным виновником пожара Москвы Ростопчина, Наполеон даже окрестил его Геростратом. Французы утверждали, что поймали 400 поджигателей со взрывчатыми вещества-

ми, которых «подготовил» военный губернатор. При поджигателях были найдены «разные вещи, употребленные к зажиганию, как-то: фитили ракет, фосфоровые замки, сера и другие зажигательные составы». К тому же Ростопчин приказал вывезти из Москвы пожарные трубы, выпустил из тюрьмы преступников, а оставшиеся в городе «разные офицеры, военнослужащие в российской армии и полицейские чиновники получили тайно приказ остаться в Москве, будучи переодеты, чтобы распоряжаться зажигателями и дать им сигнал к заpalению». Кстати, тайный советник

и директор Императорского Эрмитажа граф Дмитрий Бутурлин поддерживал версию французов: «Не могли сделать ничего для спасения города ему вверенного, он вознамерился разорить его до основания, и чрез то саму потерю Москвы учинить полезной для России». Может быть, французская концепция целенаправленного поджога Москвы Ростопчиным и не верна, но отдельные факты полностью подтверждаются. К тому же генерал-губернатор неоднократно «пророчествовал» о пожаре, создавая, как сказали бы сейчас, «информационный фон». «Москва

Поджигатели. И.М. Львов. С открытки изд. И.Е. Селина. 1912 год

в руках Бонапарта будет пустынею, если не истребит ея огонь, и может стать ему могилою», — написал Ростопчин императору 13 сентября. «Город уже грабят, — сообщает граф жене того же 13 сентября, — а так как нет пожарных труб, то я убежден, что он сгорит». «Если без боя оставите Москву, то вслед за собою увидите ее пылающую!» — говорил Ростопчин Ермолову в тот же день перед советом в Филях. Еще один косвенный довод в пользу того, что губернатор готовил пожар Москвы, заключается в том, что Ростопчин приказал спалить свое подмосковное имение Вороново, где провел десяток счастливых лет. Как этот русский патриот, «бриллиант между камнями, лев между зверями» смотрел бы в глаза жителям Москвы, потерявшим дома в огне пожара, если бы сам сохранил усадьбу? Однако Ростопчин всегда умалчивал о своем «патриотическом подвиге». Сожжение Москвы произвело на русское общество сильнейшее впечатление, это считалось кощунством, и признание Ростопчина «показалось бы чудовищным и вызвало бы скорее бурю негодования», — считал историк С.П. Мельгунов. К тому же «сумасшедший Федька» мог не ставить сознательных патриотических целей, это могла быть простая месть человека, находившегося «в крайне раздраженном состоянии».

Es Rostopchin!
После бегства Наполеона из Москвы Ростопчин боролся с грабежами и эпидемиями, восстанавливал городское хозяйство, разрешал споры по разворованному и погибшему в огне имуществу, продолжал преследовать мартинистов. Москвичи же стали винить его во всех мыслимых и немыслимых грехах: в пожаре Москвы, в самоуправстве и превышении полномочий, в жульничестве и даже в казнокрадстве (перед приходом Наполеона Ростопчин оставил всё имущество в своем дворце на Большой Лубянке, вывез лишь шкатулку с бумагами и два портрета — жены и императора Павла). Кстати, военный губернатор это предвидел. После известия об исходе Бородинской битвы и понимая, что Первопрестольную

придется сдать, Ростопчин говорил: «Всё это ужасное бремя ляжет на меня... Я буду за всё и всем отвечать... меня станут проклинать сперва барыни, а там купцы, мещане, подьячие, а там все умники и православный народ... Я знаю Москву!» В сентябре 1814 года последовала бесславная отставка. «Кроме ругательства, клеветы и мерзостей, — жаловался бывший губернатор, — ничего в награду не получил от того города, в котором многие обязаны мне жизнью». Через год Ростопчин уехал на лечение за границу, где встретил противоположный прием. Всюду его встречали как героя и знаменитость. Все хотели взглянуть на «виновника гибели Наполеона»: от обычных горожан до венценосных особ — прусского короля Фридриха Вильгельма III и английского короля Георга IV. С него писали портреты, в театрах больше глазели на Ростопчина, чем на сцену, — все удивлялись и ужасались его «подвигу». В Ливерпу-

ле его именем назвали площадь, а в Испании появилась пословица: «Es Rostopchin!» — когда «что-нибудь было очень сильно или честно». Граф поселился в Париже, где написал книгу «Правда о пожаре Москвы», в которой полностью отрицал свою роль в поджоге Первопрестольной.

СООБРАЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Тормасов Александр Петрович
Граф, генерал от кавалерии,
Московский военный губернатор,
Московский главнокомандующий,
Московский военный генерал-губернатор в 1814–1819 годах

Василий Жуковский, дотошно перечисляя в стихотворении «Певец во стане русских воинов» героев Отечественной войны, посвятил генералу Тормасову всего две строки: «И Тормасов, летящий в бой, как юноша веселый!» Однако в 1812 году Торма-

сов в бой уже не летал, а в основном сидел за картами — он командовал Третьей обсервационной армией, защищавшей юг России. В июле генерал одержал важнейшую в психологическом плане победу под Кобрином над Саксонским корпусом Ренье — это был первый успех русского оружия в период отступления. За дело под Кобрином Тормасов получил орден Святого Георгия второй степени и пятьдесят тысяч рублей, а за сражение под Красным — Андреевскую ленту. На войне, как и в мирной жизни, Тормасов предпочитал следовать пословице «семь раз отмерь, один — отрежь»: «Как полководец, он не ослеплял блестящими качествами, но умел извлекать победу из глубокого соображения обстоятельств, местности и сил неприятеля; почитал выигрышем уже и то, если соперник не находил средств победы. Когда же для победы надлежало сражаться, не колебался ни минуты вступить в бой». Кутузов ценил его выдающиеся способности военного администратора и в труднейшем осеннем походе 1812 года, когда русская армия преследовала убегающего Наполеона, возложил на него внутреннее управление войсками и организацию армии. Административные способности пригодились Тормасову и на должности московского военного губернатора, где он заслужил всеобщую любовь и уважение. «Вспыльчивый нрав его умирался добродушием. При строгой бережливости любил блеск», правда, «подчиненные не легко выслуживали у него награды». На долю Тормасова выпала тяжелая обязанность обустройства Москвы после пожара и французского разорения. В 1814 году он представил программу восстановления Москвы и помощи жителям. Александр I документ одобрил и выделил ассигнования на nivelирование улиц и компенсации владельцам домов за землю, отчуждаемую под урегулирование переулков и площадей. При Тормасове Москва обрела Манеж, памятник Минину и Пожарскому, Синодальную типографию на Никольской, Губернскую мужскую гимназию на углу Волхонки и Большого Знаменского переулка. Стремительно восстанавливались жилая

застройка, административные и общественные здания, начали обустраивать Петровскую и Театральную площади, заключали в трубу Неглинку. Осип Бове отстроил Водовзводную башню Кремля, Доменико Жилярди возвел новые звонницы Ивана Великого и реконструировал здание Московского университета на Моховой. Александр Тормасов, как писали благодарные москвичи императору, «сохраняя законы, был равно внимателен к богатому и бедному, сильному и слабому, в чести сущему и в убожестве пребывающему».

РУССКИЙ ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Голицын Дмитрий Владимирович
Князь, генерал от кавалерии,
Московский военный генерал-губернатор в 1820–1844 годах

«По моему суждению, пожар способствовал ей много к украшению», —

этот знаменитый мем (или тот, как сказали бы тогда) полковника Скалозуба из комедии Грибоедова «Горе от ума» в безличной форме отмечает заслуги московских генерал-губернаторов по восстановлению Первопрестольной. И наибольшая заслуга, конечно же, принадлежит князю Дмитрию Владимировичу Голицыну, ведь именно в его правление Москва обрела свое новое лицо. Кавалер всех российских орденов, он брал Прагу под знаменами Суворова, воевал в Пруссии и Финляндии. Командуя кавалерией второй армии, отличился в Бородинской битве, блестяще участвовал в кампаниях 1813 и 1814 годов... Но больше всего князь знаменит не ратными, а мирными подвигами. Дмитрий Голицын руководил Москвой двадцать четыре года! Дольше него губернатором был только князь Владимир Долгорукий. За эти четверть века Первопрестольная украсилась живописными садами, парками и непрерывной

А.П. Тормасов. К. Рейхель. 1813 год. Государственный исторический музей

Портрет Д.В. Голицына. Джордж Доу. 1823–1825 годы. Военная галерея Зимнего Дворца, Государственный Эрмитаж

цепью бульваров, обрела десяток новых мостов, набережные Москвы-реки оделись в гранит, на площадях появились фонтаны с чистой мытищинской водой, истекавшей из резервуара на Сухаревой башне.

«Он любил внешнюю красоту столицы; он не мог равнодушно проезжать мимо какого-нибудь места, которое противоречило изящной стройности города», — писал современник. Если учесть, что в начале его губернаторства многие московские места оставались пепелищами, то новый облик древней столицы создавался во многом в соответствии с эстетическим чувством генерал-губернатора. Особенно важно, что за строительством в городе установили строгий надзор, что позволило соблюсти архитектурное единство центра Москвы. При Голицыне были выстроены Большой и Малый театры, заложен Храм Христа Спасителя, установлена Триумфальная арка у Тверской заставы, возведен Москворецкий мост, обустроена Кремлевская набережная...

Очень сильно расцвели во время его градоначальства богоугодные заведения. В книге «Московские обыватели» Михаил Вострышев перечисляет благотворительные должности генерал-губернатора: «Голицын был бесменным председателем Попечительного совета заведений общественного призрения, Тюремного комитета, Комитета о просящих милостыню, главным попечителем Дома трудолюбия, Практической коммерческой академии, Земледельческой школы...» Благодаря стараниям Голицына открылась Первая Градская больница. Как видно из названия, она была первой, выстроенной на средства города. До этого больницы открывали либо на деньги императорской фамилии, либо на средства частных благотворителей — «партикулярные лазареты».

В 1831 году князь боролся с холерой, в жарком 1834-м — с пожарами, в неурожайном 1840-м — с голодом. Когда запасы хлеба истощились, Голицын собрал купцов: «Господа, перед нашими глазами люди начали умирать от голода. А что впереди? Хлеба хватит только до февраля. Предлагаю собрать займы капитал, скупить хлеб на Волге и продавать его без барышей. Я беднее вас, господа, у меня на-

лицо 70 тысяч ассигнациями, и из них 60 тысяч я даю займы Москве». Купечество скинулось на миллион триста тысяч — по тем временам сумма очень внушительная. За год капитал обернули два раза, город был спасен, а князь за свое начинание получил титул светлейшего.

Многие не могли простить Голицыну высокомерие и иностранный выговор. Так, государственный секретарь и однокурсник Пушкина по лицу граф Корф писал, что Голицын «более француз, нежели русский, а в существе приверженец всех предрассудков и поверий высшей касты». Однако близкие губернатора объясняли высокомерие застенчивостью: «Он был очень близорук и, что странно, застенчив, и поэтому некоторые считали его гордым, но кто знал его короче и бывал с ним в небольшом обществе, может свидетельствовать, что кажущаяся гордость или необщительность происходила именно от природной застенчивости, а иногда от недостаточного знания природного языка».

Действительно, из-за иностранного образования московский генерал-губернатор очень плохо говорил по-русски. Торжественные речи писал на французском, отдавал переводчику и заучивал русский текст наизусть. Однако даже панславист Михаил Погодин, развивавший Теорию официальной народности и величавший охранительную уваровскую триаду: «самодержавие, православие, народность» — «столпостеннами», говорил про московского генерал-губернатора: «несмотря на иностранное свое воспитание (единственный его недостаток), он остался в душе чистым русским». Это тем более удивительно, что либеральный князь Голицын когда-то участвовал во взятии Бастилии и все-таки больше верил в триаду Великой французской революции: «Свобода, равенство, братство».

В Москве подтрунивали над неизменным голицынским лорнетом и взаимоотношениями с матерью — «усатой княгиней», которая помыкала им как ребенком, пародировали отрывистый смех и иностранный выговор, однако любили за хлебосольность, справедливость и заботу о городе. Скончался светлейший князь в Париже, куда поехал на лечение. Перед

смертью несколько раз спрашивал врача: «Не правда ли, мы возвратимся в Москву? Вы меня здесь не оставите?»

КНЯЗЬ ДАНЦИГСКИЙ

Щербатов Алексей Григорьевич
Князь, генерал от инфантерии,
Московский военный генерал-
губернатор в 1844–1848 годах

Князь Алексей Щербатов, которого считают одним из прототипов князя Андрея Болконского, участвовал «во всех кампаниях своего времени» и лично дрался в тридцати трех сражениях. Описание одного из первых «дел» характеризует его как человека крайне неопытного, но безрасудно храброго. В 1806 году в стычке с французами около прусского местечка Голомин Щербатов сбивчивыми распоряжениями привел свой полк в полное замешательство, но затем «порывом безудержной храбрости сам же и исправил свои ошибки: схватив передовое знамя, он рванулся вперед полка и очертя голову ринулся в опасность».

Другое удивительное «дело» случилось через год. В той же Войне четвертой коалиции князь Щербатов отправился морем на помощь осажденному французами Данцигу. «Проникши в город с моря, он присоединил своих людей к остальному гарнизону и стал во главе обороны». Однако против французской артиллерии защитники крепости долго обороняться не могли и сложили оружие, к тому же Наполеон выдвинул джентельменские условия: обороняющиеся покидают крепость со всеми военными почестями, но с условием не сражаться против Франции в течение года.

Высочайший рескрипт действия Щербатова одобрил: «увеличив, по количеству обстоятельства это позволили, славу нашего оружия и, наконец, сдавшись только тогда, когда никого уже не оставалось способа к защите, — соблюл всё то, что от российского воина требовать можно было». Кстати, князь Щербатов предпочел плен годовому бездействию. Через некоторое время Наполеон дал ему в Дрездене особую аудиенцию и отпустил «с честью», а современники

Портрет А.Г. Щербатова. Мастерская Джорджа Доу. 1823–1825 годы. Военная галерея Зимнего Дворца, Государственный Эрмитаж

стали величать Щербатова «князь Данцигский».

В 1809 году скончалась его первая жена — Екатерина Андреевна, сестра поэта Петра Вяземского. Вслед за ней умер отец, а затем и мать князя. Щербатов отправился в Дунайскую армию, «где в буквальном смысле стал искать смерти». Державин так описывал его «поиски»:

«Хвала, Щербатов, вождь молодой!
Среди грозы военной,
Друзья, он сетует душой
О трате незабвенной».

К счастью, князь нашел не смерть, а только ранение в грудь, от которого в скорости вылечился. В 1812 году он служил в Третьей русской армии под началом своего друга и родственника князя Дмитрия Голицына.

В 1825 году князь Щербатов оказался замешан в декабристском восстании. От наказания его спасли эполеты «полного» генерала, слава героя 1812 года и обширные связи при дворе. Однако генерала стали обходить

в чинах и наградах, и в 1835-м он вышел в отставку. Затем началась его административная карьера, финалом которой стала должность Московского военного генерал-губернатора. Когда заболел его друг и родственник князь Дмитрий Голицын, Щербатов стал исполняющим обязанности, а затем сел в кресло градоправителя. Справедливости ради, стоит сказать, что Щербатов не был выдающимся градоначальником, хотя и вреда Москве не нанес. Он затеял несколько невыполнимых проектов: пытался ввести в столице обязательное взаимное страхование всех домовладельцев, в 1844 году запретил владельцам фабрик и заводов выдавать заработную плату «не деньгами, но товаром», а в 1845-м подписал указ, запрещающий труд малолетних в ночную смену. Но и после смерти Щербатова зарплату выдавали спичками, а дети работали ночью.

При Щербатове был открыт Николаевский железнодорожный вокзал,

строились Большой Кремлевский дворец, Оружейная палата и Храм Христа Спасителя. Князь был довольно гуманным градоначальником — выдал заграничный паспорт опальному Александру Герцену, при нём была открыта справочная служба, которая предоставляла сведения о наличии мест в московских больницах и «куда мог обратиться любой человек, нуждающийся в помощи». Однако Щербатов не был стандартным николаевским администратором, а оставался человеком александровых времен, хранящим чувство собственного достоинства. Может, поэтому Николай I сетовал, что князь «своим легкомыслием совсем распустил Москву». В Москве его любили, и, когда горожане узнали, что Щербатова отправили в отставку, дворянство и купечество дали обеды в его честь, а какой-то доморощенный поэт написал про нового градоначальника:

«Князь Щербатов ускакал,
И ракетой конгресской
На уснувший город пал
Пресловутый граф Закревский».

УСМИРИТЕЛЬ ГОРОДА

Закревский Арсений Андреевич
Граф, генерал от инфантерии,
министр внутренних дел,
Московский генерал-губернатор
в 1848–1859 годах

Бывший министр внутренних дел, член верховного суда над декабристами, граф Закревский был послан в Москву на усиление — «в виду замеченного шатания умов». В 1848 году до России долетело эхо очередной французской революции, и Николай I достал из своего арсенала пушку, семнадцать лет бывшую не у дел (в 1831 году Закревский так круто взялся бороться с холерой, что вызвал недовольствие императора). Новый генерал-губернатор должен был стать «надежным оплотом от разрушительных идей Запада».

Давненько Первопрестольная не видела столь дикого произвола и неумного служебного рвения. Шутили, что если раньше Москва была святой, то теперь стала великомученицей. Закревский везде видел признаки

Закревский А.А. Джордж Доу. 1823–1825 годы. Военная галерея Зимнего Дворца, Государственный Эрмитаж

крамолы: приказал уничтожить «либеральную» надпись на музее купца Кокорева: «Хранилище народного рукоделия», послал писателю Сергею Аксакову приказ перестать носить русский зипун и сбрить «главный признак своего революционного направления» — седую бороду... В столицу летели рапорты: славянофил Хомяков организовал тайное общество, актер Щепкин ждет переворота, миллионер Кузьма Солдатенков раскручивает дубину народной войны... Закревский установил тайное наблюдение за неблагонадежными. Дошло до того, что квартальный надзиратель, который подменял на посту частного пристава, уехавшего в отпуск, должен был писать рапорт на самого себя. Общество отвечало соответственно. Арсений Закревский, которого прозвали Чурбан-пашой, был постоянным объектом остроумия горожан. Рассказывали, например, такой анекдот: — Чем отличаются жандармы Закревского от беременной женщины?

— Женщина может доносить, а жандарм обязательно донесет! Женщины передавали сплетни, что поклонники генерал-губернаторской супруги быстро попадают в камергеры, а любовники дочери — в камер-юнкеры. Мужчины высмеивали плохой французский и худородность графа. Даже Салтыков-Щедрин через несколько лет отобразил Закревского в образе Органчика Дементия Брудастого. Один кричал: «Не позволю!» и «Вон! Упеку!» — у другого в голове играли две пьесы: «Разорю!» и «Не потерплю!» Однако звучали голоса в защиту графа Закревского, их, правда, было очень мало. Рассказывали, что боевое крещение он принял на поле Аустерлица, где спас от плена генерала Каменского. В его закадычных друзьях числились опальный генерал Ермолов и поэт-партизан Денис Давыдов. Говорили, что Закревский был необычайно честным человеком, никогда не хитрил, высказывался прямо и шел напролом. Московский

генерал-губернатор отрицательно относился к деятельности Аркачеева, которого называл «чумой», «змеем» и «единственным государственным злодеем». Вообще, Закревский стремился навести в Москве порядок, даже пытался бороться со взяточничеством. Но при этом далеко уходил за границы разумного, регламентировал всё и вся, даже время окончания балов и званых вечеров. Правовед Борис Чичерин писал: «В 1848 году явился в Москву настоящим типом николаевского генерала, олицетворением всей наглости грубой, невежественной и ничем не сдержанной власти». В начале царствования императора Александра II Закревский воспротивился реформам и отзывался об отмене крепостного права в свойственной ему прямолинейной манере: «В Петербурге глупости затеяли». Когда 16 апреля 1859 года его отправили в бесславную отставку, одна из газет опубликовала заметку: «Нам пишут из Москвы, что в нынешнем году наступила весна очень рано, так что прежде Юрьева дня (День святого Георгия — 23 апреля — А.Ч.) выгнали скотину в поле».

МН

Титульный лист книги графа Ф.В. Ростопчина «Правда о пожаре Москвы», 1823 год

На протяжении довольно длительного времени одним из главных критериев оценки «коренного москвича» было то, когда он поселился в городе: до или после пожара 1812 года. Критерии за это время неоднократно менялись, а вот термин «допожарная Москва» четко укоренился в нашем сознании. Зачастую даже не нужно предпринимать больших усилий, чтобы увидеть невооруженным глазом следы этого пожара. Мы постоянно говорим о том времени, говорим, что потеряли практически весь город. Что же нам осталось после того, как Наполеон из Москвы ушел?

Что осталось нам?

На протяжении довольно длительного времени одним из главных критериев оценки «коренного москвича» было то, когда он поселился в городе: до или после пожара 1812 года. Критерии за это время неоднократно менялись, а вот термин «допожарная Москва» четко укоренился в нашем сознании. Зачастую даже не нужно предпринимать больших усилий, чтобы увидеть невооруженным глазом следы этого пожара. Мы постоянно говорим о том времени, говорим, что потеряли практически весь город. Что же нам осталось после того, как Наполеон из Москвы ушел?

Из 9158 жилых домов пожар уничтожил 6532 (в том числе 2041 каменное здание из 2567 и 4491 из 6591 деревянных построек), из 8521 лавки — 7153, из 568 постоянных дворов — 293, из 192 торговых рядов — 91, из 387 казенных и общественных зданий — половину, из 8771 частного дома — почти три четверти, из 329 церквей — 122. Более других пострадали Китай-город и Земляной город, где в Пятницкой части уцелело только 5 домов, в Пречистенской — 8, в Городской — 11, в Таганской — 13, в Сретенской — 16, в Яузской — 36, в Якиманской — 39, в Басманной — 48, в Рогожской — 63, в Арбатской — 92.

Автор: Олег Фочкин

Карты разоренной Москвы, опубликованные после пожара, отчасти преувеличивают масштаб потерь. Так, на Большой Никитской улице (отмечена как полностью уничтоженная) сохранились ряд усадеб и французский театр, который охраняли французские войска (Сытин). В Москве осталось достаточно строений для размещения французской армии (многие части которой были распылены по окрестностям города) в течение месяца. Очевидцы-французы рассказывали, что первые пожары в Москве начались днем второго сентября, одновременно в нескольких местах, и почти сразу возник сильнейший ураган, который продолжался больше суток. Он налетел с севера и погнал пожар на Московский Кремль. Уже к полуночи пылали все улицы вокруг Кремля, а в ограду Кремля стали залетать горящие головешки. Загорелась башня Арсенала, в которой хранилось много пороха, оставленного отступившими русскими войсками, и возникло несколько очагов пожара в Кремле. К вечеру уже пылала большая часть города.

Вот что писал сам Наполеон своей жене 6 сентября: «Я не имел представления об этом городе. В нём было 500 дворцов, столь же прекрасных, как Елисейский, обставленных французской мебелью с невероятной роскошью, много царских дворцов, казарм, великолепных больниц. Всё исчезло, уже четыре дня огонь пожирает город. Так как все небольшие дома горожан из дерева, они вспыхивают, как спички. Это губернатор и русские, взбешенные тем, что они побеждены, предали огню этот прекрасный город... Эти мерзавцы были даже настолько предусмотрительны, что увезли или испортили пожарные насосы». Французские войска арестовали до 2000 жителей, из которых были показательно расстреляны до четырехсот человек, обвиненных в умышленных поджогах домов. Ф.Ф. Вигель, приехавший в Москву в июле 1814 года, то есть почти через два года после пожара, отметил в своих «Записках»: «Сама она (Москва) в отдалении по-прежнему казалась громадной, и только проехав Коломенскую заставу (современную

Абельмановскую), мог я увидеть ужасные следы разрушения. Те части города, через кои я проезжал, кажется, Таганская и Рогожская, совершенно опустошены были огнем. Вымощенная улица имела вид большой дороги, деревянных домов не встречалось, и только кой-где начинали подыматься заборы. Далее стали показываться каменные двух- и трехэтажные обгорелые дома, сквозные, как решето, — без кровель и окон. Только приближаясь к Яузскому мосту и Воспитательному дому, увидел я, наконец, жилые дома, уцелевшие или вновь отделанные».

Что не горело? Западные предместья — Хамовники, Девичье поле, Пресня, Кудрино. Уцелели некоторые районы внутри Земляного Вала, например Патриаршие пруды — там квартировали итальянцы Евгения Богарне, сохранилась его резиденция. Известно еще, что французы тушили Кузнецкий Мост, французскую колонию. Есть полукаменный-полудеревянный дом Муравьевых-Апостолов, Старая Басманная, 23. Они по-честному сохранили верхний деревянный этаж 1802 года постройки. Кусковский дворец на сегодня — самый старый деревянный дом Москвы, конец 1760-х — начало 1770-х годов.

Разорительные для Москвы последствия пожара устранялись около 20 последующих лет. Комиссия для строений завершила свою деятельность в 1843 году, полностью выполнив возложенную на нее миссию. Сложился новый внешний облик города. Однако даже сегодняшний день преподносит нам неожиданные открытия, и вдруг выясняется, что в самом центре города есть дома, относящиеся к допожарной Москве, которые только в наши дни становятся объектами культурного наследия и обретают соответствующий статус. Как будто город их припрятал от бед, захватов и перестроек до лучших времен, а теперь решил вывести из тени, пока не поздно и оставшееся можно спасти.

Среди самых известных допожарных домов можно и нужно выделить следующие:

Дом Трубецких. Петровский пер., д. 6. Выстроен в конце XVII века. С 1738 года усадьба принадлежала Трубецким, в 1816—1833 годах в ней жил легендарный архитектор О.И. Бове, женатый на А.С. Трубецкой. Фото: Ф. Дядичев

Дом Трубецких (Петровский переулок, 6)

Он выстроен в конце XVII века и даже в те годы отличался размером и убранством в стиле московского барокко. С 1738 усадьба принадлежала Трубецким, в 1816—1833 годы в ней жил архитектор Осип Бове, женатый на А.С. Трубецкой. Фактически отсюда он и управлял восстановлением Москвы после пожара. Дом был перестроен в последней четверти XVIII века в стиле классицизма, лишившись двух боковых парадных лестниц, на месте которых возвели пристройки.

Петровский путевой дворец (Ленинградский проспект, 40)

Построен по решению Екатерины II в честь победы в русско-турецкой

войне 1768—1774 годов зодчим Матвеем Казаковым в стиле «русской готики». Это была резиденция для отдыха особ царской семьи во время путешествия из Петербурга в Москву. Сама Екатерина II останавливалась здесь лишь однажды, в 1787 году. Через 10 лет во дворце гостил перед коронацией в Кремле ее сын Павел I. Во дворце в 1896 году обедали Николай II с императрицей, когда напротив, на Ходынском поле, разыгралась ужасная трагедия с давкой. Здесь располагалась ставка императора после того, как французские войска были вынуждены покинуть горевшую Москву. А чуть раньше с балкона дворца смотрел на город Наполеон. После революции дворец был передан Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского.

Петровский путевой (подъездной) дворец на Тверском тракте (ныне Ленинградский проспект) — путевой дворец на въезде в Москву со стороны Петербурга; образец русской неоготической архитектуры. Построен по приказу Екатерины II по проекту архитектора Матвея Казакова

С 1997 по 2009 годы находился на реконструкции. Сейчас это Дом приемов Правительства Москвы.

Дом генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского (Маросейка, 17)

Маросейка выгорела в пожар 1812 года почти полностью. А этот дом уцелел. Он построен в 1782 году в стиле, переходном от барокко к классицизму, для купца Хлебникова (архитектор В.И. Баженов). В начале 1791 года Хлебниковы переехали в Санкт-Петербург. С 1793 года дворец стал собственностью Румянцевых. Купил дворец граф Пётр Александрович Румянцев-Задунайский (1725—1796), российский полководец, сын сподвижника Петра Первого, крестник его дочери императрицы Елизаветы Петровны. В годы

Дом Румянцева-Задунайского. Маросейка, д. 17. Главный дом усадьбы был построен в 1782 году для подполковника М.Р. Хлебникова, бывшего помощника фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского. Фото: С.М. Джаарбеков, 2009 год

войны с французами усадьбой владел сын Румянцева граф Николай Петрович, министр иностранных дел, канцлер, председатель Госсовета, создатель знаменитого Румянцевского музея, ставшего крупнейшей в Европе Российской государственной библиотекой. Граф был франкофилом и сторонником дружбы с Наполеоном. В июле 1812 года после известия о начале войны графа разбил паралич. Наполеон разместил в этом здании городское правление Москвы, где работало два десятка сотрудников «мэрии». В 1840-е годы Румянцевы также переехали в Санкт-Петербург, и владельцами здания стали купцы Грачёвы, потомки которых жили здесь до прихода советской власти. Сейчас усадьбу занимает посольство Белоруссии.

Дом генерал-поручика Ивана Юшкова (Мясницкая улица, 21)

На рубеже 1780-х – 1790-х годов генерал-поручик Иван Иванович Юшков приобрел участок земли в самом центре Москвы, «в четвертом кварта-

ле церкви Флора и Лавра, что у ворот Белого города», для постройки собственного дома. Участок московской земли на углу Мясницкой и Боброва переулка ранее принадлежал бригадному генералу Фёдору Ивановичу Дмитриеву-Мамонову, участнику Полтавской битвы. Даты начала строительства дома, известного более двух веков как «дом Юшкова», в документах нет. Не сохранилось в документах и имени зодчего, по проекту которого построено здание. Но искусствоведы уверены: дом был построен (либо перестроен) по проекту выдающегося русского зодчего Василия Ивановича Баженова.

Усадьба князя А.И. Лобанова-Ростовского (Мясницкая улица, 43)

В середине XVIII века владение принадлежало московскому полицмейстеру А.Д. Татищеву, затем — графу П.И. Панину. При нём к стоявшим здесь палатам первой половины XVIII века со стороны двора были пристроены два крыла; образовавшееся каре получило отделку в стиле барокко. В 1791 году усадьбу купил князь А.И. Лобанов-Ростовский. Проект новой перестройки приписывается Ф. Кампорези. В 1820-х годах в здании помещалась Московская школа рисования (впоследствии — Строгановское училище), с 1826 года дом принадлежал историку А.Ф. Ма-

Дом генерал-поручика Ивана Юшкова. Мясницкая, д. 21. Искусствоведы единодушны: дом был построен (либо перестроен) по проекту В.И. Баженова. Окончено строительство в промежутке от 1769 до 1795 годов

Усадьба Панина – дом Лобанова-Ростовского. Мясницкая, д. 43. Перестроен по проекту Ф.И. Кампорези в 1791 году. Фото 2011 года

линовскому. В 1836 году в усадьбе расположился завод сельскохозяйственных машин и башенных часов братьев Бутеноп. На крыше мезонина, в башне, были установлены куранты, а в его окне — часовой циферблат (утрачены). В 1874 году завод перешел товариществу «Эмиль Липгарт и Ко», выстроившему в дворовой части усадьбы производственные корпуса. В 1906-м дом был перестроен.

Усадьба Ивана Барышникова (Мясницкая улица, 42)

Усадьба была перестроена Матвеем Казаковым из палат конца XVII — начала XVIII веков в 1793–1802 годах по заказу Ивана Барышникова. Майор артиллерии Иван Иванович Барышников (1749–1834 годы) в Николо-Погорелом и Алексине имел конные заводы, в Алексине же находилась бумажная фабрика. Кроме того, он владел Слащевским стекольным заводом и Березковской суконной фабрикой. Он был большим ценителем искусства, особенно архитектуры.

Усадьба Барышникова. Мясницкая, д. 42. XVIII–XIX века

Выделял огромные суммы на развитие образования. В 1820-х годах дом принадлежал С.Н. Бегичеву, который приходился зятем хозяину дома И. Барышникову. Его особняк был известен в Москве своим танцевальным залом с прекрасной колоннадой. В 1820-х годах здесь у своего друга С.Н. Бегичева А.С. Грибоедов работал над комедией «Горе от ума». В настоящее время в здании усадьбы располагается редакция еженедельника «Аргументы и факты».

Дом Ростопчина (Улица Большая Лубянка, 14)

В здании сохранился фасад петровского времени. Белокаменная резьба по второму этажу датируется концом XVII — началом XVIII века. Второе название — Палаты Пожарского — особняк наследует из XVII века. На этом месте стоял дом князя Дмитрия Пожарского. По предположению историков, здесь же два века спустя новый генерал-губернатор Москвы, князь Фёдор

Ростопчин, отдал приказ о сожжении древней столицы. Дом Ростопчина Лев Толстой описал в романе «Война и мир», подарив ему тем самым мировую известность. В 1990-е годы особняк был приватизирован, пережил нескольких владельцев и арендаторов, в итоге опустел. На сегодняшний день дом возвращен государству.

Усадьба Разумовских (Улица Казакова, 18)

Деревянный дворец возведен А.А. Менеласом для графа Алексея Кирилловича Разумовского в 1799–1802 годах. Центральная часть дома сооружена из дерева, боковые двухэтажные флигели — из кирпича. В них сделаны арки-ворота, ведущие во дворы. Дом А.К. Разумовского был некогда окружен грандиозным парком. Осенью 1812 года при пожарах во время захвата Москвы армией Наполеона усадьба не пострадала, поскольку была временной резиденцией маршала Мюрата и ее тщательно

Усадьба Ростопчина (палаты Пожарского, дом Орлова-Денисова), Большая Лубянка, д. 14. Фото: В. Разумов, 2015 год

охраняли. В 1816 году граф Разумовский вышел в отставку с поста министра народного просвещения Российской империи и переехал в Москву. После смерти графа в 1822 году усадьба стала приходить в запустение. В 1829 году здесь поселили персидского принца Хозрев-Мирзу с посольством, приехавших извиняться за убийство Грибоедова. Старший сын Разумовского Пётр, с давних пор живущий за границей, успел наделать столько долгов, что усадьбу вскоре пришлось продать за бесценок. В 1828 году ее владельцем стал купец из Одессы М.Е. Юрков. В 1842 году усадьба перестраивается архитектором А.Г. Григорьевым для Воспитательного дома. В советские годы усадьба стала частью Института физкультуры. В 1999 году главное

здание усадьбы было передано Академии художеств и Зурабу Церетели. В том же году в средней части усадьбы вспыхнул пожар. Сгорело одно из двух деревянных крыльев на втором этаже главного здания. В 2008 году территория усадьбы была отдана Министерству спорта.

Усадьба Казакова
(Малый Златоустинский переулок, 3)
В 1782 году архитектор М.Ф. Казаков купил усадьбу, которая представляла собой двухэтажные каменные палаты середины XVIII века с деревянными хозяйственными постройками. Казаков перепланировал усадьбу. В части, выходящей в Большой Златоустинский переулок, — сейчас это участки домов 9 и 11 — он решил построить жилые дома для сдачи в наем. А сам с семьей

поселился в части, примыкающей к Малому Златоустинскому переулку. Возвращение детей в разоренную усадьбу после смерти отца — а он был действительным статским советником — стало настоящим бедствием. Было подано прошение о закладке дома в Опекунский совет. Прошение еще рассматривалось, когда младшая дочь Казакова Елизавета вышла замуж за надворного советника Ивана Ивановича Татищева. Необходимость в закладке дома отпала. После разделения усадьбы в 1816 году дом перешел к Елизавете Матвеевне Татищевой. Она была владелицей до 1836 года. В 1880—1911 годы домом владел П.С. Расторгуев. Первый этаж без окон предназначался под склады. На втором были сдававшиеся в наем квартиры.

Усадьба архитектора М.Ф. Казакова, который купил ее в 1782 году. Главный дом усадьбы (Малый Златоустинский переулок, дом 3, строение 1) был перестроен Казаковым в середине 1780-х годов из каменных палат

С 1990-х годов здания усадьбы занимают различные коммерческие организации и государственные учреждения.

Театр Позднякова
(Улица Большая Никитская, 51)
Двухэтажный особняк построен в 1806 году, в течение всего XIX века многократно перестраивался. Одним из самых известных владельцев дома был генерал-майор П.А. Поздняков, страстный театрал, у которого здесь давал представления крепостной театр. Оказавшись в сожженном, почти безлюдном городе, французский император пытался хоть немного наладить мирную жизнь. Создание французского театра должно было поднять дух измученных пожарами и войной солдат и офицеров. Его актерами стали франкоговорящие члены труппы Московского императорского театра, здание которого

сгорело. По мемуарным свидетельствам одной из певиц, здесь бывал и сам Наполеон. Сейчас в здании находится посольство Королевства Марокко.

Дом Василия Пушкина
(Старая Басманная, 36)
Один из немногих сохранившихся деревянных ампирных домов 1810-х—1820-х годов. Сейчас в здании находится музей.

Среди последних находок, уже 2016 года, — небольшое двухэтажное здание, расположенное в переулке Сивцев Вражек. Здание построено в 1800 году и является редким образцом жилой малоэтажной застройки Москвы, сохранившимся после пожара 1812 года. Это здание осенью 2014 года находилось под угрозой сноса. Здесь жили выдающиеся деятели науки: иммунолог Л. Тарасевич, генетик А. Серебровский.

Усадьба Разумовского на Гороховом поле, ул. Казакова, д. 18. Императрица Елизавета Петровна подарила усадьбу Алексею Григорьевичу Разумовскому в 1741 году. Фото 1920–1930 годов

Городская усадьба Н.И. Позднякова – С.В. Волковой – В.Н. Грибова, 2-я половина XIX века – начало XX века, архитекторы П.А. Ушаков, Е.И. Зеленский

Дом-музей В.Л. Пушкина, Старая Басманная, 36

Избранная картотека строений московских, к украшению ее служащих. 1812–1859

Фото 1936 года. Архив Мосгорнаследия

Авторы: **Ксения Егорова,**
Алексей Зарубин

Экзерциргауз (Центральный выставочный зал «Манеж»).
Манежная площадь, д. 1.
Архитектор – Августин Бетанкур.
1817 год

Здание в самом сердце Москвы сегодня ассоциируется с выставками, фотобиеннале и даже Венским балом – но изначально функция Манежа была военной, а не развлекательной. Манеж, или Экзерциргауз, появился в 1817 году в честь пятой годовщины победы России в Отечественной войне. Инженер, архитектор и создатель российской транспортной системы Августин Бетанкур придумал уникальную для того времени конструкцию. Здание шириной

45 метров и длиной 160 обходилось без внутренних колонн! Стропила опирались только на наружные стены! Причем форму треугольных ферм, на которых держится крыша, Бетанкур позаимствовал из опор мостов, спроектированных для главной дороги страны: Санкт-Петербург – Москва. В Экзерциргаузе должны были свободно маневрировать пехотный полк из двух тысяч солдат и кавалерийский эскадрон. Открытие Экзерциргауза стало кульминацией празднования пятилетия победы, 30 ноября 1817 года Манеж принял парад героев наполеоновских войн. Однако после торжеств выяснилось, что Бетанкур не учел местной специфики: здание строили в большой

спешке, лиственницу не успели просушить, и стропильные фермы дали трещины. К тому же количество ферм было недостаточным, чтобы выдерживать снег зимой и жару летом. Крышу пришлось дорабатывать, а «фасадический архитектор» Осип Бове создал в 1825 году фасад – простой и легкий лепной декор в виде римских воен-

ных доспехов. Бове хотел установить и чугунные горельефы, придуманные Бетанкуром, но осуществить эту идею не удалось. Уже при Николае I Экзерциргауз начал утрачивать милитаристские функции и стал местом для развлечений. Так, Лев Толстой, в юности обучавшийся в Экзерциргаузе верховой езде, в шестьдесят

семь лет осваивал в Манеже искусство управления железным конем. В 1895 году велосипедный журнал «Циклист» отмечал стремительные успехи писателя: «На прошлой неделе мы видели его катающимся в Манеже в своей традиционной блузе. Искусство владеть велосипедом дается графу очень легко...»

Кремлевские сады
(Александровский сад).
Архитектор – Осип Бове. 1823 год

В 1823 году желчный мемуарист Филипп Вигель писал: «Всякий раз, что я приезжал, Москва являлась мне в новой красоте. В этом году весной открыт так называемый Кремлевский сад: грязная Неглинная, протекавшая через гадкое болото, заключена в подземный свод, а на поверхности ее явился красный сад или бульвар, зеленой лентой опоясывающий почти Белый Кремль». Кремлевских садов, как и нынешних Александровских, было три: Верхний, Средний и Нижний (многие по-прежнему считают их одним садом и не разделяют – просто: Александровский сад. Знайте: это – ошибка!). Разделенные Троицким и Боровицким мостами, они стали излюбленным местом прогулок горожан, не зря и Булгаков, и Акунин сделали сады одной из локаций своих романов. Осип Бове предлагал использовать воды Неглинной, чтобы устроить в садах два пруда «с дорожками и аллеями вокруг», причем водоемы должны были со-

Фото: А. Востриков, 2012 год

единяться пятиметровым каскадом: «воды, падающие сверху, представляли бы великолепное зрелище и напоминали бы стихи из “Водопада” бессмертного Державина... На тех прудах, зимою, в праздничные дни, позволить кататься на коньках и для высшего общества, особенно же для дам, устроить по сторонам несколько галерей, которые и для летнего гулянья были бы приличны». К сожалению многих, пруды создать не удалось.

Зато в Верхнем саду у подножья Средней Арсенальной башни соорудили Итальянский грот, или грот «Руины». Он символизирует возрождение Москвы после наполеоновского нашествия – при постройке грота использовали камни разрушенных московских зданий и древние каменные ядра, лежавшие без дела в Кремле. Кстати, грот создан на месте бастиона, который построили для обороны Москвы от шведов в ходе Северной войны.

Триумфальная арка.
Площадь Тверской заставы –
Площадь Победы (Кутузовский проспект).
Архитектор – Осип Бове
(восстановлена по проекту
Владимира Либсона). 1834 год

Деревянные Триумфальные ворота по случаю победы над Наполеоном начали возводить в 1814 году возле Тверской заставы. Обычно именно здесь московская аристократия и купечество встречались с императором, и через эти ворота должны были

пройти русские войска, возвращавшиеся из Парижа. Военный губернатор Москвы граф Ростопчин планировал устройство торжественной праздничной встречи победителей, но 7 июля появилось распоряжение государя праздник не проводить – Александр I опасался народных волнений... Каменную арку в стиле ампира по проекту Осипа Бове открыли в 1834 году. Идею высказал император Николай I во время коронационных торжеств в 1826 году, и сам утвердил надпись на аттике: «Благословенной памяти Александра I,

воздвигшаго из пепла и украсившаго многими памятниками отеческаго попечения первопрестольный град сей во время нашествия галлов и с ними двадцати языков, лета 1812 огню преданный». На чугунных панно были изображены бегущие галлы и Москва, спасенная Александром I. Великолепные античные воины являлись аллегориями Победы, Славы и Храбрости. Кстати, Митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) отказался освящать монумент с изображениями языческих «богов, богинь и подобных эмблем».

Фото: Наум Грановский, 1935 год

В 1936 году арку демонтировали — в новый Генплан развития Москвы этот памятник русского оружия не вписался. Однако уже в 1968 году Триумфальные ворота восстановили. Совет Министров СССР учел «большую художественную ценность и общественно-историческое значение» памятника. Правда, арку перенесли на Кутузовский проспект, поближе к музею-панораме «Бородинская битва», да и копия памятника сильно отличается от оригинала: вместо прежней надписи — цитата Кутузова, вместо кирпича — железобетон, вместо белого камня — сероватый крымский известняк, вместо подлинных статуй и рельефов, сохранившихся на территории Донского монастыря, — продукция Мытищинского завода. В 2012 году к двухсотлетию победы в Отечественной войне арку решили отреставрировать. Оказалось, что памятник находился в аварийном состоянии, пришлось даже снимать скульптурную композицию — колесницу и богиню Нику, о которой еще Гиляровский писал: «Говорят, что в Москве только два трезвых кучера — здесь и на фронте Большого театра. Правда, здесь не кучер, а “баба с калачом”».

**Большой Петровский театр (Государственный академический Большой театр России).
Театральная площадь, д. 1.
Архитекторы – Андрей Михайлов, Осип Бове. 1825 год**

В 1816 году Комиссия о строении Москвы объявила конкурс на возведение нового здания московского театра взамен сгоревшего в 1805 году Петровского и погибшего в пожаре 1812 года деревянного театра на Арбатской площади. При этом одним из главных требований было включение в постройку обгоревшей стены Петровского театра Медокса. Конкурс на постройку выиграл профессор Императорской академии художеств Андрей Михайлов. Однако его проект показался слишком дорогостоящим, к тому же Большой театр был бы чересчур большим и подавлял бы окружающую застройку. Генерал-губернатор Дмитрий Голицын поручил

архитектору Осипу Бове доработать проект. Согласно Генеральному плану Москвы, разработанному им, Большой Петровский театр должен был стать композиционным центром

ампирного города-храма, посвященного победе в Отечественной войне. Бове сохранил основы композиции Михайлова, но уменьшил высоту театра на четыре метра и изменил отдел-

ку. Юный Лермонтов так описывал новое здание в сочинении «Панорама Москвы»: «...Произведение новейшего искусства, огромное здание, сделанное по всем правилам вкуса, с плоской кровлей и величественным портиком, на коем возвышается алебастровый Аполлон, стоящий на одной ноге в алебастровой колеснице, неподвижно управляющий тремя алебастровыми конями и с досадою

**Памятник Минину и Пожарскому.
Красная площадь.
Скульптор – Иван Мартос. 1818 год.
Сделан целиком на «народные деньги»**

Еще Пушкин критиковал текст надписи на памятнике: «Гражданину Минину и князю Пожарскому». Писал, что Минин «для нас» Косма, мещанин и Сухорукой, а по поводу князя Пожарского — «не худо было бы знать» имя и отчество. Другие критики спрашивали: а что, князь Пожарский не гражданин? Но такие споры всегда происходят вокруг знаковых монументов и строений. Идея создать памятник руководителям второго народного ополчения Смутного времени появилась в 1803 году. Скульптор Иван Мартос выиграл конкурс на создание памятника в Нижнем Новгороде, где и собиралось ополчение в 1612-м. Однако предложение Вольного общества любителей словесности, наук и художеств о создании монумента настолько вдохновило все общество, что памятник решили установить в Москве. Деньги собирали по всенародной подписке, а после Отечественной войны энтузиазм по поводу создания памятника вырос еще более: в скульптуре увидели символ победы над Наполеоном. Кстати, на одном из горельефов скульптор Мартос изобразил себя, отдающего Отечеству сыновей, — один из них погиб в 1813 году. Отлили медный тысячепудовый памятник в августе

**Храм Христа Спасителя.
Улица Волхонка, д. 15.
Архитектор – Константин Тон.
1839–1883 годы**

взирающий на кремлевскую стену, которая ревниво отделяет его от древних святынь России!» Большой открылся в январе 1825 года представлением «Торжество муз», в котором Гений России, вдохновенный музами, воссоздал из пепла Петровский театр! Однако в 1853-м театр снова сгорел — практически дотла, сгорел даже алебастровый Аполлон. Уцелели только стены и колон-

Архив Мосгорнаследия

1816-го в Санкт-Петербурге. Гигантский монумент транспортировали по воде. Это был триумфальный вояж: Рыбинск, Новгород, Коломна... Везде медных Минина и Пожарского встречали с большим воодушевлением. В феврале 1818 года монумент торжественно установили на Красной площади, — Мартос сам выбрал место: в середине Красной площади. После революции в 1931 году памятник перенесли поближе к собору Василия Блаженного — гражданин Минин и князь Пожарский стали

нада портика. Восстановили театр стремительно, за три года, по проекту главного архитектора Императорских театров Альберта Кавоса, который увеличил высоту здания, изменил пропорции и полностью переработал архитектурный декор. Вместо сгоревшего алебастрового Аполлона входной портик украсили бронзовой квадригой работы Петра Клодта.

мешать регулярным военным парадом. Хотя многие, например пролеткультовец Джек Алтаузен, требовали вообще скинуть ополченцев с поста-мента:
«Я предлагаю Минина расплавить, Пожарского. Зачем им пьедестал? Довольно нам двух лавочников славить, Их за прилавками Октябрь застал, Случайно им мы не свернули шею. Я знаю, это было бы под стать. Подумаешь, они спасли Россию! А может, лучше было не спасать?»

«В сохранение вечной памяти того беспримерного усердия, верности и любви к Вере и к Отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ Российский... вознамери-

лись Мы в Первопрестольном граде Нашем Москве создать церковь во имя Спасителя Христа», — гласил императорский манифест 1812 года. В международном конкурсе победил

проект шведа Карла Витберга — ма-сона, лютеранина, друга Герцена и даже не архитектора, а начинаю-щего художника. По отзывам совре-менников, проект был прекрасен: он включал пантеон погибших в Отече-ственной войне, колоннаду из тро-фейных пушек, памятник монархам и полководцам и втрое превосходил высоту нынешнего храма, рассчи-танного на десять тысяч человек. Александр I был в восторге. «Вы от-гадали мое желание, удовлетворили моей мысли об этом храме, — говорил император художнику. — Я желал, чтобы он был не одна куча камней, как обыкновенные здания, но был

**Большой Кремлевский дворец
(Парадная резиденция Президента
Российской Федерации).
Архитектор – Константин Тон.
1849 год**

В 1838 году практически одновре-менно со Храмом Христа Спасителя началось возведение Большого Крем-

одушевлен какой-либо религиозной идеей...» В пятилетнюю годовщину ухода французов из Москвы, 12 ок-тября 1817 года, Храм Христа Спа-сителя был торжественно заложен на Воробьевых горах — планировалось, что гигантский кенотаф будет виден из любой точки Первопрестольной. При сем событии присутствовала практически вся Москва — четыре-ста тысяч человек. Однако темпы строительства, которое поначалу шло очень энергично (на стройке века ра-ботали двадцать тысяч крепостных), затормозились. Александр Витберг (он принял православие и изменил имя, причем крестным был сам им-

левского дворца — старый Елизаве-тинский дворец был слишком мал, ветх и неказист. Еще Екатерина II планировала выстроить в Кремле но-вую резиденцию русских императо-ров, но идею смог реализовать только Николай I, который поручил строи-тельство своему «придворному» ар-хитектору Тону. Однако зодчий был

ператор), руководивший строитель-ством, практического опыта не имел, и деньги уходили «неизвестно куда». С воцарением Николая I обнаружили растрату в миллион. Витберг пошел под суд, а стройку века заморозили. Николай Павлович в демократию играть не стал, сам назначил Кон-стантина Тона автором нового про-екта и сам же выбрал место — на Вол-хонке. Из-за нового строительства пришлось снести Алексеевский жен-ский монастырь, игуменья которого, по преданию, место прокляла, сказа-ла: «Быть тут луже!» Торжественную закладку собора в августе 1837 года приурочили к двадцатипятилетию Бородинской битвы, причем заклад-ной камень выкопали с места про-шлой стройки на Воробьевых горах. Строительство продолжалось почти сорок четыре года, и многие совре-менники скептически воспринимали строившийся храм, как и любую инициативу власти. Например, Василий Верещагин полагал, что созданный «довольно бездарным архитектором Тоном» проект собора «есть прямое воспроизведение знаменитого Тадж-Махала в городе Агра». Тем не ме-нее, после освящения Храма Христа Спасителя в 1883 году он стал самым значительным памятником победе в Отечественной войне, а в роспи-си собора участвовали знаменитые художники того времени: Суриков, Крамской, Семирадский, Бруни. В 1931 году большевики взорвали Храм Христа Спасителя, а в 1960-м на этом месте появился открытый бассейн «Москва» (что подтвержда-ло слова игуменьи). В 2000 году храм воссоздали по проекту Алексея Де-нисова, Зураба Церетели и Михаила Посохина. Строительство было окру-жено спорами, протестами, обвине-ниями в коррупции и в отступлении от оригинала.

не свободен в выборе архитектурного решения, император предложил обра-зец — нереализованный проект Коло-менского дворца архитектора Андрея Штакеншнейдера. Самым ориги-нальным элементом проекта назы-вают посвящение залов второго эта-жа основным российским орденам. Георгиевский, Владимирский, Алек-

сандровский, Андреевский и Ека-терининский залы Большого Крем-левского дворца — единственное в своем роде явление в русской ар-хитектуре. Строительство продол-жалось одиннадцать лет, и на откры-тии император выразил надежду, что «Кремлевский дворец... будет новым достойным украшением моей древ-ней столицы, тем более что он вполне соответствует окружающим его зда-ниям, священным для нас, и по соеди-ненным с ними воспоминаниям веков минувших и великих событий отече-ственной истории». Надежды Нико-лая I сбылись, Большой Кремлевский дворец до сих пор используется для государственных и дипломатических приемов и официальных церемоний.

**Первая Градская больница
(Городская клиническая больница
№ 1 имени Н.И. Пирогова).
Ленинский проспект, д. 8.
Архитектор – Осип Бове. 1833 год**

«Заложено сие здание для одной больницы на 450 кроватей по сооб-ражению лейб-медика Лодера и по планам архитектора Иосифа Бове», — написано на медной табличке, за-ложенной в основание здания в мае 1828 года, хотя главным инициатором строительства был московский гене-рал-губернатор князь Дмитрий Го-лицын. Наверное, поэтому Градская стала первой больницей, построен-ной на средства города. Согласно ее

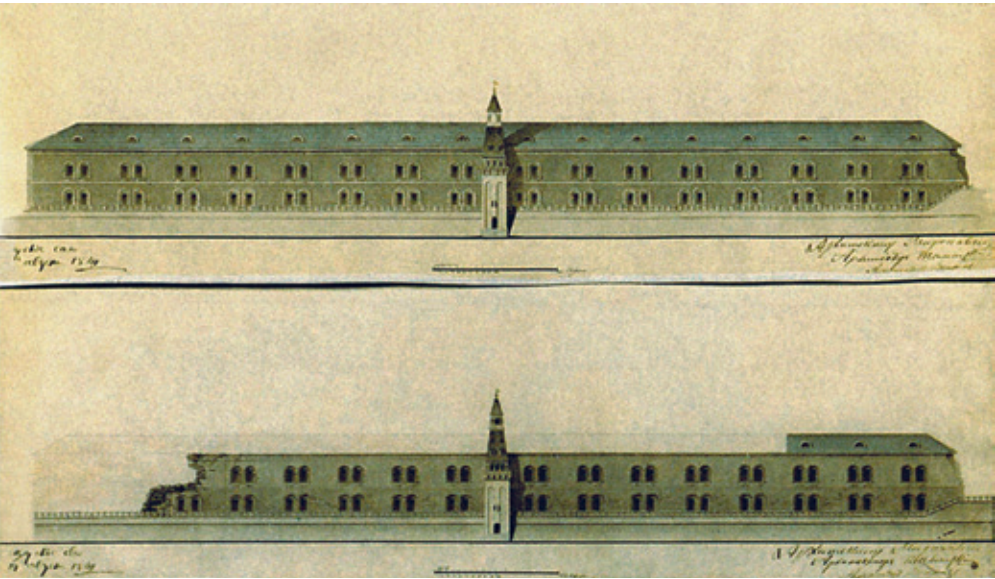

уставу, «все бедные и неимущие обо-его пола люди принимаемы и лечены будут безденежно, кроме достаток имеющих». Первая Градская была выстроена рядом с Голицынской больницей, которую возвел учитель Осипа Бове — Матвей Казаков. От времени сооружения Голицынской больницы до окончания постройки Градской больницы прошло больше 30 лет, и за это время характер рус-ской архитектуры поменялся очень сильно. В отличие от «декоративно-сти» Голицынской больницы здание Первой Градской решено сдержанно, даже сухо. Однако идеально выверен-ное соотношение отдельных частей и целого придают ему классическую

стройность и легкость. Единствен-ное украшение Градской больницы — восьмиколонный ионический портик с широкой лестницей. Над порти-ком — плоский купол больничной церкви. Бове оборудовал больницу по последнему слову тогдашней сантех-ники: установил две паровые машины для снабжения больницы водой из Москвы-реки, соорудил крытые бас-сейны с системой фильтрации воды и провел канализацию — колодцы для стока нечистот. Первым врачом Первой Градской стал Ефрем Мухин, который не только вдохновил Нико-лая Пирогова на занятия медициной, но и помог 14-летнему юноше посту-пить в Московский университет.

Никольская башня после взрыва 11(24) октября 1812 года

Московский Арсенал. Разрушения 1812 года (внизу) и проект восстановления (вверху). Вид с внешней (западной) стороны. 1814 год

Голицыне было успешно продолжено и в последующие годы. Москва уверенно возвращала себе столичный флёр, позабыв на время о том, что она уже 100 лет как не столица.

Улицы и дороги

После пожара 1812 года было решено валы Земляного города снести, ров засыпать и на всём их протяжении образовать улицу вокруг Москвы. План улицы был прислан из Петербурга в Москву в 1816 году. После сноса вала и засыпки рва освободилось пространство шириной более 60 м. Такой ширины улицы не требовалось — транспорта было много меньше, чем сейчас. Замощение, освещение, очистка подобной многополосной кольцевой магистрали были бы чрезмерно обременительными для города и домовладельцев. Поэтому под мостовую и тротуары отвели лишь 21—25 м, а остальная часть улицы отдавалась местным жителям для устройства против каждого двора палисада с деревьями и цветами и «приличной оградой». В указе императора Александра I о восстановлении и благоустройстве Москвы был специальный пункт, касающийся Земляного вала: «Места из-под Земляного вала раздать владельцам, кои по обеим сторонам оного имеют свои дома, ...с тем, что-

бы сии прибавочные места были огорожены порядочными невысокими решетными заборами, у коих бы тумбы были совершенно одинаковой высоты, толщины и фигуры; а решетка между тумбами по выбору владельцев из рисунков Комиссии; и чтобы в сих присоединенных к каждому двору местах хозяева оных старались разводить садики во всю длину мест своих перед домами, дабы со временем весь проезд вокруг Земляного города с обеих сторон был между садами».

На осуществление этих планов понадобилось 14 лет. За зеленью деревьев летом не видно было доми-

План Москвы 1739 года. По сути, Земляной город — это Садовое кольцо, а Белый город — Бульварное кольцо

Генеральный план столичного города Москвы 1813 года

ков, стоявших по улице, почему она и получила название Садовой. Но шестнадцать километров ее длины, нахождение в разных районах и подчинение разным полицейским частям не позволили ограничиться одним этим названием, и фактически улица была разделена на 20 отдельных улиц и площадей с прибавлением к основному названию «Садовая» местных названий: Кудринская, Триумфальная, Спасская и др. В западной же части кольца в 1820 году посреди улицы были устроены Зубовский и Смоленский бульвары с проездами по сторонам. Севернее бульваров оставлены были для торговли площадь Смоленская-

Сенная и Смоленский рынок и плац для Подновинского гулянья. С течением времени домовладельцы застроили садики, особенно вблизи больших радиальных магистралей, где нужны были лавки, гостиницы и т.п. По праву давности палисадники перешли в собственность домовладельцев, и впоследствии город даже не мог провести под ними ни водопроводных, ни канализационных труб.

В 1826 году князь Голицын предложил Комиссии строений вернуться к проекту более чем пятидесятилетней давности и «устроить бульвары на манер парижских» (как когда-то мечталось Екатерине Великой) и были

Тверской бульвар. А. Кадоль, 1825 год

Тракт от Москвы до Санкт-Петербурга.
Издано Санкт-Петербургской Академией наук. 1767 год

созданы Страстной, Петровский, Рождественский, Сретенский, Мясницкий, Яузский, Пречистенский и Никитский бульвары с возведением в их разрывах гостиниц и рыночных площадей, а сами бульвары обнесены барьерами. Еще в XVIII веке при Николае Легране был террасирован Пречистенский бульвар, однако после войны из-за сгоревших документов (и сгоревшего города) никак не могли разобраться с землеотводами. В 1818 году разбили Тверской бульвар — там всё было просто, а еще через 7 лет устроили и оставшиеся. Исключая Покровский. К его разбивке вернутся только в начале XX века. С 1831 года началось сооружение Трубно́го (ныне Цветного) бульвара, на что из казны отпускалось ежегодно 100 тыс. рублей. Работы эти стали возможны после заключения в трубу реки Неглинной (Самотеки) в нижней части ее течения, что было сделано в 1818 году.

Параллельно велось «стратегическое строительство». Более полувека ушло на то, чтобы построить дорогу между Первопрестольной и столицей. В 1834 году были завершены работы по строительству шоссе Москва — Петербург. По проекту инженер-капитана Баранова, утвержденному в 1786 году императрицей Екатериной II, ширина его посередине составляла 8,5 м (мощение щебенкой), а грунтовых дорог по сторонам — 3,2 м (для проезда в су-

хое время года), а все мосты на трассе должны были быть каменными. Но тогда денег в казне не оказалось, и строительство шоссе затормозилось на долгие годы. Утверждение Александром I 20 июля 1816 года подготовленной особым дорожным комитетом сметы расходов на сооружение шоссе между Петербургом и Москвой открыло новую главу в истории дороги. Строительство шоссе с 1 января 1817 года было возложено на Главное управление путей сообщения, что и дало положительный результат (хоть и ушло на это много лет). Вот что писал по сему поводу литератор, драматург и историк Москвы М.Н. Загоскин: «Я думаю, многие из моих читателей помнят то время, когда дорога между Москвой и Петербургом была самым тяжким испытанием человеческого терпения для того, кто ехал в соб-

ственном экипаже, и решительно наказанием небесным для всякого, кто ехал на перекладных. У меня и теперь еще волосы становятся дыбом, когда я вспомню про эту каменную мостовую, перед которой всякая городская мостовая показалась бы вам гладким и роскошным паркетом, и эта-то мостовая была для путешественника отдохновением, когда он выезжал на нее, проехав верст триста по дорожной бревенчатой настилке, которую уж, верно бы, Данте поместил в свой ад. Теперь мы едем от Москвы до самого Петербурга по ровному шоссе, нас не тряхнет ни разу, а если иногда придется проехать с четверть версты по дурно вымощенному селению, мы начинаем гневаться и кричать, почему у нас нет еще до сих пор железных дорог и паровозов». Шоссе еще строилось, а уже было учреждено первое в России Акционерное общество по устройству пасса-

Дилижанс на Петербургско-Московском тракте. Неизвестный художник. 1830-е годы. Музейно-выставочный центр «Путевой дворец»

«Я ДУМАЮ, МНОГИЕ ИЗ МОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ ПОМНЯТ ТО ВРЕМЯ, КОГДА ДОРОГА МЕЖДУ МОСКВОЙ И ПЕТЕРБУРГОМ БЫЛА САМЫМ ТЯЖКИМ ИСПЫТАНИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕРПЕНИЯ ДЛЯ ТОГО, КТО ЕХАЛ В СОБСТВЕННОМ ЭКИПАЖЕ, И РЕШИТЕЛЬНО НАКАЗАНИЕМ НЕБЕСНЫМ ДЛЯ ВСЯКОГО, КТО ЕХАЛ НА ПЕРЕКЛАДНЫХ. ТЕПЕРЬ МЫ ЕДЕМ ОТ МОСКВЫ ДО САМОГО ПЕТЕРБУРГА ПО РОВНОМУ ШОССЕ, НАС НЕ ТРЯХНЕТ НИ РАЗУ, А ЕСЛИ ИНОГДА ПРИДЕТСЯ ПРОЕХАТЬ С ЧЕТВЕРТЬ ВЕРСТЫ ПО ДУРНО ВЫМОЩЕННОМУ СЕЛЕНИЮ, МЫ НАЧИНАЕМ ГНЕВАТЬСЯ И КРИЧАТЬ, ПОЧЕМУ У НАС НЕТ ЕЩЕ ДО СИХ ПОР ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ И ПАРОВОЗОВ»

жирских рейсов дилижансами между Петербургом и Москвой. Дилижансы представляли собой большую удобную многоместную карету на рессорах, запряженную четверкой лошадей. Они перевозили пассажиров, багаж и почтовую корреспонденцию. Пассажиров в дилижанс помещалось обычно от 6 до 8 человек. Каждый пассажир мог взять бесплатно по 8 кг груза и еще 12 кг за дополнительную плату. Билет за проезд стоил 95 рублей, что было для того времени огромной суммой. Так, в первой половине XIX века жалование мелкого канцелярского служащего (без учета взяток, конечно) не превышало 200 рублей в год. Поэтому пользовалась дилижансами только богатая публика. Путь в 724 км между Петербургом и Москвой дилижансы проделывали за 4 суток, после завершения строительства шоссе — за двое с половиной. И это было очень приличной по тем временам скоростью. Притом пассажирам не надо было задумываться о смене лошадей на станциях и возможных поломках экипажа. Все заботы лежали на перевозчике. Благодаря удобству и скорости передвижения дилижансы в первой половине XIX века пользовались самой широкой популярностью. Обеспеченные люди часто предпочитали ка-

рету дилижанса поездкам на личном транспорте. За первые 10 лет существования маршрута дилижансы перевезли 33 600 человек. Хотя путешественники вначале негодовали: в отличие от старых возков или кибиток, где можно было лежать, в дилижансах приходилось только сидеть, притом в тесноте. Отсюда дилижанс (от франц. «diligence») насмешливо перекрестили в НЕЛЕЖАНС или СИДЕЙКУ. Но по мере совершенствования перевозок недовольных становилось всё меньше. Читаем у того же М.Н. Загоскина: «Но теперь пусть всякий, кто бывал за границу, скажет по чистой совести, есть ли где-нибудь дилижансы красивее, спокойнее и удобнее тех, в которых мы ездим из Москвы в Петербург и из Петербурга в Москву?» В 1842 году в Москве имелось уже восемь станций дилижансов в направлении Москва — Петербург, еще по одной станции было в направлениях Москва — Нижний Новгород и Москва — Харьков.

Компании — учредители дилижансов приняли единые правила по всем трактам. Были среди этих правил и такие пункты: «Желающий ехать записывается заблаговременно в конторе дили-

Конка и ломовые подводы на Садовой улице в Москве. Фото конца XIX века

жансов, вносит тотчас деньги и получает билет на избранное место, а в канун дня отъезда приносит в контору свой паспорт вместе со свидетельством Полиции, что к выезде его нет препятствий. Служащие чиновники предъявляют только виды от своего Начальства... Дилижансы из Санкт-Петербурга и Москвы отходят в 9 часов утра; кто опоздает, того не ждут, и в дома к пассажирам не заезжают. Не могущий сам ехать имеет право передать свое место другому; в противном случае деньги теряют... Дилижансы отправляются на почтовых лошадях. Надзиратель со стороны заведений следует при каждом, платит прогоны, обслуживает пассажиров, заботится об исправности экипажа; почему никто из пассажиров не может понуждать Дилижанс, ни к большей, ни к меньшей скорости, ни к излишней остановке... Дилижанс идет день и ночь, останавливаясь на короткое время для завтрака, обеда и ужина там, где пассажиры пожелают. По прибытии на место они возвращают билеты и берут свои паспорта».

Городской общественный транспорт

Первый городской общественный транспорт в Москве на регулярной основе появился в 1847 году, когда было открыто движение многоместных летних и зимних экипажей на конной тяге. В каждом из них, пер-

воначально представлявших собой нечто вроде открытой или крытой кареты (по времени года), в центре стояли две скамейки. На них спиной к спине и лицом к тротуару сидели пассажиры. Такие экипажи, курсирующие по заранее определенным маршрутам — линиям, — москвичи в просторечии стали называть линейками. Это название и укоренилось. Хотя первые линейки и пошли от Варварских ворот к Ильинским воротам и Лубянке в 1820-е годы, тогда они были организованы не на городские деньги и просто помогали «маломобильным группам» населения подняться вверх на Лубянский холм с поклажей. Первые же городские линейки курсировали по трем радиальным маршрутам, а через 20 лет линейек было уже 22 штуки. Москвичи, правда, к этому виду транспорта относились неоднозначно. Русский артист и литератор Павел Богатырёв писал в своих мемуарах: «Линейки — это достопримечательность тогдашней Москвы. Никакой жестокий инквизитор не мог бы выдумать более мучительной пытки, как езда в этих экипажах, но терпеливые москвичи ездили и платили еще деньги за свою муку. Такого безобразия, как эти линейки, вряд ли где можно найти. Линейки эти были до невозможности грязные, с постоянно звенящими гайками, с расшатанными колесами, с пьяными дерзкими ямщиками».

Конечно, официально линейки подавались совсем иначе. Вот выдержка из газеты «Московские ведомости» за 1847 год: «...с сентября сего 1847 года у нас открывается езда в публичных экипажах и при том на следующих основаниях: вмещающая от 6-ти до 10-ти пассажиров, каждый экипаж будет возим двумя сильными, красивыми лошадьми». А вот фрагмент из правил работы линейек: «Экипаж не дожидается полного числа пассажиров, но отправляется тотчас, если займет место хотя бы один только человек; во время следования, по данному кондуктором знаку, экипаж тотчас останавливается и принимает пассажира. Каждый пассажир, доехав до того места, до которого ему нужно, имеет право остановить экипаж и выйти...». Ну чем не современные маршрутки?

Реки и водные системы

В период с 1817 по 1819 годы трехкилометровый участок реки Неглинной заключили в трубу, которая представляла собой кирпичный свод. Подземный коллектор построили по плану военного инженера и геодезиста Егора Герасимовича Челиева, который, кстати, изобрел цемент, способный затвердевать под водой. Правда, во время сильных половодий и ливневых дождей река пробивалась на поверхность — места в подземелье ей не хватало, да и засоряли его основательно, забывая прочищать.

Москва. Старинная гравюра. Вид на Кремль. Хорошо видна арка, через которую Неглинка впадала в Москву-реку

Это безобразие продолжалось до 1971 года, когда коллектор Неглинки расширили. В 1818 году в северной части Неглинной был разбит первый в Москве общественный Екатерининский парк. Своим появлением он обязан бывшему фавориту Екатерины II — Римскому-Корсакову, который был уволен от двора после того, как императрица застала его с одной из своих фрейлин. В Москве пылкий юноша со взором горящим разбил сердце графини Строгановой (она получила развод и стала жить с Римским-Корсаковым), а после ее смерти промотал всё ее состояние. И вот, желая поправить свои денежные дела, Римский-Корсаков придумал пускать москвичей гулять

в свой сад за деньги. Это так понравилось горожанам, что власти города и разбили общедоступный парк. В 1819 году был засыпан без разборки ставший ненужным Кузнецкий мост. (Это стало известно в 1980-е годы — до того считалось, что Кузнецкий мост был разобран). А также благодаря этим работам на Неглинной Москва получила великолепные Александровские сады, достойные отдельной статьи.

Водоотводный канал, именовавшийся презрительно в народе «Канавой», в 1833 году перестроили и обогатили, придав ему ширину по дну около 9 саженей (20 м) и по верху — 18 саженей (40 м). В 1836 году в ниж-

ней части канала, впадавшего в реку Москву двумя рукавами-устьями, были устроены Краснохолмские сооружения: в одном рукаве — плотина с отверстием шириной 32 м и подпором 3 м, в другом рукаве был построен двухкамерный шлюз шириной 13 м и длиной каждой камеры 64 м с кирпичными стенками на свайном основании. После строительства Краснохолмских сооружений появилась возможность судоходства по Водоотводному каналу. Кроме того, приходившие в столицу окские и волжские суда получили удобную пристань для выгрузки товаров. Одновременно с Краснохолмскими плотинами и шлюзом Москва-река у Бабьего городка (ниже истока

Кузнецкий мост в XVIII веке. Неизвестный художник

Бабьегородская плотина и Храм Христа Спасителя. Фото 1903 года

Водоотводного канала, но несколько выше Каменного моста) была преграждена разборной плотиной с отверстием 100 м, подпор от которой в 3 м простирался почти на 15 км (до Шелепихи). Основными задачами Бабьегородской плотины были поддержание на перекатах нижней Москвы-реки необходимых судоходных глубин, а также обеспечение судоходства на участке реки Москвы выше Каменного моста. К сожалению, обе эти цели не были достигнуты. Основная причина заключалась в том, что и Бабьегородская плотина, и Краснохолмские сооружения должны были служить начальными звеньями проектировавшегося в то время водного соединения реки Москвы с Волгой

через реки Истру и Сестру. Несмотря на то что к постройке этого соединения приступили и была выполнена даже значительная часть работ, строительство не довели до конца: всю систему соединения признали невыгодной и неудобной для судоходства и упразднили. Тем самым было сведено на нет значение Бабьегородской плотины для судоходства по Москве-реке выше города.

Водопровод

За всю историю своего существования Мытищинский водопровод неоднократно перестраивался. Вот, например, в 1826–1835 годах его усовершенствовал инженер Николай

Иванович Яниш. Для такой масштабной работы была существенная причина — большие потери количества и качества воды по ходу ее следования в город. Это происходило из-за того, что кирпичные стены и дно водопровода дали трещины. В районе Сокольников водопровод проходил по песчаным грунтам с местными ключами, вода из которых (невысокого качества) добавлялась к Мытищинской. В итоге в город она поступала мутная, с большим количеством посторонних частиц. Положение усугубилось в 1823 году, когда в районе Сокольнической рощи произошел масштабный обвал грунта. По новому проекту, утверждено-му на Высочайшем уровне 22 июля

Водоразборный фонтан работы скульптора Ивана Витали стоял на Лубянской площади до 1934 года

Так выглядел Николаевский вокзал к концу XIX века. Фото Н.А. Найдёнова. 1883 год

1826 года, были проложены чугунные трубы, построена Алексеевская водоподкачка с двумя паровыми машинами, установлен резервуар в Сухаревой башне и сооружены водоразборные фонтаны — Шереметевский (около Сухаревой башни), Никольский (на Лубянской площади), Петровский (на Театральной площади), Воскресенский (на нынешней площади Революции) и Варварский (на нынешней Славянской площади). Два из этих фонтанов сохранились и до наших дней — это фонтаны на Театральной площади и у здания Президиума Академии наук, перенесенный к бывшему Нескучному дворцу с Лубянки. Из этих элегантных фонтанов москвичи когда-то черпали ведрами воду — на ней готовили пищу и заваривали чай. В 1853–1858 годах выдающийся инженер Андрей Дельвиг, двоюродный брат известного поэта и друга Пушкина Антона Дельвига, реконструировал водопровод еще раз, заменив верхнюю кирпичную галерею на чугунные трубы. Это позволило увеличить водоснабжение города в 10 раз: жители Москвы стали получать 500 тысяч ведер воды ежедневно. При Дельвиге на городских насосных станциях появились более совершенные паровые машины, а по

всей Москве были сооружены новые водоразборные фонтаны, бассейны и колонки, а также 15 пожарных колодцев. Так было положено начало современному пожарному делу.

Освещение улиц

По состоянию на 1848 год в Москве работали и освещали улицы 6000 масляных фонарей, установленных на деревянных столбах. Их обслуживали фонарщики, которые находились в подчинении обер-полицмейстера и набирались из штрафных солдат. Чтобы московские фонари светили ярче, а фонарщики не торговали конопляным маслом, в 1820-е годы фонари пробовали заправлять лампадным маслом, но быстро выяснилось, что городскому бюджету это обходится очень дорого. Тогда начали использовать хлебный спирт, и в 1848 году в Москве и Петербурге стали проводить опыты по устройству спирто-скипидарного освещения. Чтобы спирт не воровали и не пили, в него начали добавлять скипидар, а все фонари стали закрывать на замки. Когда в Москве уж было разработали план полной замены масляных фонарей на спирто-скипидарные, на мировых рынках появилась новинка — «фото-

ген» (мы знаем это вещество как керосин). Но и затраты на керосиновое освещение оказались слишком велики для городского бюджета, и реализация этого варианта состоялась только в начале 1860-х годов. А тем временем с 1849 года в генерал-губернаторское управление неоднократно подавались частными компаниями предложения о газовом освещении улиц Москвы, но все эти предложения оставались без ответа. Или проекты были слишком затратны для городской казны, или за время рассмотрения запроса предприятия распадались сами собой.

Наиболее сильными преобразованиями этого времени многими москвичами назывались устройство Московского ипподрома, закладка Храма Христа Спасителя, преобразование Пречистенской набережной, появление на улице «гитар» — специальных экипажей. Но всё же более всего все отмечали приход в город силы пара — железные дороги и Николаевский вокзал, а также английские станки и достижения немецких инженеров в области чугунолитейного дела открыли новую страницу в истории Москвы.

1812-й. Это был год, обнуливший Москву. Год, давший ей новую жизнь. Год аннигиляции и начала. Прежний город сжег себя в своем гнезде, как птица Феникс. Сжег без раздумий, без жалости к себе, даже без надежды на воскресение. Может, оттого оно и обернулось для всего мира едва ли не чудом. И для самой Москвы тоже.

Открытие Москвы

«Только одна возрождает себя своим семенем птица: "Феникс" ее ассирийцы зовут...».

Овидий «Метаморфозы»

1812-й. Это был год, обнуливший Москву. Год, давший ей новую жизнь. Год аннигиляции и начала. Прежний город сжег себя в своем гнезде, как птица Феникс. Сжег без раздумий, без жалости к себе, даже без надежды на воскресение. Может, оттого оно и обернулось для всего мира едва ли не чудом. И для самой Москвы тоже. В Великом пожаре не выжила и треть города. Из 9158 строений огонь уничтожил 6532. Осенью 1812-го многим, кто вступал в пределы сгоревшей Москвы, казалось, что это конец. И у многих опускались руки. Но почему-то чаще такое случалось с дворянами.

Фёдор Ростопчин, главнокомандующий по Москве после пожара, писал в феврале 1813 года генерал-адъютанту Александру Балашову: «Здесь стоит совершенно теплая погода. Дороги очень испортились, и все ждут с нетерпением морозов. Лесу для строения везут множество, и купечество намерено приводить сгоревшие свои дома в первобытное состояние. Дворяне же мало о сем промышляют — причина та, что многие разорены».

1814 год. Свидетельствует савойский посол в России Жозеф де Местр: «В Москве много строят, но только

Проект реконструкции московских площадей и некоторых улиц, составленный архитектором Гесте в 1813 году. Нанесен на схематический план Москвы 1810 года

Автор: Алексей Зарубин, Татьяна Лиманова

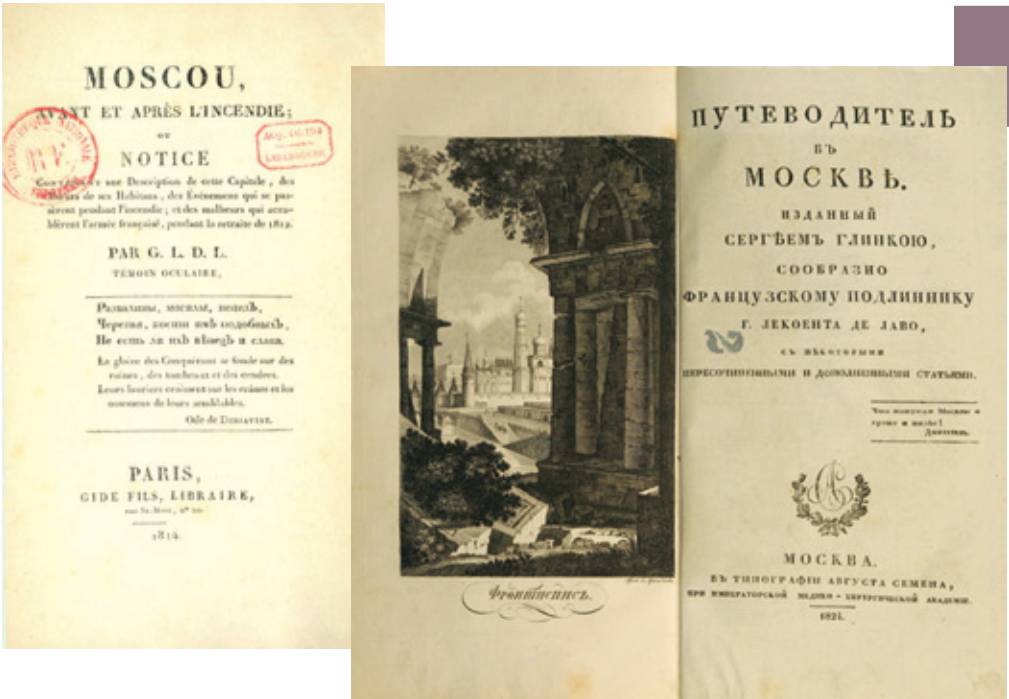
Главный корпус Московского университета, восстановленный после пожара 1812 года

лишь купцы, насколько я могу судить; я не вижу, чтобы дворянство предприняло в этом смысле общее усилие». А ведь большее всего пожар ударил по купцам и мещанам. Из 8521 каменных и деревянных лавок в огне были уничтожены 7153 лавки. То есть остались ничтожные 16 процентов. Число торговых рядов сократилось вдвое. Но. Уже в ноябре в Москве пошла торговля. Как грибы, вырастали временные строения. Всего их было построено более двух тысяч. Между прочим, история этих временок напоминает совсем уж недавние события в Москве — так называемые «Ночи длинных ковшей». Через несколько месяцев в городе начался массовый снос стихийно возникших деревянных построек. Купцы сопротивлялись, как могли. На какое-то время, очень непродолжительное — лишь до декабря 1812 года, — кому-то удалось выбить отсрочку в обмен на «пожертвования» в пользу погорельцев. Но лишь до декабря. В конце первого года жизни новой Москвы в ней было 64 предприятия, рабочих трудилось 12 303, через два года уже действовало 253 предприятия с 27 314 рабочими. Это было 7% от всех предприятий России на тот

момент. К 1825 году количество лавок в домах и торговых рядах достигло 8415. Вот еще цифры. 1814 год. Из 66 хлопчатобумажных мануфактур в Москве 49 принадлежали купцам, 8 — крестьянам, 6 — иностранцам и 3 — дворянам. Купечество набирало силу. Без лишних рефлексий, не обращая внимания на клейма лжецов и мошенников, треть сословие брало город без боя.

Открывалась тогда Москва по-новому и для чужих. Пройдет всего лишь 12 лет после пожара, и в 1824 году в московской типографии француза Августа Ивановича Семена, он же Огюст-Рене Семен, в печать выйдет первый путеводитель по Москве на французском. Автором его станет Леконт де Лаво, секретарь Императорского Московского общества испытателей природы и член Геологического общества Франции. Этот тираж окажется практически сразу библиографической редкостью. Сейчас раритетную книгу можно купить тысяч за 200. В том же 1824 году этот труд был переведен на русский. Литератор Сергей Глинка, известный галлофоб, утверждавший, что «славяне» — это от

«ТЕПЕРЬ СМЕЛО СКАЗАТЬ МОЖНО, ЧТО В ТЕЧЕНИЕ ПЯТИ ЛЕТ НОВАЯ МОСКВА ЗАСТАВИТ ЗАБЫТЬ СТАРУЮ, ПОСТРАДАВШУЮ ОТ ЗЛОСТИ НАПОЛЕОНА. МНОГО ИНОГОРОДНИХ КУПЦОВ СОБИРАЮТСЯ ПЕРЕСЕЛЯТЬСЯ СЮДА НА ЖИТЬЕ. ДВОРЯНСТВО, ПОПРАВЯ ДОХОДАМИ СВОИ ПОТЕРИ, ПРИСТУПАЕТ К СТРОЕНИЮ, ПОЛАГАЯ, НАВЕРНОЕ, ЧТО МИРНОЕ ТОРЖЕСТВО БУДЕТ ПРАЗДНУЕМО В МОСКВЕ. МАСТЕРОВЫЕ И РАБОЧИЕ ЛЮДИ ПОЛУЧАЮТ ТРОЙНУЮ ПРОТИВ ПРЕЖНЕГО ПЛАТУ»

слова «слава», выпустил книгу под названием «Путеводитель в Москве, изданный Сергеем Глинкою, сообразно французскому подлиннику г. Леконта де Лаво, с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями». Стоит отметить, что де Лаво принялся отслеживать историю больших перемен в городе почти сразу после драматичных событий 1812-го. В 1814-м в Париже вышла его брошюра под названием «Москва до и после пожара» (Moscou avant et après l'incendie). Иностранцев Москва после нашествия Наполеона влекла особо. Город, сдавшийся и тем самым победивший, надо было видеть! Не зря, к примеру, Запад превозносил бывшего московского губернатора Фёдора Ростопчина. Уйдя в 1814 году в отставку, Ростопчин, можно сказать, сбежал из России. Спасаясь от обвинений в поджоге Москвы, уехал жить за границу. Несколько лет провел бывший губернатор сгоревшего города среди ненавистных ему французов. Так вот, на чужбине его считали героической личностью, настоящим патриотом, не пожалевшим Москвы ради спасения Родины.

Тем более героической виделась в глазах иноземцев сама древняя столица. Вот, к примеру, что написано в путеводителе де Лаво — Глинки: «Ни один город, подобно Москве, не возвышал-

ся с таким блеском и столь быстро почти из общего своего разрушения. Сим быстрым возобновлением обязана она мудрому правлению, умевшему надлежащим образом распределять помощь и одобрения. Едва истребительная буря перестала изливать бедствия на дымящиеся развалины сего города, и уже звуки зиждительных орудий раздались в его стенах; едва промышленность открыла и лавки, и ряды, и магазейны, уже возродились порядок и изобилие в той самой столице, в которой незадолго перед тем, казалось, обитал дух истребления». Стоит, однако, отметить, что к моменту, когда Наполеон вторгся на нашу территорию, русское общество всецело мнило себя европейским. Россия для знати была западной державой. Так уж Пётр заложил. Всё значение государства связывалось с блестящим молодым Петербургом. Москва ж оставалась хоть и центром страны, но очень старомодным, очень патриархальным и, что говорить, провинциальным. А уж для иностранцев город представлялся насыщенным архаикой, с щедрым добавлением восточных ноток. Для некоторых он казался и вовсе... монстром. Вот, к примеру, отзыв 1839 года. Знаменитое сочинение маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году»: «Стены Кремля — это горная цепь. Это цита-

Путеводитель С. Глинки и брошюра Л. де Лаво. 1824 год

Яузская улица, дом 11. Восстановление дома после пожара обошлось Ивану Родионовичу Баташёву в 300 тысяч рублей серебром. В 1879 году в доме на Швивой горке, выкупленном московскими властями, была устроена Яузская больница для чернорабочих. Фото Ф. Смирнова, 2016 год

МОСКВА СТАНОВИЛАСЬ СВЕТЛЕЕ И ПРОСТОРНЕЕ ПРЕЖНЕЙ. НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ИСЧЕЗАЮТ СТАРЫЕ ТОРГОВЫЕ ПОСТРОЙКИ И ПОЯВЛЯЕТСЯ ПАМЯТНИК МИНИНУ И ПОЖАРСКОМУ. НЕГЛИНКА УХОДИТ ПОД ЗЕМЛЮ, ВОЗНИКАЕТ АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД, ЗАКЛАДЫВАЕТСЯ КОЛЬЦО ЦЕНТРАЛЬНЫХ ПЛОЩАДЕЙ ОКОЛО КРЕМЛЯ, ВОЗВОДИТСЯ ГРАНДИОЗНЫЙ ЭКЗЕРЦИРГАУЗ, КОТОРЫЙ ВСЕ ЗНАЮТ КАК МАНЕЖ

дель, построенная на рубеже Европы и Азии, в сравнении с обыкновенными укреплениями то же, что Альпы в сравнении с нашими холмами: Кремль — Монблан крепостей. Если бы гигант, зовущийся русской империей, имел бы сердце, я сказал бы, что Кремль — сердце этого чудовища, он — голова его». (Да, Астольф де Кюстин пробыл в России три месяца, за которые чудесным образом успел ощутить всю полноту «рабской» природы русского общества XIX века.)

В большинстве же своем европейцы, менее впечатлительные, чем де Кюстин, очевидно, смотрели на Москву так, как позже увидит ее «самый русский поэт». Действительно, «золотая дремотная Азия опочила на куполах». Ради этой экзотики древний город только и ценили. Чтобы ощутить бие-ние жизни России, ехали в Петербург. После войны отношение к Москве изменилось. Нет, конечно, город Петра по-прежнему являлся окном в Европу. Но древняя столица помимо того, что все-таки была архаичной, стала еще и героичной. Мир захотел узнать ее заново.

1813 год. Фёдор Ростопчин — Александру Балашову: «Теперь смело сказать можно, что в течение пяти лет новая Москва заставит забыть старую, пострадавшую от злости Наполеона. Много иногородних купцов собираются переселяться сюда на житье. Дворянство, поправя доходами свои потери, приступает к строению, полагая, наверное, что мирное торжество будет празднуемо в Москве. Мастеровые и рабочие люди получают тройную против прежнего плату, и число скоропостижных смертей от сильного пьянства убавляется. Купцы разбогатели, располагая ценами товаров. Роскошь посреди оханья от разорения возобновляется в домах, в экипажах и в прихотях». Ростопчин был прав. Уже в 1816 году проблема жилого фонда была прак-

тически решена, погорельцы получили-таки «добротные дома». Подсчитано, что к 1817 году восстановлено 2514 домов, построено 6174. Итогом вынужденной реконструкции Москвы стали снос Земляного вала и стены Китай-города, за исключением лишь малой ее части, появление Бульварного и Садового колец и многих площадей.

Москва становилась светлее и просторнее прежней. На Красной площади исчезают старые торговые постройки и появляется памятник Минину и Пожарскому. Неглинка уходит под землю, возникает Александровский сад, закладывается кольцо центральных площадей около Кремля, возводится грандиозный экзерциргауз, который все знают как Манеж. Между прочим, одна из площадей, Хитровская, появилась благодаря, как сейчас сказали бы, частной инициативе. Ее построил Николай Захарович Хитрово, женатый на одной из дочерей Кутузова. В 1824 году он выкупил две усадьбы неподалеку от своего дома, которые владельцы не в состоянии были вернуть к жизни после пожара 1812 года. На их месте Хитрово повелел обустроить новую площадь и подарил ее городу.

После Великого пожара город менялся на глазах. Он стал более понятным, что ли, для европейцев. Хотя, безусловно, флёр дремотной Азии из

Хитровский переулок и Хитровская площадь на плане Алексея Хотева. 1853 год

Москвы никуда не улетучился. Да он никогда и не исчезнет. Из путеводителя де Лаво — Глинки: «Нигде так быстро не строятся, как в Москве; а это от того, чтобы избежать зимних месяцев. Нередко видишь весною вбиваемые сваи под тот дом, который должен быть осенью уже под кровлею. До большого пожара число домов простиралось до 9158, из коих 6341 сгорели; а с того времени выстроили 8027; следственно, после 1812 года число оных умножилось». То, как деятельно было третье сословие и перед приходом Наполеона, и после его бегства, поистине достойно уважения. Летом 1812-го зажиточные москвичи жертвовали деньги. Много денег. Так, купец 1-й гильдии, из серебряного ряда, Алексей Савостин пожертвовал всё свое имущество на нужды армии. По 50 тысяч отдали Семён Алексеев (золотая и серебряная канитель), Григорий Кирыков (шелк, ситец), Алексей Куманин (полотняное производство). Когда император приехал в Москву в июле 1812-го, все были полны энтузиазма. Но у дворян энтузиазм этот выразился в 3 миллионах рублей пожертвований, а у купцов — в десяти с лишним. Через считанные месяцы с тем же энтузиазмом купечество взялось за восстановление города. Пушкин в 1836 году в своем «Путешествии из Москвы в Петербург» так описывает новую Москву: «Ныне в присмиревшей Москве огромные боярские дома стоят печально между

широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину тридцать рублей в месяц за квартиру; великолепный бельэтаж нанят мадамой для пансиона — и то слава богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает... Но Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенной силой. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством. Какими они были, строители новой Москвы? Вот лишь несколько имен.

Михаил Титов

С 1814 по 1819 годы — городской голова. Приехал в Москву из Суздаля еще до пожара. Служил поначалу приказчиком в торговом доме «Захаров и Мухин». Потом удачно женился на вдове владельца Анне Мухиной. И стал со временем одним из богатейших купцов Москвы. Имел ткацкую и ситценабивную фабрики. В Нескучном саду был у него особняк, по проекту Осипа Бове. С 30 комнатами, обставленный мебелью в стиле ампир.

Тимофей Прохоров

Владелец знаменитой Трехгорной мануфактуры. 16-летний Тимофей принял «хозяйство» — ситцена-

бивную фабрику — от отца как раз в 1812 году. Через четыре года открыл первую в России фабричную ремесленную школу. А еще первый фабричный театр, библиотеку.

Фёдор Гучков

Поступил в третью гильдию в Москве в 1814 году, из отпущенных на волю дворовых помещицы Калужской губернии Александры Белавиной. Его дети и внуки уже были владельцами крупнейших в России текстильных фабрик. К середине века производство располагало 97 строениями. Рабочих было около 3 с половиной тысяч. Ну, и, конечно, фабричное училище на 140 мальчиков, больница на 15 коек. И звание потомственных почетных граждан владельцам.

Карл-Людвиг Феррейн

Ставший в России Карлом Ивановичем, приехал из Пруссии в 1815 году. Получив в Императорской медико-хирургической академии ученую степень «аптекаря первого класса», он в начале 1830-х покупает Старо-Никольскую аптеку. Это было началом фармацевтической империи Феррейнов. Легендарная аптека потом даже получит прозвище «царь-аптека», как «царь-пушка» и «царь-колокол»... Вообще, это список долгий. И в каждом его пункте — свои истории любви к городу, свои истории побед, жертв, предательства и преданности. Конец только у большинства одинаков. 1917 год.

Если вы решите купить себе шато во Франции, готовьтесь к тому, что вы приобретете не только пятнадцать спален, пятидесятиметровую кухню, винный погреб и лес с виноградником. Вам достанутся также налоги на недвижимость, всевозможные ограничения, связанные с охраной исторического памятника, и толпы туристов. Чтоб не пропасть поодиночке, девяносто два года назад во Франции владельцы такого «непростого» жилья объединились — в ассоциацию «Исторический дом».

Автор: Татьяна Лиманова
Фото: из архива автора

Владение Раколе в городе Море-сюр-Луан (департамент Сена и Марна)

Это здание входит в реестр Ассоциации исторических зданий, поддерживаемый Министерством культуры Франции

ТСЗ. Товарищество собственников замков

Если вы решите купить себе шато во Франции, готовьтесь к тому, что вы приобретете не только пятнадцать спален, пятидесятиметровую кухню, винный погреб и лес с виноградником. Вам достанутся также налоги на недвижимость, всевозможные ограничения, связанные с охраной исторического памятника, и толпы туристов. Чтоб не пропасть поодиночке, девяносто два года назад во Франции владельцы такого «непростого» жилья объединились — в ассоциацию «Исторический дом». По сути, поначалу это было товарищество собственников, что-то вроде наших нынешних ТСЖ. Только,

конечно, со своими особенностями, ведь владели там объектами покрупнее стандартных квартир.

Сейчас в реестре «Исторического дома» — более трех тысяч усадеб, аббатств, особняков, разбросанных по всей Франции. В каждом регионе — обязательный филиал организации. Штаб-квартира — в Париже. Есть свой съезд, свой фонд и свои связи в правительстве. «Исторический дом» теперь — это мощная и влиятельная структура, деятельность которой уже не ограничивается интересами собственников. Сейчас ее главная цель, если верить официальному сайту, —

это благотворительная миссия, миссия сохранять культурное наследие нации для всех. Впрочем, стоит заметить, всё же не без выгоды для владельцев этого самого культурного наследия.

Проспер Мериме

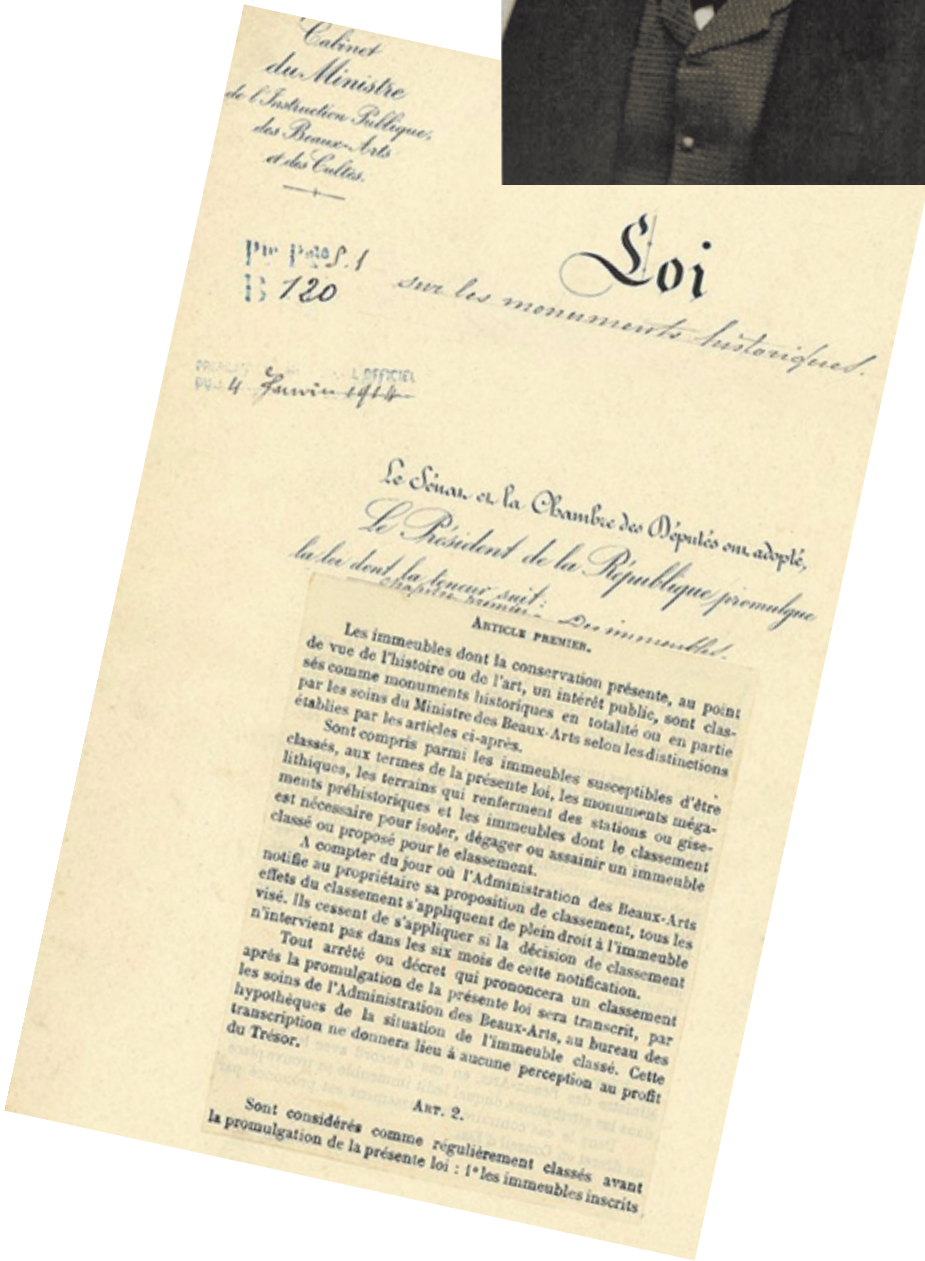
Про таланты человека, который первым решил посчитать исторические здания Франции, в двух словах не скажешь. Что именно у Проспера Мериме было его так называемой скрипкой Энгра, можно гадать. К примеру, он специально выучил русский, чтобы переводить Пушкина и Гоголя. Он был автором удачных литературных мистификаций, ну а уж про его «Кармен» и говорить нечего. К слову, как считал датский литературовед Георг Брандес, в появлении знаменитой новеллы «виноват» всё тот же Пушкин. Мериме прочел его «Цыган» и вдохновился темой. Но это действительно к слову.

А еще французский писатель был крупным чиновником — во времена Второй Империи занимал пост сенатора. Впрочем, нас интересует тот период, когда Мериме был «просто» первым во Франции главным инспектором памятников истории. В 1839 году Луи Дагер запатентовал метод светописы, скромно назвав его собственным именем. Появилось множество публикаций о новом изобретении. И Мериме осенило. Подчиненным главный инспектор разослал приказ: фиксировать с помощью дагерротипа все достойные внимания постройки. Да и сам, взяв в руки техническую новинку, отправился по департаментам и весям Франции. Так появилась база Мериме — первый подобный реестр исторических зданий. Он существует и поныне и по-прежнему носит имя писателя-инспектора.

Сейчас наиболее ценные памятники истории в обязательном порядке включают в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Долина Луары во Франции — от Сюлли-сюр-Луар до Шалон-сюр-Луар — это как раз такой случай. Замков здесь, без преувеличения, — как грибов после дождя. Престижное было место среди знати, французская «Рублёвка»

Проспер Мериме. Фото XIX века

Указ от 31 декабря 1913 года об исторических зданиях. Национальный архив Франции

эпохи Возрождения. Именно в одном из таких шато и зародилась идея создать ассоциацию собственников исторического жилья. А принадлежала эта идея... не французу.

Где деньги, Зин?

Испанский врач-исследователь Хоаким Карвальо и его жена американка Энн Коулман, наследница ме-

Замок Вилландри. План 1860 года

таллургических магнатов, в начале прошлого века купили замок Вилландри. Здание 1532 года постройки встретило новых хозяев неприветливо. Карвальо вспоминал: замок прятался, заросший в лесу. Испанец и его супруга решили восстановить первоначальный облик здания, перестроенного в XVIII веке, вернуть ему величие Ренессанса и восстановить регулярный парк, когда-то разбитый перед шато.

Теперь это особая гордость владельца замка — а владеет им по-прежнему Карвальо, правнук испанца. Парк разбит на четыре части. Есть здесь и сады-аллегии: сад страстной любви, сад любви сентиментальной, сады неверности и трагической любви. Еще одна часть парка — с овощами и плодовыми деревьями — была восстановлена в Первую мировую войну, когда в замке доктор Карвальо организовал военный госпиталь. Теперь это 1200 с лишним лип, более 50 километров самшитовой изгороди, самый популярный парк во Франции. И шато с интерьером XVIII века. Откуда, спрашивается, деньги? Некоторые из собственников исторических строений в долине Луары, такие, к примеру, как Анри Карвальо, даже отказываются от части субсидий, которые по закону могут получать от государства на обслуживание замков. Отказываются, по их словам, в пользу тех, кто в этом действительно нуждается. Что же или кто позволяет ны-

Праздник в саду замка Вилландри 31 мая 1831 года. Литография Раверо

нешним владельцам былых королевских резиденций содержать такие хозяйства?

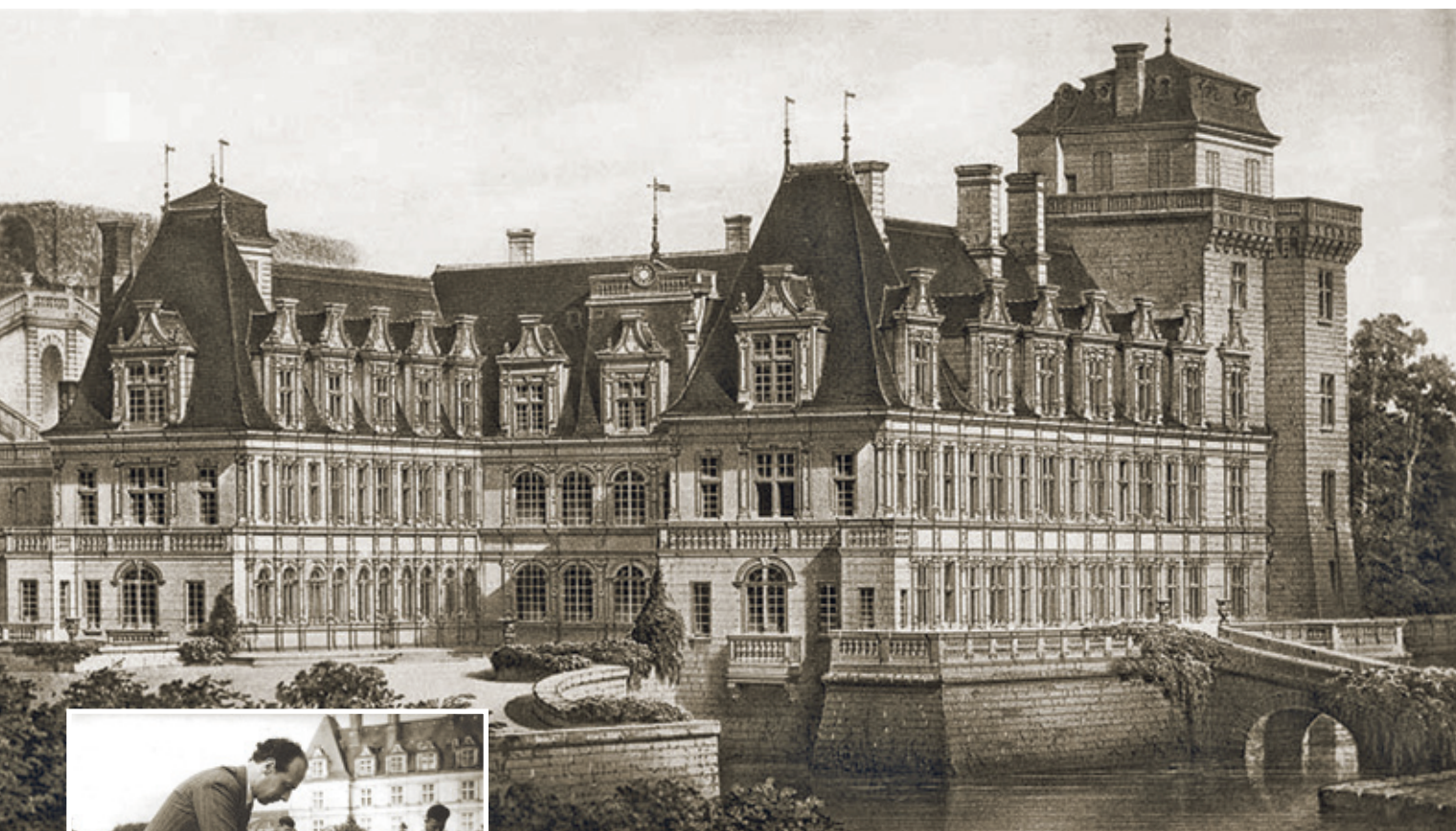
Посетители. Они приносят деньги. А спасибо за них надо сказать всё тому же доктору Карвальо. Восстановив свои владения, испанец в 1920-е годы решил, что пора делиться красотой. И открыл замок и парк для туристов. А также призвал и других владельцев шато стать ближе к народу. Так и появилась в 1924 году Ассоциация «Исторический дом». К моменту смерти Карвальо в 1936 году в ее списке было 150 замков.

Две лошадиные силы

Создание Ассоциации позволило ее членам постепенно превратить свои владения в прибыльный бизнес. До Второй мировой войны мало кто из собственников принимал у себя «непрощеных» гостей. Семьи в замках просто жили, иногда и не одни. К примеру, в королевском шато Амбуаз, где скончался Леонардо да Винчи, до 1960-х годов было что-то вроде дома для престарелых. Теперь это туристический объект, который в год посещают до 400 тысяч человек. Перелом наступил с появлением так называемого народного автомобиля. Дешевый «Ситроен» по прозвищу «Де-шво», то есть «две лошади», позволил людям путешествовать. В бывшие резиденции королей потянулись толпы любопытствовавших.

Сейчас в Амбуазе, как и в большинстве шато, можно снять залы для банкетета. Где-то в замках долины сдаются комнаты. Львиная доля тех денег, что зарабатывают эти ставшие «доходными» дома, идут на сохранение исторических объектов. Дело ужасно хлопотное, и тут помощь «Исторического дома» неоценима. Ассоциация контролирует все работы, что ведутся на территории замков, помогает готовить документацию, договариваться с властями. Ведь владельцы зданий, имеющих статус исторических памятников, буквально связаны по рукам и ногам. Во Франции такой VIP-статус может быть присвоен особняку, замку, да хоть мельнице без спросу. То есть владельца могут просто поставить перед фактом.

Существуют два вида охранного статуса. Первая категория — это здания, представляющие национальную значимость. Они вносятся в особый реестр и получают название классифицированных. Вторые — менее ценные, это памятники регионального значения. Их вносят в дополнительную опись. Узнать, является ли строение историческим памятником, можно по особому знаку. Эта метка — схема лабиринта из Реймского собора. Прихожане должны были на коленях ползти по проходам на пути к очищению. Если на здании или на какой-то его части есть такой знак, значит,

Замок Вилландри. Фото начала XX века

Владелец замка Хоаким Карвальо. Фото 1-й четверти XX века

собственник точно будет по любому ничтожному поводу обращаться за разрешением, проползая через полосу препятствий. Запрос потребуется, и если он возжелает бассейн, и если ему приспичит просто повесить баннер. Если захочется что-то возвести в пределах пятисот метров от исторического памятника, тоже необходимо разрешение. Впрочем, по многим поводам разрешения не дожидаться никогда. Нельзя изменять фасад, расширять, к примеру, оконные проемы, устанавливать, не дай бог, пластиковые рамы, нельзя приглашать несертифицированного архитектора для работ по реконструкции или перепланировке здания. А вот если, допустим, вы как-то решили «подредактировать» пейзаж, вырубив пару деревьев, то шанс есть. Но. То, что теоретически менять допустимо, согласовывать надо непосредственно с министром культуры и коммуникации. После того, как подашь заявку региональному префекту.

Сплошная бюрократия

Сделать так, чтобы хоть что-то было можно, вернее, помочь добраться до

этого «можно» сквозь чиновничьи фильтры, старается как раз Ассоциация собственников исторического жилья. Она находится в постоянном контакте с правительством, парламентом и местными властями. Сотрудники организации помогают ее членам, если те, конечно, не забывают платить взносы. Помогают составлять ежегодную декларацию о доходах, советуют, как уменьшить налоговые выплаты. Налоги на прибыль снизить, к слову, можно ощутимо. Если, к примеру, ваш замок доступен для туристов. В определенных случаях можно избежать и уплаты налога на наследство. Есть и развитая система пожертвований. На сайте Ассоциации можно выбрать, сколько вы готовы потратить на реконструкцию того или иного замка, и просто кликнуть мышкой. Предварительно, правда, зарегистрировавшись. К примеру, на реконструкцию Шато-де-Кинтин требуется без малого 2 миллиона евро. Сейчас собрано пожертвований, как указано на сайте, почти 50 тысяч евро. Тоже сумма. В общем, если вы таки стали владельцем замка во Франции, варианты есть, не всё так страшно.

МНР

В конце августа 2016 года социальные сети и московские СМИ буквально взорвались сенсацией: в центре Москвы, на Гончарной улице, где ремонтируют теплотрассу, археологи-любители нашли в траншее уникальные керамические изразцы XVII века.

Вопросы: **Олег Фочкин**
 Ответы: **Леонид Кондрашев**,
 главный археолог города Москвы,
 заместитель руководителя Департа-
 мента культурного наследия города
 Москвы

Флибустьеры археологии

В конце августа 2016 года социальные сети и московские СМИ буквально взорвались сенсацией: в центре Москвы, на Гончарной улице, где ремонтируют теплотрассу, археологи-любители нашли в траншее уникальные керамические изразцы XVII века. Одну из коллекций собрал искусствовед Илья Боровиков, который уверяет, что все предметы изготовлены в мастерской известного мастера того времени Степана Полубеса. О своей находке Илья Боровиков рассказал в Facebook. «Приятно, когда поутру балкон чуть не отрывается от награбленного!» — так он подписал одну из фотографий. По образованию он искусствовед, но копательством занимается давно и не

раз попадал в поле зрения профессиональных археологов. Находки, о которых идет речь, по его словам, Илья сделал рядом со станцией метро «Таганская-кольцевая», где перекладывали теплотрассу. Когда-то на этом месте была Гончарная слобода (отсюда и название улицы), и именно здесь делали изразцы, которыми облицовывали храмы и печи. Среди находок Ильи оказалась изразечная форма — единственная целиком сохранившаяся форма XVII века, да еще с необычным орнаментом. Находки Боровикова прекрасно сохранились — некоторые выглядят так, будто сделаны сегодня, а не 350 лет назад. Если музеи заинтересуются находками, Илья готов их отдать, потому что

Изразцы XVIII века

Терракотовые изразцы XVII–XVIII веков, найденные Ильёй Боровиковым на Гончарной улице

считает их общим достоянием. Это то, что он рассказывает журналистам. Находка на Гончарной улице и якобы обнаруженной там мастерской знаменитого средневекового мастера-гончара Степана Полубеса взбудоражила не только прессу, но и специалистов. Как быть с незаконными копателями? Насколько велик нелегальный рынок археологических находок? Как наказывают таких людей? Были ли найдены уникальные изразцы легендарного гончара или это подделка? Обо всем этом мы беседуем с главным археологом города, замес-

тителем руководителя Департамента культурного наследия Москвы Леонидом Викторовичем Кондрашевым.

О. Ф.: Насколько вообще сейчас велика проблема «черных археологов» в городе, и не поднялась ли новая волна хищений археологических находок в ходе земельных работ по программе «Моя улица»? Что происходит, и как бороться с этой категорией искателей сокровищ?

Л. К.: Ну, во-первых, я должен сказать, что с Ильёй мы достаточно давно ведем работу и стоим сейчас

перед некоей дилеммой. Есть ситуации, ставшие уже привычными: нам встречаются более или менее законопослушные застройщики; есть и археологи — одни из них в профессиональном смысле хорошо подготовлены и следуют закону, есть менее организованные и допускающие некоторые нарушения. С последними мы ведем разъяснительную работу, а что касается застройщиков — есть соответствующие административные инструменты, чтобы принудить их к исполнению законодательства. Кроме того, мы много работаем по совершенствованию нормативной базы, чтобы было четко понятно, какие действия необходимо предпринимать в случае обнаружения сторонними лицами археологического материала, который они приносят к нам, и как организовать археологические работы, потому что здесь тоже есть правовые нюансы. Это и составляет сегодня большую часть нашей работы для сохранения археологического наследия.

Далее есть круг лиц, которые, по сути, сознательно идут на нарушение закона. Они ни в каком виде не являются археологами (даже в смыслах окрашивания). Поэтому я категорически против термина «черные археологи» — они никакие не археологи. Давайте тогда их назовем «копатели». Скорее даже — незаконные копатели. Их задача и побудительный мотив — охота за древними артефактами. Обладание этими артефактами в беско-

Вид Яузского моста и дома Шапкина в Москве в 1797 году

рыстном ключе или в меркантильном составляет их страсть, их всепоглощающее занятие и время. С ними тоже необходим особый подход. Понятно, что простая ситуация для нас с теми, кто копает из меркантильных соображений, а потом ищет перекупщиков или конкретных покупателей. Они при этом нарушают историческую информацию, принадлежащую нам всем.

Мы — профессиональные археологи, специалисты по охране памятников — говорим о том, что не вся история отражена в письменных документах. Часть исторических данных отложилась в вещественном материале, в зданиях и каких-то иных остатках. И для того, чтобы это всё действительно стало нашей историей, нужен профессиональный труд, чтобы эти данные расшифровать. В просторечии это называется археологическими раскопками. Археолог — отнюдь не охотник за древностями, он — ученый, развивающий отечественную историю.

Понимая разницу этих подходов к находкам, мы тех людей, которые занимаются любительскими раскопками из любви к археологии, для которых это становится не просто хобби, а почти профессией, пытаемся ориентировать на контакт с нашими археологами, с теми, кто является знатоками и профессионалами. Они в итоге выполняют роль не археологов, ведущих исследования, а высокопрофессиональных рабочих, спо-

собных с помощью металлодетектора определить возможное нахождение металлических предметов, а затем уже вместе с археологом аккуратно разыскать их, раскопать, так, чтобы не навредить памятнику. Подобные исследования наши коллеги проводили на месте Тарутинской битвы. И это нормально, когда исследуются большие площади и определяются места возможного нахождения артефактов. Так и были обнаружены захоронения французских и русских воинов.

О. Ф.: По пуговицам, пулям и другим металлическим предметам...

Л. К.: Конечно, но здесь самой целью была не пуговица с мундира, а возможность восстановить ход сражения и понять, какие части и люди участвовали в битве, где находились и как передвигались.

Слой таких помощников довольно значителен, примерно 50 на 50. Для кого-то это хобби, а кто-то становится археологическим профессиональным рабочим и уже за зарплату участвует в исследованиях и раскопках. Такая практика, несомненно, будет продолжена. Мы не стрижем всех под одну гребенку.

Если мы совсем отсекаем меркантильных людей — есть такая категория, которая совсем не хочет себя связывать обязательствами. Им не нравится дисциплина, обязательно присутствующая в археологических экспедициях, им не нравится ситуация строгой научной регламентации.

ТЕ, ДЛЯ КОГО КОПАТЕЛЬСТВО — БИЗНЕС, ЗАЧАСТУЮ АГРЕССИВНЫ И ВООРУЖЕНЫ. И ЛУЧШИМ ВЫХОДОМ В СЛУЧАЕ ИХ ОБНАРУЖЕНИЯ БУДЕТ ОБРАЩЕНИЕ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ, А НЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ НЕЗАКОННЫХ РАСКОПОК. ХОТЯ ПРИ ЭТОМ ЖЕЛАТЕЛЬНО ЗАФИКСИРОВАТЬ САМ ФАКТ НАРУШЕНИЯ И УМЫСЛА. ПОТОМУ ЧТО СУЩЕСТВУЕТ МНОГО УЛОВКОВ И УВЕРТОК, КОТОРЫЕ КОПАТЕЛИ ПРИМЕНЯЮТ, И МЫ ИХ ХОРОШО ЗНАЕМ. ТАК, ОНИ МОГУТ ЗАЯВИТЬ, ЧТО ИЩУТ МЕТЕОРИТЫ ИЛИ КЛЮЧИ ПОТЕРЯЛИ

Изразцы XVIII века

Вид из-за Москвы-реки (от Устьинского моста). Открытка 1887 года

Это и есть флибустьеры от археологии. Их, как правило, интересует не историческая информация, а древние вещи. Надо признать, что, несмотря на то что среди них много людей на первый взгляд симпатичных, с ними одними беседами не обойдешься. Мы вообще с большой приязнью относимся ко всем любителям нашей истории и Москвы в частности: гидам, краеведам, коллегам, которые изучают письменные источники, к архитекторам-реставраторам, изучающим историю отдельных зданий. Всё это наше профессиональное сообщество и среда. Но такая страсть к истории не является индольгенцией к разрушению объектов. У Ильи Боровикова это очень выпукло проявилось, хотя и я лично, и мои коллеги имели с ним долгие разговоры. Согласовывая некую траншею для коммуникаций, мы понимаем, что даем разрешение на разрушение только в границах этой траншеи. И археологи работают только в данных границах. Ночью приходит некий человек, который начинает подрываться в стенки, в зоны, специально оставленные археологами нетронутыми. Мы считаем, что методики совершенствуются, и археологи будущего станут копать лучше. Мы совсем не стремимся как можно больше раскопать, мы стремимся как можно больше сохранить. Сама практика

подрыва стенок является антинаучной и влечет разрушение памятников. Мы с Ильёй ранее уже имели договоренность, что можем его привлекать к работе, но только в заранее оговоренных рамках. И я по-прежнему внутренне верю, что в глубине души он остается настоящим исследователем, а не флибустьером-копателем. Однако ситуация на Котельниках, во-первых, — точная калька прошлых ситуаций, а во-вторых, в этой ситуации он пишет о находках и сам называет себя мародером. Мы с таким положением просто не можем мириться. Посыл виден сразу. Но еще важнее другое (*вздохая и делая паузу, говорит главный археолог Москвы*) — речь в его посте с фотографиями находок шла о некоем котловане по перекладке коммуникаций уже у подножия Швивой горки. То есть уже не тело самого холма. Мы проводили там наблюдения и знаем, что это участок с достаточно сильно разрушенным культурным слоем. Мы обнаруживали отдельные находки, в том числе и изразцы, но не в очень хорошем состоянии. Можно было бы предположить, что находки, о которых пишет Боровиков, теоретически возможны, но сразу возникает несколько новых вопросов, даже если это реальная находка на реальном объекте. **О.Ф.:** И какие? Он же на первый взгляд очень убедителен, да и фото-

Изразец XVII века

Московские археологи часто находят клад, но копателям нужно знать, что клад станет частью нашей истории только при проведении профессиональных археологических раскопок. Археолог – не охотник за древностями и наживой, он – ученый

графии находок приводит в доказательство. **Л.К.:** Во-первых, такую находку мы не можем назвать удачей, поскольку положение изразцов в исходной точке не было зафиксировано. К тому же сами фотографии по местоположению разные, явно использовался фотошоп. Во-вторых, я много внимания уделил данному факту, потому что он очень необычный, и мы не можем понять: это правда или фальсификация. В одной куче находятся изразцы трех разных исторических периодов. Плюс смешение стилей. И разные стили. Есть муравленные изразцы западного облика, покрытые глазурью. Тут же изразцы полихромные, с эмалевым покрытием. А это уже две разные технологии, и вряд ли гончар в одном месте стал бы делать и те, и другие. А дальше есть еще одна фотография, на которой запечатлен геральдический изразец — с картушем и эмблемой в середине. Его мы относим уже к восемнадцатому веку. У меня наличие столь разных изразцов в одном месте вызывает очень большие сомнения. К тому же данные изразцы без соответствующей поливы, как говорят на сленге, то есть покрытия. А если мы говорим о времени работы и жизни Полубеса, это должна быть эмаль. Нам известны случаи, когда гончары, входя в положение более бедных покупателей, шли им навстречу и продавали изразцы без покрытия,

потому что их надо было обжигать, а это сложный технологический процесс, и стоимость товара возрастала. И иногда мастера реализовывали керамические полуфабрикаты. Но, с другой стороны, эмали и глазури — хороший индикатор, когда мы говорим об их элементном составе. Глиняный предмет, в отличие от глазурованного или эмалевого, довольно легко подделать. И мы знаем сегодня в Москве много мастерских, которые делают копии таких керамических изразцов. Но они и не скрывают, что это копии, которые они делают по древним аналогам изразцов. Здесь же отсутствие покрытия говорит прежде всего о том, что люди, может, и не стремились проводить очень сложные операции, на которых они могли попасться. И у меня сложилось ощущение, что речь идет об информационном поводе. Ведь если появляется слух о находке изразцов, сделанных Степаном Полубесом и его мастерской, то появляется прекрасный повод, скупая копии, продавать их на каком-то рынке. Притом я еще раз хочу подчеркнуть, что это только моя версия. Но в любом случае это достаточно не типичная и странная история.

О.Ф.: И что же происходит теперь, после всех громких заявлений и публикаций? **Л.К.:** Мы проводим административное расследование и будем этим за-

ниматься до выяснения всех фактов. Мы надеемся, что наказание будет не ради самого наказания, а поможет перевоспитанию конкретного копателя, то есть Ильи Боровикова. Несомненно, что у него есть знания по предмету, но лихость и флибустьерство ему же самому и мешают. Мы не призываем, а наоборот, предостерегаем от подобного пиратства. И самое главное, что должны помнить все копатели и любители: все подземные коммуникации — зона повышенной опасности. Подрывая стенки любого котлована, человек рискует быть засыпанным. А грунт таит большую опасность — нет ничего страшнее давления грунта. Это всё не только интересно, но и опасно.

О.Ф.: Но ведь есть законодательство? Оно не работает? **Л.К.:** Мы не можем не отвечать на подобные вызовы и сейчас прорабатываем вопросы и с ВООПиК, и с правоохранительными органами. Но если серьезно относиться к данному вопросу, то возникает определенная проблема, это то, что в народе называется общественным инспектором. Надзорные органы в лице прокуратуры против такого понятия, как инспектор. Поскольку это человек, обличенный специальными полномочиями. А общественник не может ими обладать. Это оксюморон. И многие общественные организации, используя термин «общественный инспектор», уже нарушают закон.

Вид Китай-города. Фото 1887 года. Архив Мосгорнаследия

Но мы готовы это называть общественным помощником или общественным контролером. Важно не то, как это будет называться, для нас главное — оказать поддержку таким людям и наладить с ними взаимодействие. И наше, и полиции.

И это касается работы наших общественных и добровольных помощников не только в черте города. Мы призываем их быть очень осторожными. Потому что те, для кого копательство — бизнес, зачастую агрессивны и вооружены. И лучшим выходом в случае их обнаружения будет обращение в правоохранительные органы, а не самостоятельные действия по предотвращению незаконных раскопок. Хотя при этом желательно зафиксировать сам факт нарушения и умысла. Потому что существует много уловок и уверток, которые копатели применяют, и мы их хорошо знаем. Так, они могут заявить, что ищут метеориты или ключи потеряли.

Мы уже наработали методическую базу, как отличить археологического грабителя от несчастного, который потерял ключи и ищет их в траве. Мы сейчас усиливаем это направление, и уже скоро будет новая законодательная база для борьбы с незаконными копателями.

О.Ф.: Если мы говорим о сегодняшнем дне, какое наказание грозит за подобные действия? Они не боятся, потому что сумма штрафа мала?

Л.К.: Нет, сумма не такая уж и ма-

ленькая. Сумма небольшая, когда зафиксирован сам факт появления на месте, то есть человек только пришел и достал металлодетектор. Это всего полторы-две тысячи рублей для физического лица и до пяти для юридического.

Но, если при этом есть повреждение объекта археологического наследия — а даже самая маленькая ямка таковой является, — штраф уже вырастает на сумму от 50 до 300 тысяч рублей. А юридическое лицо может быть оштрафовано на сумму от 600 тысяч до 10 миллионов. Это уже касается строительных работ и других случаев повреждений.

В случае же серьезных нарушений и причинения вреда — и эта практика появилась после Великой Отечественной войны — сумма может быть приравнена к сумме проведенных исследований и работ. А они могут быть очень дорогими.

При самой серьезной ситуации есть и 243 статья Уголовного кодекса Российской Федерации («Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)»), где физические лица в особых случаях «наказываются штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до шести лет».

При всех этих случаях происходит и конфискация орудия поиска.

О.Ф.: А найденное?

Л.К.: Это само собой. Изначально все археологические предметы считаются государственной собственностью.

О.Ф.: Насколько, на Ваш взгляд, сейчас велик рынок продажи найденных копателями артефактов?

Л.К.: Он велик.

О.Ф.: Но он увеличивается или уменьшается? Есть ли возможность отслеживать такие находки?

Л.К.: Пока, к сожалению, мы не перебороли тенденцию. Москва, особенно традиционная, имеет свою специфику, поскольку практически все земельные участки находятся под контролем — застроены или имеют собственника-владельца. И здесь случаев незаконных работ меньше.

К тому же средняя полоса России не приносит копателям очень эффективных находок. В отличие от причерноморских зон, Северного Кавказа, частично Закавказья, где существовали ныне археологические, а когда-то жилые культуры. Вот там очень велик процент незаконных раскопок. Копатели расцвели в Крыму в украинские годы, и здесь нет никакой политики, а только факты. Многие влиятельные люди были коллекционерами и способствовали такому незаконному промыслу. Но стоит заметить, что одновременно это породило гигантский рынок археологических подделок.

Рынок растет, мы с этим боремся пошагово. Сейчас закончился срок, данный законодателями для того, чтобы владельцы могли задекларировать имеющиеся у них коллекции вещей, которые можно было бы отнести к археологическим предметам. Напомню, что археологическим предметом мы называем артефакт, обнаруженный в ходе раскопок.

При этом мы понимаем, что в гражданском обороте существует вещи, которые попали к владельцу когда-то давно, и информация о месте находки уже утрачена, или они являлись частью каких-то коллекций с XVIII—XIX веков. Такие случаи были.

И этот факт тоже является основанием для разнообразных уверток не самой чистоплотной публики.

Было дано время задекларировать все эти вещи. Это сделано для того, чтобы в случае появления на рынке новых артефактов их правообладатель или человек, который таковым себя называет, в обязательном порядке объяснил их происхождение.

Кстати, многие средства массовой информации, совершенно не разобравшись в происходящем, почему-то окрестили этот процесс «археологической амнистией».

Никто никого и ни от чего не амнистировал. Речь шла именно о декларировании тех вещей, которые находятся в коллекциях на данный момент. Дальше они уже будут находиться в гражданском обороте и иметь свою судьбу. И мы понимаем, что эти вещи больше являются культурными ценностями, чем археологическими предметами.

То есть, по сути, создана база археологических артефактов, которые находятся в частных коллекциях или просто на руках у частных лиц.

База совершенствуется, и работа не прекращается.

О.Ф.: А продают в основном в Интернете или как-то с рук, в салонах?

Л.К.: Я — археолог, а не специалист антикварного рынка. Как-то продают. И в Интернете встречается. Мы, в свою очередь, мониторим, смотрим. И в каких-то магазинах, наверное, есть.

Но, зная нашу репутацию, нам не особо охотно предлагают что-то купить.

Фото: Ф. Свиринов

Если не говорить о каких-то разовых консультациях.

Я знаю, что есть категория коллекционеров и перекупщиков, которая в Москве действует по-другому. Они, видя в центре очередную траншею, договариваются с рабочими, что те в случае интересной находки перезвонят им по оставленному телефону, и заранее оговаривают сумму премиальных.

Поэтому мы и стараемся, чтобы такие работы сопровождал археолог. Хотя все случаи отследить не удастся, и мы это понимаем. Но мы работаем и проводим беседы с такими землекопателями-продавцами.

О.Ф.: Есть и другие случаи, когда с места очередной стройки из котлована землю привозят и вываливают на газоны. На юго-западе Москвы в последнее время замечены подобные истории. А прямо в отвалах люди обнаруживают и палеонтологические редкости, и кованые гвозди, и другие, более ценные, артефакты. И я знаю лично людей, которые с этим сталкивались. Как быть в таком случае?

Л.К.: Прежде всего, нужно нам сообщать на круглосуточный телефон горячей линии +7 (916) 146-53-27, и мы будем разбираться в любой ситуации.

В Москве выйдут до конца текущего года поправки в постановление Правительства Москвы № 414 «О порядке проведения археологических полевых работ на территории города Москвы». В них рассмотрены все случаи: и варианты обращений в Департамент, и что нужно делать в той или иной ситуации. Они проработаны

и с нашими коллегами, и с прокуратурой.

Необходимость этих поправок возникла после внесения изменений в соответствующий федеральный закон.

В описанном Вами случае после сигнала происходит выезд специалистов на площадку, и они уже на месте определяют, что делать.

О.Ф.: Возвращаясь к базе данных археологических находок, я не могу не вспомнить о такой, например, категории, как школьные музеи, где зачастую тоже хранятся весьма ценные находки. Их опись тоже сейчас ведется?

Л.К.: Проблема сложная, и мы ее в Москве решаем следующим образом: если это старая коллекция и информация о месте обнаружения данных вещей уже утрачена, их надо было задекларировать, а организации — стать негосударственной частью музейного фонда, а если это новые находки и есть согласие нескольких сторон, они могут быть переданы на временное хранение уже в негосударственный музей. Главное, чтобы эти вещи были зарегистрированы и было четко понятно, где они находятся. А там, где они находятся, была обеспечена безопасность. И надо понимать, что таким музеям должна оказываться методическая помощь со стороны Департамента образования и государственных музеев. Мы должны помнить, что зачастую под флагом того, что «как хорошо — люди занимаются историей», эту самую историю и уничтожаем. Все-таки этим должны заниматься профессионалы. **МНП**

Деревянная Москва осталась в прошлом. Таких добрых и теплых домов с деревянными карнизами и резными наличниками в центре остались считанные единицы. И один из них – желтый неброский дом с мезонином, будто бы сошедший с черно-белой фотографии старой Москвы, – спрятался чуть в углублении Гусятникова переулка рядом со станцией метро «Чистые Пруды».

Почем метр? И зачем метр?

Деревянная Москва осталась в прошлом. Таких добрых и теплых домов с деревянными карнизами и резными наличниками в центре остались считанные единицы. И один из них – желтый неброский дом с мезонином, будто бы сошедший с черно-белой фотографии старой Москвы, – спрятался чуть в углублении Гусятникова переулка рядом со станцией метро «Чистые Пруды».

Эта усадьба была построена в 1871 году для потомственного дворянина коллежского асессора Эдуарда Андреевича фон Беренса, в 1905-м ее перестроили по проекту архитектора Николая Николаевича Благовещенского – того самого, что возвел в Москве корпуса электростанции на Раушской набережной и проектировал фабрику Ивановых, впоследствии «Рот Фронт». Изначально же Гусятников, 7, – блестя-

щий образчик столь популярного в середине девятнадцатого века «новогреческого» стиля. Точное следование античным архитектурным канонам и чистые линии, – как ни парадоксально, старшим «братом» нашего дома по стилю можно назвать в первую очередь здание Петербургского Нового Эрмитажа.

Усадьба, возведенная в конце XIX века в Гусятниковом переулке, представляла собой весьма уникальное сооружение. За отсутствием главного корпуса и флигелей, состояла она из двух разнесенных симметричных строений. В одном находились жилые комнаты, в другом – классы. Да-да, здесь располагалось училище для мальчиков. Фон Беренс был апологетом гонтовой архитектуры: строим из того, что имеется в достатке. Одновременно с тем он оказался пионером «экологического» направ-

ления в строительстве и педагогике. Известно, что в деревянном доме легче дышится и живется. Увы, левый корпус в угоду строительству посольства Швейцарии был утрачен еще в 1960-х годах.

Сегодня оставшийся от усадьбы Беренса корпус арендован, и в нём полным ходом идет реставрация. Остается уповать на то, что Москва сохранит уникальность этого деревянного дома и он получит вторую жизнь. Кстати, совсем рядом, по адресу Огородная Слобода, 9, находится еще один удивительный «теплый» деревянный дом 1870-х годов постройки (бывший женский корпус Мясницкой больницы для чернорабочих и КВД Бауманского района) с уникальными деревянными карнизами, по которым так скучает сегодня современная Москва.

Дом реставрируется по программе Правительства Москвы «Рубль за метр». Работы идут полным ходом, на объект часто выезжает инспекция Мосгорнаследия, ведь объект уникальный: это полностью деревянный дом, которого практически не коснулось время. В советские времена здесь были коммунальные квартиры и конторы, у которых просто не доходили руки до переустройства. То есть, с одной стороны, дом обветшал и состарился, с другой – именно небрежение прежних его владельцев оставило дом в «неприкосновенности». Мы попро-

сили поговорить с нами про дом кого-нибудь из Департамента культурного наследия города Москвы. И каково же было наше удивление, когда непосредственно в Гусятниковом переулке с нами встретился Алексей Александрович Емельянов, руководитель Департамента культурного наследия города Москвы.

Ф.С.: Благодарю Вас, Алексей Александрович, что Вы решили лично прокомментировать ремонтно-реставрационные работы на объекте культурного наследия в Гусятниковом переулке. Как я знаю, Вы невероятно загружены, но нашли для нас время. Позвольте сразу спросить – почему именно Вы сами?

А.Е.: Начну с того, что перед нами – действительно уникальный объект. И так как в системе охраны памятников я занят уже много лет, мне самому было важно и интересно оказаться здесь и увидеть, как идет реставрация. Мне кажется, что корректно составлять мнение о чём-либо, увидев это своими глазами. К тому же мы с вами не первый день знакомы, Филипп, понимаю, что и сам узнаю что-нибудь интересное про этот уголок города. Шучу... Давайте обойдем дом, ведь за ним – сквер, в котором мы сможем поговорить.

Ф.С.: В тени двухсотлетнего дуба... В парке усадьбы Высоцких, на фоне

дома, который построил Роман Клейн. По-настоящему жаль, что я не взял с собой фотоаппарата, зафиксировать нашу с вами встречу.

А.Е.: Ну мы же понимаем, что этому дубу, высаженному на заднем дворе усадьбы фон Беренса, – не 200 лет, а некоторым образом меньше, но он тоже уникальный – четырехглавый. Ну, а протокольные фото – не так уж и обязательно.

Ф.С.: Кроме официальной информации про училище для мальчиков, 800 квадратных метров и участие этого дома (как и дома Сытина) в программе льготной арендной ставки что Вы можете сказать про реставрацию? Что здесь будет? Зачем это городу?

А.Е.: Дом был выставлен на торги Департаментом городского имущества города Москвы как находящийся в ненадлежащем состоянии. Со стороны Департамента мы фиксировали его неудовлетворительное состояние довольно давно, но его предыдущий арендатор не имел денег на реставрацию. Было принято решение попробовать отреставрировать дом иначе. Идет настоящая научная реставрация (что не может не радовать) – например, уже установлен первоначальный цвет дома – он был не желтый (как все привыкли думать), а бордовый (свекольный). И сейчас в проект реставрации вносятся изменения для возвращения оригинального цвета. Это – уже удача и открытие. Вот мы с вами видим дом без облицовочной обшивки и замечаем, что рабочие заменяют лишь фрагменты трухлявых венцов, а в целом – материал выстоял более 130 лет и вполне адекватно себя чувствует. Замен не так уж и много. Все – в допустимых пределах.

Ф.С.: То есть Вы считаете, что всё пока идет по плану?

А.Е.: Работы были начаты только в сентябре. Дерево – материал нежный и капризный, необходимо завершить большую часть работ до снега. Могу сказать, что пока ничто не вызывает моего беспокойства. Вы спросили, что здесь будет... По большому счету, Департаменту всё равно, что здесь планирует разместить инвестор – квартиры, лофт, гостиницу

Дом в Гусятниковом переулке – один из немногих деревянных домов в столице

Автор: **Александр Лавров**

Фото: **Олег Фочкин**

Вопросы интервью: **Филипп Смирнов**

Ответы: **Алексей Александрович Емельянов**, руководитель Департамента культурного наследия города Москвы

или офисы. Мы всячески поддерживаем добросовестных арендаторов — на это и направлена программа, получившая название «Рубль за метр». Согласно ей, в долгосрочную аренду предоставляются объекты культурного наследия города Москвы, находящиеся в неудовлетворительном состоянии. И программа регламентирует установление льготных арендных ставок для добросовестных арендаторов памятников истории и культуры...

Ф.С.: Ну, а не для протокола? А по-простому?..
А.Е.: По-простому? Предположим, есть объект. Положим, руина, как, например, на Николоямской улице, 47, или 52-й дом по этой же старинной улице. Находится «смельчак»-инвестор. Платится аукционная цена (на основании торгов). Проводится качественная реставрация. И после (и при условии) ее выполнения ставку пересматривают. И она становится 1 рубль за метр в год. В случае усадьбы фон Беренса — около 1000 рублей. Почему инвестор — смельчак? С общественной точки зрения, с обыденной, вкладывать деньги в руину — безрассудство. Поэтому и смельчак. Хотя, сколько я с инвесторами ни общаюсь, все они очень хорошо разбираются в вопросах экономики. В том числе в экономике памятника.

Ф.С.: Программа действует с 2012 года. Среди объектов программы какие бы Вы выделили? Что удалось? Как программа действует, на Ваш взгляд?
А.Е.: Прежде закончу отвечать на заданный ранее вопрос — «Зачем это городу?». Город обладает большой совокупностью собственности. Среди этой собственности есть объекты благополучные, находящиеся под пристальным и под надзором, а есть объекты безхозные, упадочные. Когда город возвращает своей собственности ценность (а это именно так — у дома появляется долговременный хозяин, кровно заинтересованный в том, чтобы сделать что-то, что будет служить ему и его наследникам 49 лет), город показывает свое рвение о том, что есть в его собственности. Реставрирует инвестор — город получает существенную экономию.

Ф.С.: Но ведь качественная реставрация — это миллионы рублей, стартовые платежи — тоже. В чём интерес инвестора? Ведь большая часть «сметнет», что можно взять памятник, проверить махинацию

с реставрацией (заменить материал, сэкономить на вложениях, да мало ли что еще...), а после — пользоваться в свое удовольствие...
А.Е.: Программа предназначена для поощрения добросовестных (подчеркиваю: добросовестных) арендаторов. И мы, Департамент культурного наследия города Москвы, проследим за соблюдением законодательства и принятых регламентов в области реставрации, а также — за выполнением охранных обязательств. К тому же — Вы невнимательно слушаете: я сказал, что ставку пересматривают только после качественной реставрации и при условии ее выполнения. Заявить одно, а сделать другое — не получится. Мы не в бирюльки играем.

Ф.С.: Программа действует с 2012 года. Среди объектов программы какие бы Вы выделили? Что удалось? Как программа действует, на Ваш взгляд?
А.Е.: Прежде закончу отвечать на заданный ранее вопрос — «Зачем это городу?». Город обладает большой совокупностью собственности. Среди этой собственности есть объекты благополучные, находящиеся под пристальным и под надзором, а есть объекты безхозные, упадочные. Когда город возвращает своей собственности ценность (а это именно так — у дома появляется долговременный хозяин, кровно заинтересованный в том, чтобы сделать что-то, что будет служить ему и его наследникам 49 лет), город показывает свое рвение о том, что есть в его собственности. Реставрирует инвестор — город получает существенную экономию.

До пересмотра арендной ставки — город получает в бюджет доход. Теперь о программе. Мне лично очень симпатичны два объекта. Первый — Печатников переулок, 7. «Дом с кариатидами». Дом — пионер программы. Дом, на котором, собственно, стали очевидны какие-то шероховатости программы. Однако (при всей критике, которую мы получили) считаю, что объект мы сохранили, поставленной цели добились. Второй — Госпитальная площадь, 1/10. Там всё вообще — без сучка и задоринки.

Ф.С.: В реестре памятников этот дом довольно сложно называется: «Большая Померанцевая оранжерея — Казарма 2-го Московского кадетского корпуса — Жилой дом учеников Московской военно-фельдшерской школы»... Вы о нём? Архитекторы С. Волков и Дж. Кваренги?
А.Е.: Ну, Кваренги всё-таки под вопросом — не доказано его участие, но да, я об этом доме. Очень хороший проект, достойно реализован.

Ф.С.: Но, насколько я знаю, инвестор отказался от первоначальных планов и сейчас лихорадочно ищет субарендаторов...
А.Е.: Насчет лихорадки инвестора я не готов ничего комментировать, а вот о его праве найти субарендаторов — пожалуйста. Программа «Рубль за метр» предполагает возможность для осуществившего качественную реставрацию получить арендную ставку на памятник и на землю в размере 1 рубль за метр. И ему разрешается сдавать объект культурного наследия в субаренду.

Ф.С.: И что, прямо очередь стоит за руинированными объектами?
А.Е.: Ну, очереди, конечно, нет. Среднее количество заявок на объекты — 6. Среднее превышение первоначальной цены — в 5,5 раз, максимум — в 8,2. Так что инвесторы интересуются объектами программы.

Ф.С.: Тогда почему количество объектов, участвующих в этой программе, можно сказать, ничтожно мало?
А.Е.: Позвольте «включить» чиновника... Для того чтобы быть вклю-

ченными в программу «Рубль за метр», объекты культурного наследия должны удовлетворять нескольким требованиям (постановление Правительства Москвы от 24 января 2012 г. № 12-ПП): находиться в собственности города Москвы; как правило, являться отдельно стоящим зданием; находиться в неудовлетворительном состоянии; у объекта культурного наследия должны отсутствовать имущественные и иные обременения. Тем временем, многие объекты культурного наследия, находящиеся в неудовлетворительном или аварийном состоянии, на территории города Москвы являются собственностью Российской Федерации или частной собственностью. Второе существенное обстоятельство — наша «страховка». Часть объектов культурного наследия, удовлетворяющих требованиям программы, подготовлена к реализации по программе «продажа с обратным опционом» (то есть с возможностью обратного выкупа объекта, в случае если новый собственник не проведет необходимых ремонтно-реставрационных работ). Ну и, наконец, часть объектов культурного наследия, удовлетворяющих требованиям программы, являются социально значимыми объектами (театры, музеи, объекты религиозного и общеобразовательного назначения) и по функциональному назначению не могут быть выставлены на коммерческую аренду.

Ф.С.: Сколько объектов закончено, сколько в работе, сколько планируется запустить в работу по этим программам — «Рубль за метр», «С обратным опционом»?
А.Е.: Точное количество объектов и их адреса Вам сообщает в Инспекции нашего Департамента. Насколько я понимаю, где-то около тридцати объектов находится сейчас в работе у Департамента. По пяти адресам работы завершены, по 17 — ведутся работы, еще по нескольким идет процедура расторжения договора, а по 9 — готовятся документы к торгам.

Ф.С.: Мы с вами, сами того не замечая, подошли к интереснейшему

артефакту ушедшей эпохи — дореволюционному канализационному люку «Мюр и Мерилиз», который расположен прямо у входа в бывший главный Дворец пионеров нашего города.
А.Е.: Да, вещь крайне любопытная. Надеюсь, он приварен к основанию и его не смогут украсть злоумышленники.

Ф.С.: Этот — точно приварен. Алексей Александрович, вопрос сохране-

ния вот таких деталей «городского интерьера», среды: люков, страховых жетонов, табличек, вывесок — крайне актуален...
А.Е.: Если не возражаете, Филипп, давайте сделаем это сюжетом одной из наших будущих встреч. Вопрос интересный, важный, сложный. Поверьте, мне есть что сказать, но сейчас, увы, я вынужден уже уехать...

Буквально на следующий день после этой встречи пришла сухая справка.

В настоящее время в рамках Программы реализовано 17 объектов культурного наследия, завершён комплекс работ по сохранению 5 объектов.	
Проводятся работы по следующим ОКН: Таганская пл., д. 88, стр. 1; Николоямская ул., д. 52, стр. 1; Николоямская ул., д. 47; Покровка ул., д. 14/2, стр. 3; Андроньевская пл., д. 4, стр. 2; Сытинский пер., д. 5/10, стр. 5; Гончарная ул., д. 9/3, стр. 2; Гусятников пер., д. 7, стр. 1; Гороховский пер., д. 19, стр. 4; Большая Полянка ул., д. 65/74, стр. 3.	
Запланированы торги по 10 объектам: Настасинский пер., д. 8, стр. 1 (дата торгов – 20.10.2016 года); Волховский пер., д. 21/5, стр. 1 (дата торгов – 20.10.2016 года); Красностуденческий пр., д. 17	
(дата торгов – 24.11.2016 года); Пречистенка ул., д. 36, стр. 2 (дата торгов – 24.11.2016 года); Сивцев Вражек пер., д. 42, стр. 5; Кропоткинский пер., д. 10, стр. 1; Андроньевская пл., д. 4, стр. 3; Воронцовская ул., д. 19А, стр. 2; Волков пер., д. 15, стр. 1.	
В настоящее время ведётся расторжение договора по объекту, входящему в Программу, по адресу: Чистопрудный бульв., д. 12, корп. 7А.	
В настоящее время реализовано 6 ОКН по Программе «Продажа ОКН с обратным опционом»: Сельскохозяйственная ул., д. 36, стр. 2; Шелапутинский пер., д. 3, стр. 1, 2, 3, 4, 5; Гоголевский бульв., д. 12, стр. 1; Таганская ул., д. 7; Остоженка ул., д. 19, стр. 1; Староконюшенный пер., д. 2, стр. 1.	

Чувствуете ли вы разницу между словами «все» и «всё»? Ну, конечно, чувствуете. Названия московских местностей «Хорошёво», «Мнёвники», «Кадашёво» и многих других без буквы «ё» означали бы совершенно другие места. Без Николая Михайловича Карамзина, который первым стал вводить в обиход эту букву и обогатил наш язык многими словами – например, термины «впечатление» и «влияние», «влюбленность», «трогательный» и «занимательный» появились именно в его переводах, – мы были бы совсем другими.

Автор: **Савелий Флегонтов**
Фото: из архива автора

Проезд Карамзина

Чувствуете ли вы разницу между словами «все» и «всё»? Ну, конечно, чувствуете. Названия московских местностей «Хорошёво», «Мнёвники», «Кадашёво» и многих других без буквы «ё» означали бы совершенно другие места. Без Николая Михайловича Карамзина, который первым стал вводить в обиход эту букву и обогатил наш язык многими словами – например, термины «впечатление» и «влияние», «влюбленность», «трогательный» и «занимательный» появились именно в его переводах, – мы были бы совсем другими. Именно он ввел в обиход слова «промышленность», «сосредоточить», «моральный», «эстетический», «эпо-

ха», «сцена», «гармония», «катастрофа», «будущность». Речь, конечно, не только о богатом вокабуляре. Именно Николай Михайлович ввел в нашу повседневную жизнь рефлексию – понятия, обозначенные словами, начали осмысляться гражданами нашей страны. Он основал первый в истории нашей страны общественно-политический журнал, который трижды «возобновлялся» и издается до сих пор, – «Вестник Европы» начал выходить под его редакцией в 1802 году, – а значит, заложил традиции отечественной журналистики. За 10 лет до того он издавал «Московский журнал» – издание, которое чтит карамзинские традиции и также выпускается в наше время. Он же получил высокий статус «российского историографа» и создал труд, без которого наши сведения об истории России были бы очень скудны: много документов сгорело в пожаре 1812 года, и многие нам известны только потому, что на них ссылается Николай Карамзин.

Эстетика влияет на сознание, поэтому, получив в редакции журнала «Московское Наследие» задание проехать по местам, где в Москве жил и творил Н.М. Карамзин, я искренне обрадовался – ведь, быть может, что-то станет понятно про места силы в Москве и гений места. В приоткрытии московских тайн создания «Истории Государства Российского» мне помогали главный редак-

тор журнала «Московское Наследие» Филипп Смирнов и известнейший московский гид, знаток города Станислав Величко. И название статьи родилось сразу – «Проезд Карамзина». И потому, что иногда хочется самому оказаться в роли исторического персонажа, и потому, что начали мы наш маршрут с этой московской улицы, многие жители которой даже и не догадываются, почему она так называется. Что же – в путь.

Москва. Улица «Проезд Карамзина»
Московский район Ясенево не избалован достопримечательностями. В далеком 1978 году, когда параллельно МКАД был проложен этот проезд, еще не было известно, что по нему пойдет самый длинный в Москве маршрут троллейбуса – 72-й.

В городе почти все знают, что в Ясенево располагается московская штаб-квартира Службы внешней разведки РФ. А тем временем, большинство исследователей считают, что Ясенево – один из самых древних населенных пунктов Подмосковья. Тот же Н.М. Карамзин предполагал, что оно упоминается еще в 1206 году в одной из летописей при описании распрей удельных князей: «сретоша и братья у Ясенева», но первым документально известным владельцем Ясенева является великий князь Московский Иван Данилович Калита (ум. 1341). Оно упоминается около 1339 года в одной из его духовных грамот. Вплоть до конца XVI века Ясенево принадлежало потомкам Калиты, в том числе Ивану Васильевичу Грозному. Потом поменяло нескольких владельцев и в 1655 году вернулось в казну. В 1690 году Пётр I пожаловал богатое Ясенево своему тестю боярину Фёдору (Иллариону) Авраамовичу Лопухину. Иван Алексеевич (Иван V) был еще жив, и потому-то и им также была подписана жалованная грамота на Ясенево, полученная Ф.А. Лопухиным: «...та вотчина ему, боярину нашему Фёдору Авраамовичу, и его детям, и внучатам, и правнучатам, и в роды их неподвижно; и в той вотчине он, боярин наш Фёдор Авраамо-

Карамзин
Николай
Михайлович.
А.Г. Венецианов.
1828 год.
Государственный
музей
А.С. Пушкина

вич, и дети его, и внучата, и правнучата по сей нашей царской жалованной грамоте вольны продать и заложить и в приданные дать; а в монастыри тое вотчины не отдавать». Но после тесть прогневал зятя, да и жена оказалась не нужна. Ясенево несколько раз меняло владельцев, то возвращаясь к Лопухиным, то вновь от них «удаляясь». В самом конце XVIII века Ясенево уже принадлежало дочери одного из екатерининских статс-секретарей – княгине Анне Григорьевне Белосельской, урожденной Козицкой, второй жене просвещенного барина XVIII столетия, дипломата и писателя князя Александра Михайловича Белосельского. Среди его детей от первого брака была и знаменитая княгиня Зинаида Волконская – одна из самых красивых и образованных женщин своего времени. Император Павел I пожаловал А.М. Белосельскому командорский крест ордена Иоанна Иерусалимского и повелел ему в память о предках именоваться князем Белосельским-Белозерским. А еще Павел I купил Ясенево у Белосельского-Белозерского. В рассрочку. За 169 тысяч рублей. Сделка состоялась 8 февраля 1801 года. В тот же день Павел I подарил

Усадьба в Узком. Фото В. Разумова

Бауманская улица, 68. Дом построен в 1812 году, совсем неподалеку от пансиона Шадена

Ясенево своей фаворитке, княгине Анне Петровне Гагариной, урожденной княжне Лопухиной, на годовщину ее свадьбы.

В 1970–1980-е годы известно про усадьбу было не очень много, и тот факт, что Н.М. Карамзин бывал в Знаменской усадьбе князей Трубецких и часто проезжал через Ясенево и Узкое в село Воронцово к Волконским, позволил назвать проезд Карамзина его именем, хотя в чистом виде — это и было место, которое он проезжал...

В Ясеневе, в церкви Петра и Павла, состоялось венчание родителей Льва Николаевича Толстого, а Карамзин приезжал в Ясенево, Узкое (расположенное неподалеку), в Знаменское и в село Воронцово просто потому, что после Заграничного похода московское общество бурлило, обдумывало «дороги», по которым им надлежало двигаться... И Карамзин принимал участие в обсуждении — в этих усадьбах жили представители сформировавшегося в 1820 году «кружка культурных помещиков» — Императорского московского общества сельского хозяйства — людей, которые, в отличие от декабристов, в самодержавии усматривали только пользу, а все изменения предлагали внести через изменение к подходу к земле и землепользованию.

В 2016 году Карамзину исполняется 250 лет. Праздновать просвещенная общественность будет в декабре. И определили, что хотят поставить именно здесь, в Ясеневе, на пересечении проезда Карамзина и Голубинской улицы, памятник великому русскому историку и журналисту. Можно лишь порадоваться — другим своим концом проезд упирается в улицу Инессы Арманд...

Все знают, что родился Николай Михайлович в Симбирске — в том же городе, который «подарил» нашей стране и всему миру Владимира Ильича Ленина и теперь называется Ульяновск. Первые годы провел на домашнем обучении, потом — в пансионе немца Фавеля, а затем, отроком, приехал в Москву и был определен в пансион Шадена на обучение. Этому предшествовал первый «роман» Карамзина — 12-летний мальчик влюбился в помещицу Пушкину, жившую по соседству, открылся ей... А его возлюбленная «надрала отроку уши»... Залечивал душевные раны пылкий юноша уже в Москве.

Четыре года учебы

Еще в середине XVIII века, прослушав курс философии в Тюбингене, Шаден прибыл в Москву и получил кафедру в Московском университете. Да не одну, а целых четыре — права

естественного и народного, политики и нравов. Пансион Иоганна Матиаса Шадена на 8 человек располагался в Немецкой слободе. Адрес этого владения — Бауманская улица, дом 68. Рядом, через Бригадирский переулок, в конце XVIII столетия находился и дом профессора Московского университета Иоганна Шадена. В гимназии при Московском университете Шаден преподавал «риторику, также пиитику, мифологию, руководство к чтению писателей классического и житие академическое, весь курс философии кратко. При том и тех по возможности удовольствует, которые высших и лучших желают наук, как-то: греческого языка, древностей римских и греческих. А есть ли найдутся, которые восточным языкам еврейскому и халдейскому учиться и оных древности рассмотреть пожелают, то он им не только в филологию руководство тех восточных языков, но и особенное наставление в языках еврейском и халдейском преподаст». Ученики пансиона были ученым довольны — о том писал и Денис Фонвизин, и Николай Карамзин. Завершив обучение, Николай Михайлович (как и полагалось тогда благородному юноше) поступил на военную службу — в лейб-гвардии Преображенский полк подпрапорщиком. О том похлопотал отец юноши. И Карамзин уехал в Петербург, где буквально в первые же дни свел дружбу со своим дальним родственником (по матери) — будущим поэтом Иваном Дмитриевым. Следуя его примеру, Карамзин пристрастился к переводческому и литературному труду. В действующую армию не попал, как ни стремился, — не изыскал денег на взятку полковому секретарю и подал в отставку. Вернулся в Симбирск.

Масонский след

В 1784 году земляк Карамзина, Иван Петрович Тургенев, уговорил его ехать в Москву, где познакомил с Новиковым — книгоиздателем и масоном. Дружеское ученое общество собиралось в Кривоколенном переулке, 12. На участке находилось несколько домов — в один из них и въехал Карамзин. Здесь же располагалась ложа Новикова–Тургенева. Совсем недалеко от «Меншиковой башни».

Вид на «Меншикову башню» у Мясницких ворот открывался из окон «Дружеского ученого общества» — масонского «общекития», где Карамзин проживал в 1876–1879 годах

После Карамзин нанимал комнаты на Мясницкой улице, потом перебрался в Большой Казенный переулок, а затем жил на Новой Басманной. Ни одно из строений, в которых он жил, не сохранилось. Собственно, на месте, где была ложа, в советское время открыли типографию, потому и этот адрес — весьма условный, разве что живет «память места». Карамзин не попал под обаяние Новикова и не сделался близок с масонами. Вот как он писал о Новикове: «Новиков в самых молодых годах сделался известен публике своим отличным авторским дарованием: без воспитания, без учения, писал остроумно, приятно и с целью нравственное; <...> Около 1785 года он вошел в связь по масонству с берлинскими теософами и сделался в Москве начальником так называемых мартинистов, которые были (или суть) не что иное, как христианские мистики: толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Ветхом и Новом Завете, хвалились древними преданиями, унижали школьную мудрость и проч.; но требовали истинных христианских добродетелей от учеников своих, не вмешивались в политику и ставили в закон верность к государю. Их общество, под именем масонства, распро-

странялось не только в двух столицах, но и в губерниях; открывались ложи; выходили книги масонские, мистические, наполненные загадками...» Карамзин также отмечает, что Новиков и масоны «употребляли немалые суммы на благотворения» — занимались активно просветительской деятельностью, содержали и воспитывали бедных молодых людей, учили их в школах и университетах. Новиков предложил Карамзину посвятить себя переводам педагогической литературы, чем тот с удовольствием и занялся. Так появилось

Улица Мастеркова. Вид на Лизин пруд. Фото 1913 года

Здание вокзала станции «Лизино». Фото Ф. Смирнова

«Детское чтение для сердца и разума» — журнал для детей. Состоя в Дружеском ученом обществе, Карамзин осуществляет переводы из Шекспира и Лессинга и пишет первую «чувствительную» повесть на русском языке — наивное произведение «Евгений и Юлия».

Заграница

Некоторые филологи небезосновательно полагают, что русская литература как феномен началась с «Писем русского путешественника» — в 1789–1790 годах Карамзин путешествует. Он посетил Иммануила Канта в Кёнигсберге, стал живым свидетелем событий Великой Французской революции, так как был в это время в Париже. Сразу по возвращении Карамзин приступает к изданию «Московского журнала» — первого русского литературного журнала. Он выпустит за 1791–1792 годы 8 книжек. Через 10 лет они будут переизданы и станут пользоваться почти таким же успехом, как и первое издание. В основном это переводы. Однако, помимо прозы и стихов, в «Московском журнале» публикуются и рецензии, так что этот журнал можно считать и началом критики в России. Живет Карамзин у своих друзей Плещеевых в доме 10 по Брюсову переулку. Сейчас здание кардинально перестроено. Здесь же располагалась тогда и «редакция журнала». Печатался журнал

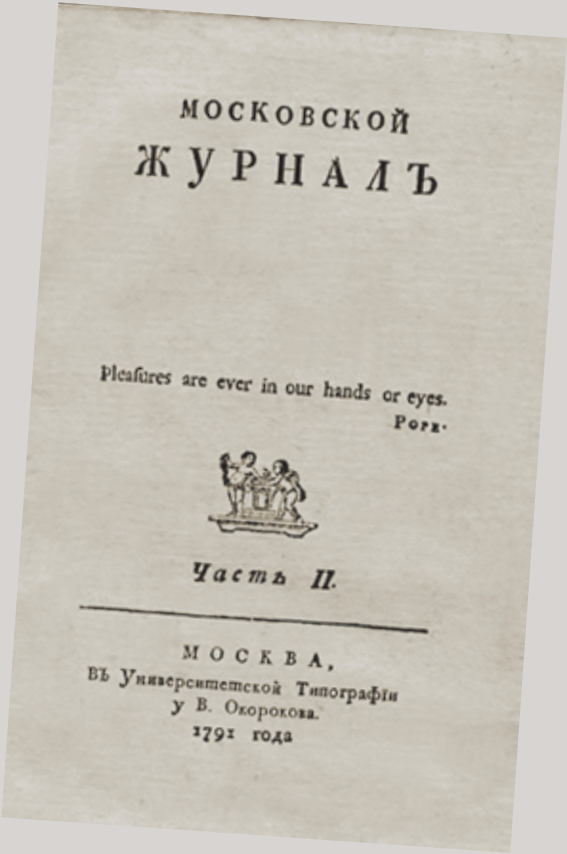
в университетской типографии. Чуть позже Карамзин переехал куда-то на Тверскую, «в приход Василия Кесарийского». Известно, что Карамзин много ездил по Москве — это были своего рода «оздоровительные прогулки», и чаще всего его привлекали окрестности Симонова монастыря. Славу Карамзина упрочила публикация повести «Бедная Лиза», в которой упоминался ставший знаменитым пруд. К нему совершались «паломничества» романтически настроенных барышень. В ту пору пруд был безымянным, однако популярность сентиментальной повести привела к тому, что пруд все стали называть Лизин, а впоследствии и вся местность получила это название. В переулке Ленинская Слобода в Москве стоит примечательный дом постройки начала XX века — 5, строение 1. Исследователи спорят, кому принадлежит авторство этого здания. Оно сильно походит на постройки Московской окружной железной дороги, а в декоре обнаруживается сходство со зданием Старожиловского конезавода, который построил Ф. Шехтель. Это — здание железнодорожного вокзала «Лизино». Долгое время в слободе существовали Лизина площадь, Лизин тупик, Лизин пруд и Лизин вокзал. В это же время Карамзин часто навещает своего друга Ивана Дмитриева, который обосновался на Большом

Козловском переулке в трех домах с садом (дома не сохранились, а про сад — позже). Поблизости, в Малом Козловском и на Большом Харитоньевском переулке, живет еще один друг Карамзина — Василий Львович Пушкин. Иногда Карамзин «с визитами» ездит на Гороховое поле к М.М. Хераскову — дом не сохранился. Родственник и поэт Иван Дмитриев «заставляет» Карамзина перезимовать с ним, в собственном доме. Дружбя соревнуются в написании литературных шедевров. В 1792 году Карамзин выпускает сборник «Мои безделки». Через год Дмитриев пу-

Памятник букве «Ё» был открыт в Ульяновске 4 сентября 2005 года. Автор — А. Зинин

На самом углу Никольской улицы стоял дом 25, сейчас тут — «Наутилус», а когда-то именно здесь жил Н.М. Карамзин

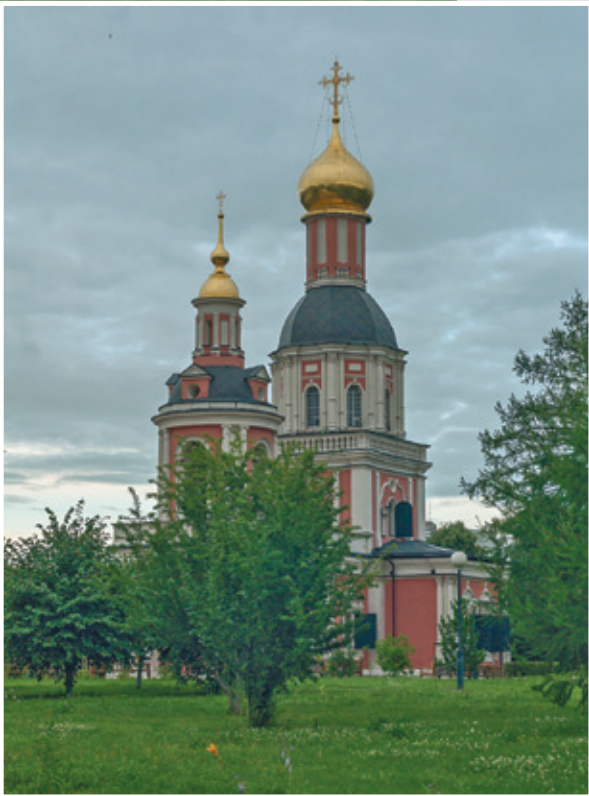
бликует «И мои безделки» — книгу, в которой (как считается) впервые в русской истории появляется буква «ё» — первым словом, отпечатанным с буквой «ё», было «всё», затем «огонёк», «пенёк», «безсмертна» и «василёчик». В 1793 году Карамзин перебирается на улицу Рождественка, 11, к Платону Петровичу Бекетову (этот дом сейчас перестроен). Живет он и на даче Бекетова на Якунчиковом шоссе (ныне Загородном шоссе). Здесь у психиатрической лечебницы (Московской городской клинической психиатрической больницы имени Н.А. Алексеева (больница имени П.П. Кашенко в 1922–1994 годах) остается до сих пор пруд Бекет. Ударение на первый слог. Название пруда связано как раз с Бекетовым — его дача была там, где сейчас стоят корпуса больницы. Платон Петрович — меценат, коллекционер, издатель, историк, дальний родственник Карамзина. Учился вместе с Николаем Михайловичем у Шадена. Другую большую дачу имел в Симоновой слободе. По версии некоторых исследователей, купил землю в Тюфелевой роще после совета с Карамзиным. Сам же Карамзин в 1792 году писал и еще об одном адресе в Москве (вернее, тогда — под Москвой). Из писем

к И. Дмитриеву: «Мне очень хочется недели на три ехать в деревню, не далеко от Москвы». «Мы Самарову гору превратили бы в Русский Геликон». В «Записке о московских достопамятностях», написанной Карамзиным в 1817 году, замечено: «Против Коломенского за Москвою-рекою Перерва, где ныне бывшая Заиконоспасская Академия и Самарова гора (где автор жила весною, летом в своей молодости, когда он еще занимался мечтами воображения)...» Русский Геликон так и не свершился, но, по мнению Карамзина, Самарова гора вполне подходила для роли священной горы муз, где от удара копыта Пегаса возник бы священный родник Гиппокрена и где был бы ручей, в который гляделся бы Нарцисс... Забавно, что это на территории промышленной зоны. В Московском районе Люблино. **Издатель и просветитель** В 1795 году Карамзин переезжает на угол Брюсова переулка и Тверской. Дом, естественно, не сохранился. Здесь он прожил пять лет, после чего перебрался на улицу Никольская, во владение 25 — это там, где сейчас торгово-развлекательный центр «Наутилус». Здесь он проведет два года — недалеко располагается типография, Николай Михайлович редактирует

здесь свой новый журнал «Вестник Европы», в котором он опробовал необыкновенное новшество для России того времени — выход журнальной книжки один раз в две недели. Виной тому — пренумеранты. На лето Карамзин часто уезжает в Кунцево и Свиблово. Здесь, на землях усадьбы Свиблово, на рубеже XVIII—XIX веков — московское «дачное» место. Земли Свиблова в XVII веке принадлежали Плещеевым, затем их отобрали в казну и отдали в 1704 году Кириллу Алексеевичу Нарышкину — московскому губернатору в 1716—1719 году, родственнику Петра Первого. После Полтавской битвы Нарышкин поселил здесь, в Свиблове, пленных шведов и всяких мастеровых людей, усадьбой почти не занимался. Усадьба Свиблово вернулась в род Плещеевых, затем Марья Семёновна Плещеева после смерти мужа, генерал-майора П.Я. Голицына, продала имение племяннику Потёмкину Н.П. Высоцкому. При Николае

Петровиче Высоцком (предположительно, одном из фаворитов Екатерины Великой) в Свиблове был основан дачный посёлок, одну из дач в котором в первые годы XIX века снимал Н.М. Карамзин с молодой женой Елизаветой (эта постройка не сохранилась). Карамзин бывал у Высоцких и в их роскошном доме на Новой Басманной, 13, который славился в начале XIX века своим гостеприимством. Степан Петрович Жихарев, сенатор, русский писатель, драматург, переводчик, театрал, писал о приеме в доме Высоцких: «Мы с Петром Ивановичем ездили взглянуть на освещенные окна дома Высоцкого. Вся Басманная до Мясницких ворот запружена экипажами: цуги, цуги и цуги. Кучерам раздавали по калачу и разносили по стакану пенника. Это по-барски. Музыка слышна издали: экосез и а-ля-грек так и заставляют подпрыгивать». У самого Карамзина было не очень много денег (в отличие, например, от того же Бекетова, который,

Усадьба Свиблово и храм Троицы Живоначальной в Свиблове. Фото В. Разумова

женившись вторым браком на дочери самого богатого россиянина XVIII века — Ивана Мясникова, — стал обладателем колоссального состояния), и потому он собрал подписку на журнал, чтобы его напечатать. Всего у него было 933 пренумеранта (подписчика). Журнал надо было направлять подписчикам по адресам ямской почтой — самый дальний пренумерант жил на расстоянии 2 недель пути от Москвы. Вот Николай Михайлович и принял решение выпускать книжку раз в две недели, чтобы все пренумеранты могли получать журнал в срок и свежий. В 1802 году Карамзин переезжает на Малую Дмитровку, в дом 17 (не сохранился). И вместе с Бекетовым часто бывает у Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, на Разгуляе. Алексей Иванович Мусин-Пушкин в 1791 году приобрел часть архива П.Н. Крёкшина — одного из первых русских ученых в области генеалогии. Затем он расширил свою коллекцию, и к началу XIX века у него было почти 2000 документов по истории России. В апреле 1801 года Карамзин женился на Елизавете Ивановне Протасовой. В марте 1802 года у них родилась дочь — Софья Николаевна Карамзина. В 1821 году она стала фрейлиной. Известна как знакомая Пушкина и друг Лермонтова. А вот ее мать, Елизавета Ивановна Карамзина, умерла через месяц после родов.

В январе 1804 года Карамзин женился вторым браком на светской красавице Екатерине Андреевне Колывановой — единокровной сестре поэта Петра Андреевича Вяземского, внебрачной дочери князя Андрея Вяземского и графини Елизаветы Карловны Сиверс. Фамилию Колыванова она получила по старинному русскому названию города Ревель, где родилась. Это был очень прочный брак. У Карамзина и Екатерины Андреевны было 9 детей. Карамзина держала литературный салон, про который говорили, что это единственный салон, где не держат карт и говорят по-русски. Известен исторический анекдот о записке влюбленного Пушкина Екатерине Андреевне — записан П.И. Бартевым. «Покойница Екатерина

Афанасьевна Протасова (мать Воейковой) рассказала (как говорил мне Н.А. Елагин), что Пушкину вдруг задумалось приволкнуться за женой Карамзина. Он даже написал ей любовную записку. Екатерина Андреевна, разумеется, показала ее мужу. Оба расхохотались и, призвавши Пушкина, стали делать ему серьезные наставления. Всё это было так смешно и дало Пушкину такой удобный случай ближе узнать Карамзиных, что с тех пор их полюбил, и они сблизилась». Счастливая семья в Москве обосновалась в Малом Знаменском переулке, в доме 3/5.

Липа Карамзина

«Он первой руки мот и часто мне своими беспутными и неуместными издержками немалую скуку наводит» — так отзывался о сыне (в письме к Андрею Разумовскому) Кирилл Григорьевич Разумовский. Лев Кириллович был «сослан» отцом в Москву, в родовое имение Разумовских — Петровско-Разумовское. Генерал-майор, владелец усадьбы и дворца на Тверской в Москве (где потом расположится Английский клуб) дружил с Карамзиным, который с 1800 по 1810 год бывал в Петровском-Разумовском часто, подолгу гостил у Льва Кирилловича. На Тимирязевской улице в Москве сохранилось два «свидетельства» о Карамзине — дом 47, видевший великого историографа, и липа, которую вместе со Львом Кирилловичем Николай Михайлович высадил. Про Льва Кирилловича и его жену Марию Григорьевну в допожарной Москве рассказывали анекдот (который потом лег в основу произведения Лермонтова «Тамбовская казначейша»). У богатейшего князя Александра Николаевича Голицына была жена — первая красавица Мария Григорьевна (урожденная Вяземская). Во всём свете говорили, что хоть наряды ее безумно хороши и муж денег не жалеет на ее выезд и украшения, дома он ее бьет и принуждает к исполнению супружеского долга. В обществе Александра Голицына называли «Cosa rara» («Редкая вещица») за его репутацию человека грубого и крайне неприятного, самодура. На одном

Софья Николаевна Карамзина. Копия Е.Б. Барсукова с оригинала П.Н. Орлова 1840-х годов. 1916 год

Екатерина Андреевна Карамзина (Колыванова). Миниатюра Жана Анри Беннера. 1817 год

Вид усадебного дома в Остафьеве со стороны парка. И.-Е. Вивьен де Шатобрен. Фрагмент. 1817 год. В ризалите на втором этаже – окно карамзинской комнаты

Памятник историку и писателю Н.М. Карамзину открыт в усадьбе Остафьево графом С.Д. Шереметевым в 1911 году. Автор проекта – академик Н.З. Панов. Автор идеи установки и концепции памятника – князь П.П. Вяземский

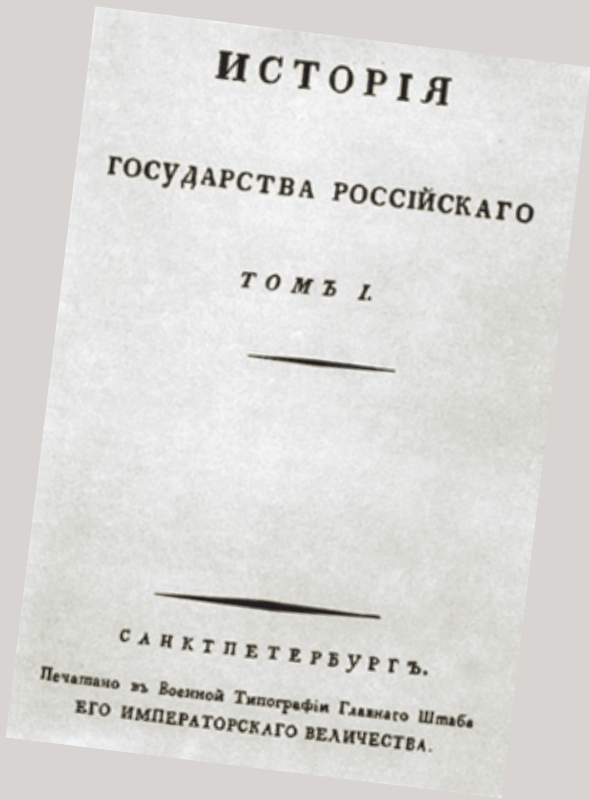
из балов княжну увидел Лев Кириллович. И влюбился. Вызвать на дуэль Голицына он не мог, поэтому предложил сыграть в карты. Игроком он был отменным, и в том карточном поединке Александр Николаевич проиграл Льву Кирилловичу несметное состояние. Когда уже он был близок к помещательству, Разумовский предложил ему поставить весь свой выигрыш на кон... Против жены Голицына. Голицын после недолгих колебаний согласился. И проиграл. Разумовский оставил все деньги Голицыну, а Марию Григорьевну забрал. Об этой карточной дуэли судачил весь свет. Мария Григорьевна, конечно, была расстроена тем, что ее проиграли... Но смирилась. Широкая огласка привела к тому, что развод она получила быстро. Разумовского любила, души в нём не чаяла. Весь высший свет от нее, правда, отвернулся. Мария Григорьевна не могла появляться на больших великосветских балах, Разумовские посещали только маленькие семейные

праздники с танцами. На один из таких праздников в доме Кочубеев (Разумовские приходились Кочубеям дальними родственниками, а Николай Карамзин служил с Виктором Павловичем Кочубеем в одном полку, в одно и то же время) неожиданно прибыл государь Александр I и, демонстративно пройдя через весь зал, пригласил Марию Григорьевну на танец. И, поскольку сам император признал графиню Разумовскую достойной своего общества, у его подданных никакого другого выбора не оставалось, кроме как последовать высочайшему примеру и отныне принимать ее как равную. Поговаривали также, что этот визит царя инспировал граф Гудович – известный сандовник, генерал-фельдмаршал, дядя Разумовского и «старший друг» Карамзина. В 1809–1812 годах именно он был главнокомандующим Москвы.

В приходе Харитоньевской церкви, по соседству с Сухово-Кобылиными, в Большом Козловском переулке, 12,

Усадьба Остафьево. Фото В. Разумова

жил Иван Дмитриев. Он устроил себе здесь маленький, но прекрасный сад, где принимал друзей и читал им под двумя роскошными липами, которым даже дал имена «Филемон» и «Бавкида». Друзья, которые бывали в этом саду – Василий Львович Пушкин, Василий Жуковский, Николай Карамзин.

В 1812 году местность эта сгорела, сады не сохранились.

*Итак, ее уж нет,
Сей пристани спокойной,
Где добрый наш поэт
Играл на лире стройной...
Как весело бывало,
Когда своим друзьям
Под липой ветвистой
С коньяком чай душистый
Хозяин разливал
И круг наш оживлял
Веселым острым словом! –*

вспоминал Жуковский после гибели этого дома. А Дмитриев продал участок и переехал на Спиридоновку.

Историограф-провидец
В Малом Знаменском переулке, 3/5, находится один из самых главных карамзинских адресов. Дом, в котором его посещали и Батюшков, и Жуков-

ский. Это усадьба Вяземских-Долгоруковых. Правда, жила семья здесь на «птичьих правах» – в маленьком флигеле, выходящем в Большой Знаменский переулок. В 1804 году Николай Карамзин работает в этом доме над первым томом «Истории Государства Российского». У Вяземских были обширнейшая библиотека и дом, открытый для иностранцев, – Николай Михайлович после заграничной поездки стал закоренным англоманом, и возможность работать над историей государства, а также вести беседы на языке Шекспира весьма его прельщали. Старый князь любил своего зятя и ему доверял. После его смерти в 1807 году Карамзины переехали в Малый Знаменский. Дом в Большом Знаменском продали в 1810-м, а когда Петр Андреевич Вяземский вступил в совершеннолетие – в 1811 году, – Карамзины уехали от Волконки. На Новую Басманную, 27, «в дом адмирала Мордвинова» – этот дом тоже не сохранился. Сюда писатель отправился, чтобы иметь возможность работать с документами на Разгуляе. 18 августа 1812 года по приглашению генерал-губернатора Фёдора Ростопчина Николай Карамзин поселился

Городская усадьба князей Вяземских-Долгоруковых XVIII–XIX веков, усадьба Вяземских-Карамзина (Малый Знаменский переулок, д. 3/5). Вид на флигель усадьбы со стороны Центра-музея Рерихов

в доме Ростопчина на Большой Лубянке. У них были давние дружеские отношения, к тому же их жёны были двоюродными сестрами. Но Карамзин жил не в качестве родственника. 20 августа из Москвы в Ярославль он отправил жену и детей, а сам намеревался вступить в ополчение. Вот что пишет Карамзин своему другу Дмитриеву в Петербург в эти дни: «Наши стены ежедневно более и более пустеют, уезжает множество. Я рад сесть на своего серого коня и вместе с Московской удалой дружиной примкнуть к нашей армии. Не говорю тебе о чувствах, с которыми я отпустил мою

бесценную подругу и малюток; может быть, в здешнем мире уже не увижу их! Впрочем, душа моя довольно тверда, я простился и с «Историей»: лучший и полный экземпляр ее отдал жене, а другой — в Архив иностранной коллегии... Я благословил Жуковско-го на брань: он вчера выступил отсюда навстречу к неприятелю...» Ростопчин оставил Карамзина при штабе, в армию и ополчение не отпустил. 27 августа Карамзин пишет брату: «Живу у графа Ростопчина, но без всякого дела и без всякой пользы. Душе моей противна мысль быть бег-лем: для этого не выеду из Москвы,

пока всё не решится». Слово свое сдер-жал: выехал из Москвы с последними отрядами русской армии за несколько часов до вступления в нее французов. В тот же день, 27 августа, состоялся разговор Карамзина с Ростопчиным, в котором многие усматривают про-роческие интонации великого исто-риографа. Знаем мы этот разговор по записке армейского курьера, ко-торый привез Ростопчину письмо от Кутузова. «У Наполеона всё движется страхом, у нас — преданностью, там — сбор народов, в душе его ненави-дящих, у нас — один народ, мы — дома, он — от Франции отрезан...» — пере-

Английский клуб в доме графини Разумовской на Тверской, место сбора московской аристократии, куда съезжались, по выражению Н.М. Карамзина, «чтобы узнать общее мнение»

дает в воспоминаниях рассуждения Карамзина А.Я. Булгаков. В 1804–1816 годах Николай Михай-лович периодически жил в усадьбе Остафьево князей Вяземских и рабо-тал здесь над «Историей Государства Российского», подготовил здесь к из-данию восемь томов «Истории...», написал для Александра I трактат «О древней и новой России в ее по-литическом и гражданском отноше-ниях» (1811). В пожаре 1812 года библиотека Ка-рамзина, которую он собирал четверть века, погибла. Он не отчаялся, а с уд-военной силой принялся за работу.

С 1813 года жил у издателя Семёна Иоанникиевича Селивановского, на Большой Дмитровке, 15, у которого печатались почти все московские ав-торы, а позже (правда, совсем недол-го, вероятно, не сойдясь во взглядах на литературу) — у театрала Фёдора Фёдоровича Кокошкина (старшего) на Воздвиженке, владение 11 (дом не сохранился). С 1816 года Карамзин с семьей — в Петербурге. В 1818 году вышли первые восемь то-мов «Истории Государства Россий-ского» (на титуле обозначены тома 1–3 — 1816, тома 4–8 — 1817. Тома

с девятого по одиннадцатый опубли-кованы в 1821–24, 12-й том — в 1829, после смерти писателя, по его черно-викам. Есть еще с десятков адресов, по ко-торым Карамзин бывал в Москве, читал в салонах «избранные места» из «Истории Государства Россий-ского», работал с документами, — на-пример, Архив коллегии иностран-ных дел в Хохловском переулке или Московский университет и типогра-фия при нём. В Петербурге Карам-зин томился и всей душой стремился в Москву, но получалось лишь ино-гда, наездами.

Главный дом усадьбы Люблино. Фото В. Разумова

Знаменитые остафьевские липы. Фото В. Разумова

Липа, которая видела руки Карамзина, счастливо растет в парке Тимирязевской академии. Если успеют, Станислав Величко и Филипп Смирнов пройдут через «торжество древонасаждения» и рядом высадят саженец, который когда-либо перерастет их и память о них. Николай Михайлович Карамзин — автор большого числа «первых вещей»

в нашем Отечестве: истории, слов, понятий, обзоров, традиций. Еще он, пожалуй, один из первых гидов по Первопрестольной. Нет, я сейчас даже не о «Записке о московских достопамятностях», не о статьях «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице», «О московском землетрясении 1802 года», «Путешествие вокруг Москвы», а о «Записках

старого московского жителя», опубликованных в 1803 году в журнале «Вестник Европы». Пусть не смущает современного читателя псевдоним «Б.В.» в конце статьи: в тот век Карамзину не на кого было опереться, и писал потому он сам — весь журнал. В завершение позволю себе «напомнить» читателю эти дивные строки. Им — 213 лет.

МНР

Вестник Европы. № 16. 1803 год:

«Эмилия уехала в деревню, и бостон наш расстроился; на бульваре нет ни души, ибо время неблагоприятно для гулянья: куда же мне деваться, и что делать? От скуки всего лучше писать; в таком случае перо служит отводом ее, и передает всю скуку автора читателям. Какое мне до них дело! всякий о себе думай... К тому же мне стукнуло 62 года, и я жил не с завязанными глазами в свете: сколько важных наблюдений могу сообщить любопытным, не хуже того славного эфемера, который, родясь на восходе солнца, видит себя в глубокой старости при его заходе, и с красноречием доктора Франклина (автора сей остроумной басни (*Она напечатана в Московском журнале)) рассказывает юнейшим эфемерам о великих переменах света, замеченных им в течение столь долгого времени, то есть в 15 или 16 часов! Боже мой! сколько сделалось перемен и на моих глазах! Красавицы подурнели, веселые женщины стали унылыми; в руках, которые прежде так мило играли опохалом и в легком вальсе обнимали счастливых Зефиров, вижу теперь четки или карты; взоры, с которыми некогда все другие встречались, ныне бродят уединенно по зале, наполненной людьми невнимательными. Многие умники обратились в глупцов, честные люди в бездельников, подлецы в гордецов, святоши в вольнодумцев и вольнодумцы в святош. Одним словом, я, старый эфемер, замечал метаморфозы в жизни, которые стоят Овидиевых; видел все, кроме того, чтобы плуты делались честными, а глупцы умными.

Но нельзя писать обо всем, что знаешь: назовут сатириком; а я никогда не любил сего имени, может быть, оттого, что оно всегда напоминает мне гнусную фигуру сатира. Не хочу также сообщать наблюдений, которые можно растолковать в худую сторону для настоящего времени; скажут: «таковы старики! хвалят чего уже нет, а все новое осуждают!»... Нет, брошу на бумагу замечания самые невинные и служащие неоспоримым доказательством того, что все идет к лучшему в свете, по крайней мере у нас на Руси... Но в таком случае должно подумать...

«Господин! господин! не надобно ли вам цветов?»... Этот голос, перервав нить идей моих, мог бы чрезмерно рассердить меня, если бы он был не женской; но я, по старой привычке, все еще не умею сердиться на женщин... Смо-

трю и вижу сельскую невинность, которая, остановясь перед окном моего низенького домика, показывает мне букет свежих ландышей. Встаю с кресел как молодой человек (ибо у меня еще нет подагры), даю деньги, беру цветы, нюхаю их, и снова ищу в голове мыслей... Но чего лучше? этот букет может быть темою... Без сомнения!.. Задумываюсь на минуту и восклицаю: слава нынешнему просвещению и великим успехам его в Москве белокаменной!

Так, на моей памяти образовалась в нашей столице сия новая отрасль торговли: на моей памяти стали продавать здесь ландыши. Если докажут мне, что в шестидесятых годах хотя один сельский букет был куплен на московской улице, то соглашаюсь бросить перо свое в первый огонь, который разведу осенью в моем камине... Из чего мы, философы, заключаем, что московские жители просветились: ибо любовь к сельским цветам есть любовь к природе; а любовь к природе предполагает вкус нежный, утонченный искусством. Как первые приемы философии склоняют людей к вольнодумству, а дальнейшее употребление сего драгоценного эликсира снова обращает их к вере предков: так первые шаги общежития удаляют человека от природы, а дальнейшие снова приводят его к ней. Старинные русские бояре не заглядывали в деревню, не имели загородных домов и не чувствовали ни малейшего влечения наслаждаться природой (для которой не было и самого имени в языке их); не знали, как милы для глаз ландшафты полей, и как нужен для здоровья деревенский воздух... Правда, что они были здоровее нашего; но это неизъяснимое чудо!... О варварство! Они гуляли только в своих огородах, где, сидя под тенью черемухи, пивали холодный мед из стоп оловянных; не имели даже и цветников; в глаза не знали великолепной душистой розы, которую уже во время царя Михаила Федоровича привез в Москву голштинец Петр Марселлис (**Прежде в России известны были одни дикие розы)! — Только при государе Петре Великом знатные начали строить дома в подмосковных; но еще за 40 лет перед сим богатому русскому дворянину казалось стыдно выехать из столицы и жить в деревне.

Какая разница с нынешним временем, когда Москва совершенно пустеет летом; когда всякий дворянин, насытившись зимою городскими удовольствиями, при начале весны спешит в село, слышать первый голос жаворонка

или соловья! а кто должен остаться в Москве, тот желает по крайней мере переселиться за город; число сельских домиков в окрестностях ее год от году умножается; их нанимают не только дворяне, но и купцы. Мне случилось в одной подмосковной деревне видеть крестьянский сарай, обращенный в комнату с диванами: тут в хорошее время года живет довольно богатый купец со своим семейством. В городе у него каменный дом и большой сад; но он говорит: «что может сравняться летом с приятностью сельской жизни?» Самые ремесленники любят уже веселиться хорошим днем на чистом воздухе. Поезжайте в воскресенье на Воробьевы Горы, к Симонову монастырю, в Сокольники: везде множество гуляющих. Портные и сапожники с женами и детьми рвут цветы на лугах, и с букетами возвращаются в город. Мы видали это в чужих землях, а у нас видим только с некоторого времени, и должны радоваться. Еще не так давно я бродил уединенно по живописным окрестностям Москвы и думал с сожалением: «какие места! и никто не наслаждается ими!» а теперь везде нахожу общество!

Одним словом, русские уже чувствуют красоту природы; умеют даже украшать ее. Объезжайте подмосковные: сколько прекрасных домиков, английских садов, сельских заведений, достойных любопытного взора просвещенных иностранцев! Например, село Архангельское, в 18 верстах от Москвы, вкусом и великолепием садов своих может удивить самого британского лорда; счастливое, редкое местоположение еще возвышает красоту их. Рощи — где дикость природы соединяется с удобствами искусства и всякая дорожка ведет к чему-нибудь приятному: или к хорошему виду, или к обширному лугу, или к живописной дичи — наконец заступают у нас место так называемых правильных садов, которые ни на что не похожи в природе и совсем не действуют на воображение. Скоро без сомнения перестанем рыть и пруды, в увереннии, что самый маленький ручеек своим быстрым течением и журчанием оживляет сельские красоты гораздо более, нежели сии мутные зеркала, где гниет вода неподвижная...

Знаете ли, что и сам московский бульвар, каков он ни есть, доказывает успехи нашего вкуса? Вы можете засмеяться, государи мои; но утверждаю смело, что одно просвещение рождает в городах охоту к народным гульбищам, о которых, например, не думают грубые азиаты, и которыми славились умные греки. Где граждане любят собираться ежедневно в приятной свободе и смеси разных состояний; где знатные не стыдятся гулять вместе с незнатными, и где одни не мешают другим наслаждаться ясным летним вечером: там уже есть между людьми то счастливое сближение в духе, которое бывает следствием утонченного гражданского образования. Предки наши не имели в Москве гульбища; даже и мы еще весьма недавно

захотели иметь сие удовольствие; но зато очень любим его. Жаль только, что наш бульвар скуп на тень и до крайности щедр на пыль; он же, к несчастью, именем своим напоминает бульвары парижские, столь прекрасные и сенистые! Древней столице Русского царства больно в чем-нибудь завидовать другим европейским городам. Хорошее гульбище дает какую-то выгодную идею о самых жителях; и для того швейцары, знакомясь с иностранцем, к ним приехавшим, тотчас ведут его на свои прелестные террасы, в свои тенистые аллеи, которые украшают все города их...

Иногда думаю, где быть у нас гульбищу, достойному столицы — и не нахожу ничего лучше берега Москвы-реки (***Там уже заводилось гульбище; но Кремлевская стена ни мало не весела для глаз. Тогда же берег не был еще выслан камнем.) между каменным и деревянным мостом, если бы можно было сломать там Кремлевскую стену, гору к соборам устлать дерном, разбросать по ней кусточки и цветники, сделать уступы и крыльцы для восхода, соединить таким образом Кремль с набережною, и внизу насадить аллею. Тогда, смею сказать, московское гульбище сделалось бы одним из первых в Европе. Древний Кремль с златоглавыми соборами и готическим дворцом своим; большая зеленая гора с приятными отлогостями и цветниками; река немалая и довольно красивая, с двумя мостами, где всегда движется столько людей; огромный воспитательный дом с одной стороны, а с другой длинный, необозримый берег с маленькими домиками, зеленью и громадами плотового леса; вдали Воробьевы горы, леса, поля — вот картина! вот гульбище, достойное великого народа! Тогда житель Парижа или Берлина, сев на уступе Кремлевской горы, забыл бы свой бульвар, свою липовую улицу... Воображаю еще множество лодок и шлюпок на Москве-реке с разноцветными флагами, с роговою музыкою: ежедневное собрание людей на берегу ее без сомнения произвело бы сию охоту забавляться и забавлять других... Сверх того Кремль есть любопытнейшее место в России по своим богатым историческим воспоминаниям, которые еще возвысили бы приятность сего гульбища, занимая воображение.

Но это одна мысль. Кремлевская стена есть наш Палладум: кто смеет к ней прикоснуться? Разве одно время разрушит ее, так же, как оно разрушило стену вокруг Белого города и Земляного: ибо и сей последний был некогда окружен башнями (деревянными)... И так удовольствуется своим бульваром! куда, государи мои, вы позволите мне и теперь отправиться: ибо облака рассеялись и солнце проглянуло. Бросаю перо до первой скучной минуты, в которую могу еще поговорить с вами о других переменах в Москве белокаменной и новых выгодах нашего времени.

Б. В.

«Победа, которой он всё принес в жертву, гоняясь за ней, вдруг исчезла на его глазах в вихрях дыма и пламени! Им овладело такое сильное волнение, словно его пожирал тот самый огонь, который окружал его со всех сторон», – описывал граф де Сегюр метания императора французов в огне московского пожара. Но очевидцы по-разному описывают путешествие Наполеона из горящего Кремля в Петровский путевой дворец.

Горячий прием

«Победа, которой он всё принес в жертву, гоняясь за ней, вдруг исчезла на его глазах в вихрях дыма и пламени! Им овладело такое сильное волнение, словно его пожирал тот самый огонь, который окружал его со всех сторон», – описывал граф де Сегюр метания императора французов в огне московского пожара. Но очевидцы по-разному описывают путешествие Наполеона из горящего Кремля в Петровский путевой дворец: вышел то ли утром, то ли вечером; двигался то ли пешком, то ли верхом; реку пересек то ли у Хорошёва, то ли еще где-то. Вот наиболее вероятные об-

стоятельства огненной бонапартовой одиссеи. По-другому – «царский поезд в огне»...

Большие надежды

«Вот они, эти знаменитые стены!» – патетически восклицал узурпатор Европы, разглядывая Москву с Поклонной горы. Как известно, представительной делегации с символическими ключами от города Наполеон не дождался – ключи от города так и остались лежать в церкви Кира и Иоанна на Солянке (а через неделю их закопали на территории Ивановского монастыря). Выступил на

Автор: **Дмитрий Абумов**
Фото: **из архива автора**

Наполеон в горящей Москве.
Альбрехт Адам. 1841 год

Пожар Москвы в сентябре 1812 года.
Сальватор Карделли. Гравюра. XIX век

Москву он из Троекурова (из района нынешней Рябиновой улицы). Поклонная гора выглядела совершенно иначе – даже немногие коренные москвичи знают, что рельеф данной московской местности появился в привычном нам виде только при строительстве Брянской железной дороги: гора – это отвал грунтов. Мюрат, вошедший в Москву сразу же после арьергарда Милорадовича, жителей не обнаружил. Из трехсоттысячного населения в городе, по

определению Ростопчина, «было всего 10 тысяч жителей (из них, по крайней мере, половина всякой сволочи, дожидавшейся, как бы пограбить город)». Подъехав к Дорогомиловской заставе, Наполеон с удивлением выслушал доклад маршала Дарю: «Сир, город пуст! Все жители исчезли!» Но Бонапарт все требовал каких-то «бойр» с ключами, думал, они перепуганные сидят по домам, и хотел поразить их своим человеколюбием... Наконец ему привели пятерых обо-

рванцев. «По первому же ответу этих несчастных Наполеон увидел, что перед ним – только жалкие поденщики», – писал граф де Сегюр. В опустевший город Наполеон вступил лишь на следующее утро, 15 сентября. Миновав Дорогомиловский мост, император ехал по Арбату и вглядывался в прекрасные особняки, тесно обступавшие его с двух сторон. Триумфальное настроение Бонапарта не могли омрачить ни гнетущий вид опустевшего города, ни исчезнувшая неприятельская армия, ни известия о начинающихся пожарах. Впрочем, последнее тревожило его мало, пожары он считал следствием грабежей и пьянства французских солдат. А ведь еще накануне император наказывал маршалу Мортье, назначенному военным губернатором города, пресекать подобные безобразия! С пожарами, которые начались еще накануне, французские части боролись весьма энергично. Дело шло с переменным успехом. Залитый в одном месте, огонь через некоторое время вспыхивал в другом. Впрочем, ситуация была под контролем до наступления ночи, когда поднялся сильнейший ветер, разносивший огонь по всем частям города. К утру Москва представляла собой один огромный костер.

«Генеральный план столичного города Москвы, с назначением сгоревших домов под тушу, а ныне существующих под пунктирною». Гравюра с раскраской из книги «Русские и Наполеон Бонапарте», 1813 год. В левом верхнем углу – главный поджигатель: Наполеон в образе дьявола с факелом

Багряное утро

16 сентября Наполеон проснулся в превосходном настроении. Простуда, которая преследовала его еще со времени Бородино, отступила. Император спросил у вошедшего к нему доктора Метивье о последних новостях. Тот ответил, что везде вокруг Кремля — пожары. «Это неосторожность солдат, — отвечал равнодушно Наполеон, — они, вероятно, разложили огни для приготовления пищи слишком близко к деревянным домам». Помощник столоначальника Министерства финансов Фёдор Иванович Корбелецкий, который был схвачен

и удержан при наполеоновской свите «под крепчайшим караулом», так описывает перемену в настроении Наполеона: «Вдруг взгляд его остановился, улыбка исчезла с уст, выражение лица его сделалось ужасным. Он вскочил с постели; не произнося ни слова, быстро оделся, причем так сильно толкнул ногой мамелюка, подавшего ему сапог левой ноги на правую, что тот упал навзничь». Граф де Сегюр по-другому живописует это пробуждение императора: «Наполеон... проснулся при двойном свете — начинающегося дня и пламени. В первый момент он рассердился и хотел приказывать этой стихии, но вскоре смирился, покоровшись невоз-

можности». Переходя от окна к окну, он видел одну и ту же картину. Перед окнами дворца, прямо за рекой растилались улицы и кварталы, сплошь объятые пламенем; лишь кое-где можно было различить незагоревшиеся еще кровли зданий и колокольни. Волны дыма и пламени летели через реку и, казалось, достигали Кремля (это горело Замоскворечье; окна, к которым вначале подошел Наполеон, выходили на южную сторону, на нынешнюю Кремлевскую набережную). Император бросился в другую сторону, но и там нестерпимо яркий свет, огромные вихри пламени, улицы, превратившиеся в огненные реки, дворцы, большие дома, горящие

Местность у Троицких ворот Кремля с церковью Николы в Сапожках. Ф.Я. Алексеев и ученики. 1800-е годы

огромными кострами (горели Ильинка и Никольская, Гостиный двор снова весь был объят пламенем, пожары были со всех сторон: на Тверской, на Арбате, на Остоженке, у Каменного моста). Наполеон, всегда презиравший опасность, пытался было заняться неотложными делами: диктовал письма, начинал писать сам; но сосредоточиться не мог. Пожар всё настойчивее напоминал о себе. Император снова принялся шагать от окна к окну и заметил, что к оконным стеклам больно прислонить руку — так они нагрелись от жара, принесенного ветром с пожарами. Наполеона обступила свита, маршал Мортье, делавший все возможное, чтобы отстоять Кремль, категорически заявил, что нужно немедленно уходить — иначе гибель неизбежна. Прибыл адъютант с докладом о том, что русские, вероятнее всего, оставили в Кремле пороховую мину. Это известие вызвало у Наполеона лишь презрительную улыбку — никаких русских мин не требуется, чтобы взлететь на воздух: в Кремль был ввезен подвижной пороховой магазин (передвижной обоз-склад). Фуры с боевыми снарядами стояли напротив окон дворца, который он всё не решался оставить. Внезапно раздался крик: «Кремль горит!» Это загорелась Троицкая баш-

ня возле Арсенала. Гвардия потушила огонь, нашла поджигателя, заколола его штыками, а придворные уже на коленях молили императора покинуть Кремль. Наполеон продолжал упрямиться. Шагая от окна к окну, он восклицал: «Какое ужасное зрелище! Это сами они поджигают; сколько прекрасных зданий; какая необычайная решимость, что за люди: это скифы!» Сбежав по лестнице, император приказал везти себя в Петровский путевой дворец за Тверской заставой.

Бегство

Однако покинуть Кремль было совсем не просто: «Мы находились в осаде, среди океана огня, который блокировал все ворота крепости и не допускал выхода из нее», — пишет Сегюр. Через некоторое время обнаружился какой-то проход, уводящий под одну из Кремлевских башен. Устремившиеся туда гвардейцы обнаружили подземный ход, выходящий на Москву-реку. Этим путем императору со свитой удалось выскользнуть из Кремля. Если бы Наполеон знал русскую поговорку «из огня да в полымя», он обязательно сообщил бы ее своим спутникам. Пожар стал ближе, прямо за рекой раскинулось огненное море. Ни отступать, ни оставаться на месте невозможно. «Пепел слепил глаза,

а буря оглушала нас, и даже те из нас, кто уже успел несколько ознакомиться с городом, не могли теперь ориентироваться, так как улицы исчезли среди дыма и облаков». В сопровождении свиты Наполеон стремительно зашагал вдоль Кремлевской стены на запад. Впереди показался мост, на той стороне реки — стена огня, на этой — уводящая в нужном направлении «извилистая и всё еще горящая улица», которая «скорее казалась входом в этот горящий ад, нежели выходом из него». Здесь Наполеону подвели коня. «Как зовут? — Тавриз, сир! — Все, кто любит меня, за мной!» Не колеблясь, Наполеон бросился в этот огненный тоннель. Ехать пришлось по «земле, охваченной огнем, под пламенеющим небом и между двумя стенами огня! Жар обжигал нам глаза, а между тем мы должны были держать их открытыми, чтобы видеть опасность. Жгучий воздух, горячий пепел, огненные искры — всё это затрудняло дыхание». Вскоре уже никто из спутников императора не мог сказать, в каком направлении нужно двигаться. Где-то впереди лежал Арбат. Добраться до него — значило найти путь к спасению. Но как распознать, куда идти, когда очертания улиц исчезали в дыму и огне? Внезапно вдали раздался крики. Среди горящих зданий возникли

Петровский дворец в Москве в конце XVIII века. С гравюры Гурлимана

фигуры солдат. Их мундиры были так перепачканы золой и пеплом, что невозможно разобрать цвет. Но император был уверен: синие! Это его brave пехотинцы!

Встреча оказалась спасительной для заблудившегося кортежа. Солдаты указали путь, и Наполеон твердой рукой направил коня вслед за своими проводниками. Меньше суток назад он проезжал здесь по пути в Кремль, но того города уже нет, он догорал в огне пожара, как и ожидания императора. Серый сюртук Бонапарта прогорел в нескольких местах, а у кавалеристов, прикрывавших его, обгорели края седел. Лишь достигнув берега реки, император осознал, что выбрался из огненной ловушки. За мостом Москва закончилась, пожары стихли, но путь до цели не был пройден даже наполовину. Император со свитой долго скакал вдоль извилистого русла реки, у какого-то села переправлялся по плавучему мосту на левый берег, ехал полями мимо кладбища и, измученный и усталый, в темноте достиг наконец Петровского путевого дворца.

Путь в огне

Вероятнее всего, Наполеон покинул Кремль в полпятого вечера. Петровского дворца он достиг около восьми. Расстояние между этими двумя точками — шесть с половиной кило-

метров, если ехать прямым путем по Тверской улице. Путь же Наполеона и его свиты оказался как минимум вдвое больше — примерно сорок километров. Сегодня Петровский путевой дворец находится в самой гуще мегаполиса, в районе станции метро «Динамо», на Ленинградском проспекте. А два столетия назад он располагался за городом на дороге из Москвы в Петербург, окруженный чащей и пустырями. Из Кремля туда можно было доехать за час.

Наполеон выбрался из Кремля с самой неудобной стороны — под Тайницкой башней, то есть в южном направлении, а идти нужно было на северо-запад. Поэтому он двинулся по набережной, оставляя Кремль справа, до Всехсвятского моста, где свернул на улицу Ленивку, затем по Волхонке доехал до Пречистенского (ныне Гоголевского) бульвара. После чего решительно углубился в арбатские переулки, где и заблудился в огне. Спасли Наполеона солдаты корпусов Даву и Нея, грабившие горящие дома в районе Арбата и неожиданно натолкнувшиеся на императора и его свиту. Дальнейший путь пролегал по Арбату, Дорогомиловскому мосту и одноименной слободе, берегом реки вверх к переправе у села Хорошёва, мимо Ваганьковского кладбища и далее полем до Петровского путевого дворца. Этот маршрут вошел во все справоч-

Медаль «Вступление в Москву. 14 сентября 1812 года». Мастер Б. Андрие. Париж, 1812 год

ные издания. Однако здесь кроется ошибка. Чтобы попасть в Петровский путевой дворец, Наполеону незачем было продвигаться так далеко на запад. Если император действительно совершил переправу у села Хорошёва, то он сделал совершенно не нужную петлю в несколько километров. Вероятнее всего, он не поднимался до моста у Хорошёва, а пересек реку между селами Фили-Покровское и Шелепиха в четырех километрах от заставы. В Петровском путевом дворце Наполеон провел два дня. К утру 18 сентября пожар, уничтоживший его надежды и три четверти города, стих. В тот же день, в 9 часов утра, император сел на коня по кличке Москва и вернулся в Кремль.

МН

К левой стороне неширокого Яузского бульвара, неторопливо спускающегося, позванивая трамваями, к Яузским воротам, примыкает совсем короткий — ни одного дома по нему не числится — Малый Николоворобинский переулок. В старину, когда никакого бульвара здесь и в помине не было, а стояли стены Белого города — третьего оборонительного пояса Москвы, — тут располагалась стрелецкая слобода.

Автор: **Алексей Дедушкин**
Фото: **из архива автора**

Усадьба на Яузском бульваре

К левой стороне неширокого Яузского бульвара, неторопливо спускающегося, позванивая трамваями, к Яузским воротам, примыкает совсем короткий — ни одного дома по нему не числится — Малый Николоворобинский переулок. В старину, когда никакого бульвара здесь и в помине не было, а стояли стены Белого города — третьего оборонительного пояса Москвы, — тут располагалась стрелецкая слобода. В 1670–1680 годы стрелецким головой здешнего полка служил Данила Воробин. И стояла в слободе деревянная церковь, получившая от brave полковника свое имя — Николы в Воробине. В 1688 году она сгорела и вскоре была отстроена в камне. До

наших дней церковь Николая Чудотворца в Воробине не дожила — была снесена в 1932 году. Но память и о стрельцах, и о храме сохранилась в наименовании двух московских переулков — Большого и Малого Николоворобинских.

По сведениям Петра Васильевича Сытина, в 1716 году на нечетной стороне Яузского бульвара «было три двора богатых купцов Гостиной сотни, подворье Новоспасского монастыря, два двора капитанов, три двора подъячих и девять дворов причта» церковью Троицы в Серебряниках и Николы в Воробине.

Шли годы. В начале XIX века обширный участок на углу нынешнего Яузского бульвара и Малого

Здание в процессе реставрации

Редкий снимок лечебницы на Яузском бульваре. Гостеприимно распахнуты ворота

Николоворобинского переулка (современное владение № 9) принадлежал сенатору московских департаментов Матвею Григорьевичу Спиридову. Вскоре после опустошительного наполеоновского пожара 1812 года здесь были возведены строения городской усадьбы, частично сохранившиеся до наших дней. Любопытная деталь: в 1867–1876 годах в этом владении под руководством инженера В.А. Бабина проводились работы по бурению скважины для получения артезианской воды, самой глубокой в Москве. Изначально глубина скважины предполагалась 532 метра, но на глубине 454 метров бур сломался, и в результате работы были свернуты. В.А. Гиляровский посвятил этому рассказ «Под землей», включенный им в книгу «Москва и москвичи». В конце XIX века усадьба принадлежала москвичке Фанни Карловне Рюхардт и сдавалась ею внаем. Здесь располагалась лечебница известного московского врача Оскара Генриховича фон Шимана. Ампирный особняк был перестроен в эклектическом стиле по проекту архитектора Сергея Флегонтовича Воскресенского в 1897–1898 годах под размещение упомянутой лечебницы. Одновременно с этим Воскресенский занимался переделками служебного корпуса, включавшего

Восточный жилой флигель со службами усадьбы М.Г. Спиридова – Ф.К. Рюхардт

в себя конюшню и каретный сарай, а также отдельно стоящей сторожки-дворницкой. Еще ранее, в конце 1870-х годов, зодчим Виктором Александровичем Коссовым был частично перестроен восточный жилой флигель усадьбы, стоящий по красной линии Большого Николоворобинского переулка и изначально возведенный в 1819 году. Незадолго до Первой Мировой войны владение перешло к Евгению Ивановичу Мак-Гиллю, которому принадлежал также и собственный жилой дом на Спиридоновке. В советские годы вместо «лечебницы по всем специальностям» фон Шимана здесь поселился противотуберкулезный диспансер со стационаром. Кстати, в Московской клинике доктора О.Г. фон Шимана лечился брат мужа Марины Цветаевой Пётр Эфрон. С диагнозом «бугорчатка легких» он был помещен в клинику 16 мая 1914 года, где и скончался 28 июля. Там же некоторое время лечился и Сергей. В связи с этим в июле 1914 года ближайшим родственникам больного — Лиле, Вере, Сергею и Марине — в лечебнице была выделена бесплатная комната. Со старшим братом мужа П.Я. Эфроном Марина познакомилась в августе 1913 года, вскоре после его возвращения в Россию. Его судьба, болезнь, похожесть на мужа не могли не за-

тронуть ее душу. На этот раз соперницей поэта была смерть.

*Осыпались листья над Вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте,
милый:
Вы всё-таки мой.*

*Смеется! —
В блаженной крылатке дорожной! Луна
высока.
Мой — так несомненно и так
непреложно,
Как эта рука.*

*Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.*

*Я Вас целовала! Я Вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала —
Домой!*

*Пусть листья осыпались, смыты
и стерты
На траурных лентах слова.
И, если для целого мира
Вы мертвы, Я тоже мертва.*

*Я вижу, я чувствую, — чую Вас всюду, —
Что ленты от Ваших венков! —
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков!*

*Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тишину. — Письмо в бесконечность. —
Письмо в беспредельность. —
Письмо в пустоту.*

В настоящее время усадьба, получившая статус объекта культурного наследия регионального значения, находится в собственности города Москвы. Пользователем на праве оперативного управления является ГУЗ «Научно-практический центр медицинской радиологии». За последние несколько лет все постройки усадьбы были отреставрированы по проекту, разработанному ФГУП «ЦНРПМ». В выходной день, когда машин на улицах сравнительно немного, стоит прокатиться по центру Москвы на трамвае «А» — знаменитой «Аннушке» — вполне туристический маршрут. Например, от метро «Новокузнецкая» к Чистым прудам. И когда, проехав по Большому Устьинскому мосту через Москву-реку, трамвай начнет взбираться на уклон Яузского бульвара, то по правую руку будут хорошо видны тянущиеся

к небу шатры кровли, покрытые свежей медью. Это она и есть — бывшая лечебница фон-Шимана. Над крышей возвышаются восстановленные дымоходы, изготовленные по проекту изящные дымоходы. По стенам спускаются медные водосточные трубы с фигурными воронками. Реставраторами восстановлено немало деталей, делающих памятник довольно неординарным. Это и кованный навес над входной дверью, и наружная лестница к черному входу, и отреставрированные (и восстановленные взамен частично утраченных) лепные декоры венчающих карнизов, и штукатурный декор фасадов конца XIX века. Обращают на себя внимание восстановленные на служебном флигеле (корпусе) слуховые окна, выполненные по аналогу с первоначальным окном, имевшим треугольную форму, фигур-

ные кронштейны крыши, изящный шпиль на дворницкой, а также восстановленная историческая расстановка всех окон зданий. Реставраторами не забыты и столь редко встречающиеся, увы, в наши дни световые решетки с призмами, а также световые приямки у окон нижнего этажа. Реставрация проводилась и в интерьерах. Здесь воссоздан лепной декор парадных зон помещений, восстановлены белокаменные лестницы. В служебном флигеле полы лестничной площадки получили отделку метлахской плиткой, выполненной по аналогам, найденным в процессе проведения реставрационных работ. Таким образом, Москва получила замечательную обновленную усадьбу XIX века, которая стала еще одним украшением уютного Яузского бульвара.

Отечественная война 1812 года оставила неизгладимый след в истории нашей страны и в облике нашей столицы. Цена победы над Наполеоном была очень высока. Это и многие тысячи погибших, и пожар в Москве, в результате которого выгорела немалая часть города.

Автор: **Алексей Дедушкин**
Фото: **Филипп Смирнов**

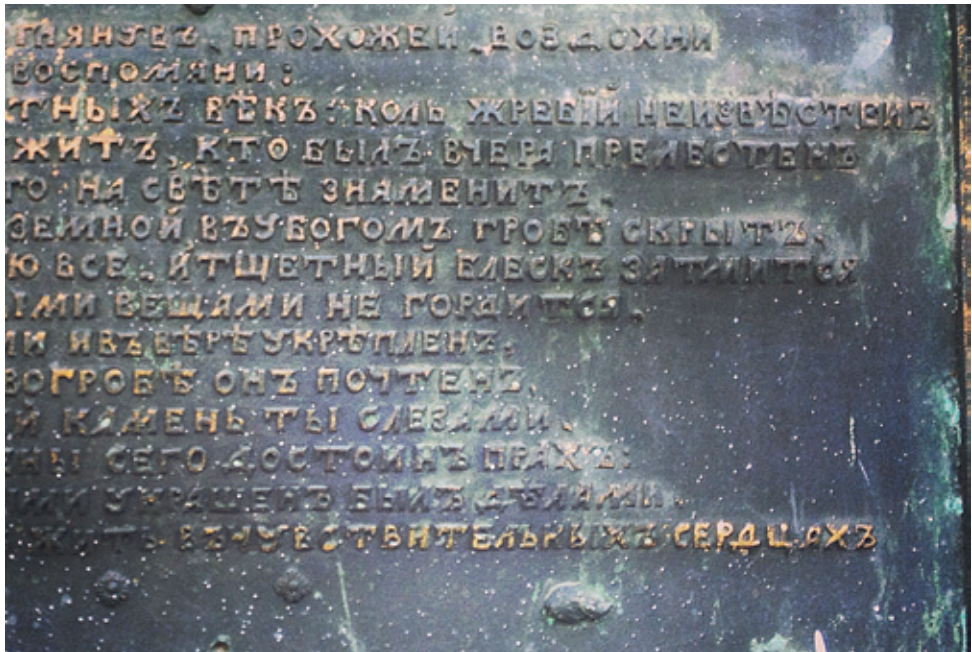
От основания до возрождения

Отечественная война 1812 года оставила неизгладимый след в истории нашей страны и в облике нашей столицы. Цена победы над Наполеоном была очень высока. Это и многие тысячи погибших, и пожар в Москве, в результате которого выгорела немалая часть города. В августе 1837 года в благодарность Христу Спасителю за великую победу России, для увековечения памяти русского воинства, всех погибших в войне с Наполеоном по проекту архитектора К.А. Тона был заложен храм Христа Спасителя. Впервые идею возведения храма-памятника еще в декабре 1812 года высказал участник войны с Наполеоном дежурный генерал при ставке М.И. Ку-

тузова — П.А. Кикин — в своем письме государственному секретарю и члену Государственного совета в те годы А.С. Шишкову: «Война сия, по-видимому, долженствовала решить судьбу России, потрясти основания гражданских и политических связей ея, и даже самой веры, не есть обыкновенная; почему и памятник должен быть таковой же — провидение Божие помощью веры и народного духа спасло нас. Ему благодарность, и памятник ему же принадлежит». Строительство храма-памятника как таковое велось с 1839 года, он возводился на казенные деньги и был освящен лишь спустя сорок четыре года — в 1883 году. Над его создани-

Остатки старых разрушенных и разрушающихся надгробий на территории Донского некрополя

ем работали лучшие архитекторы, художники, инженеры, строители. Для украшения внешних стен храма в Москву был приглашен русский скульптор Александр Васильевич Логановский, который совместно с другими известными скульпторами создал сорок восемь великолепных горельефов — скульптурных групп и фигур для храма. Это были композиции из белоснежного протопоповского мрамора, добываемого в селе Протопопове Коломенского уезда. 5 декабря 1931 года величественный храм — памятник русскому духу — взорвали. Погибли и замечательные творения великого Логановского. Только чудом удалось спасти и спрятать в стенах Донского монастыря лишь несколько работ. Это пять горельефов Логановского и горельеф работы другого скульптора — Н.А. Ра-

мазанова. Так и осталось загадкой, кто и когда сумел совершить этот смелый по тем временам поступок. Уже летом 1931 года храм Христа Спасителя был обнесен забором, и есть предположение историков о том, что еще до взрыва архитектору и будущему академику Алексею Викторовичу Щусеву удалось спасти отдельные ценные фрагменты храма, вывезя их в Донской монастырь, который к тому времени был уже закрыт. А в 1934 году был создан Музей архитектуры, и через год ему передали территорию и строения Донского монастыря. Так под открытым небом в бывшей монашеской обители нашли свой приют осколки нашего великого прошлого. В 1951 году горельефы для их сохранения были вмонтированы в арки крепостных стен монастыря в восточной части.

Свято-Донской ставропигиальный мужской монастырь. Донской иконы Божией Матери Большой (новый) собор. Донская площадь, 1

Теперь храмы и монастыри в нашей стране возрождаются. В девяностые годы был воссоздан и храм Христа Спасителя. Кроме того, за последние годы в Москве было отреставрировано немало старинных обителей. И в числе иных замечательных памятников — Донской монастырь. В наше время это и монашеская обитель, и музей под открытым небом. Здесь сохраняются детали погибших от рук власть имущих памятников ушедшей старины, фрагменты разрушенных храмов, надгробия с уничтоженных могил, многие другие ценности.

Год создания первого собора Донского монастыря неизвестен доподлинно. Одни историки считают, что он основан в 1591 году, другие относят данное событие к 1592—1593 годам. Как часто это бывает, Донской монастырь — юго-западный сторож Москвы — окружен легендами. В конце XVI века здесь располагалось передвижное укрепление русских войск — «гуляй-город» — со своей походной церковью. В ней находилась икона Донской Божией Матери, которой якобы был благословлен великий князь Дмитрий Иванович (Донской) Сергием Радонежским на битву с татаро-монголами на Куликовом поле. Однако образ Донской Богородицы был создан, как считают многие ис-

кусствоведы, иконописцем Феофаном Греком или его мастерами позднее для Успенского собора в Коломне. Известно, что в Коломне перед образом Донской Богородицы молился Иван Грозный перед Казанским походом. Затем в конце XVI века икона была перенесена в Благовещенский собор Московского Кремля. Есть и другие версии.

Тем не менее Донская икона Божией Матери, по церковному преданию избавительница Москвы от войск крымского хана Казы-Гирея во время его большого похода в 1591 году на Русь, дала имя маленькой одноглавой церкви, построенной на месте «гуляй-города», где русское войско ожидало боя с неприятелем. Возведен храм в честь чудесного спасения Москвы предположительно знаменитым зодчим Фёдором Конем. Это был последний поход, в котором войска Крымского ханства подошли к Москве. Но Первопрестольной еще многое предстояло испытать на своем веку.

Первый собор Донской иконы Божией Матери ныне именуется Малым собором или Старым собором, а наименование церкви дало в дальнейшем и имя всей Донской монашеской обители. Икона же в наши дни хранится в Государственной Третьяковской галерее, но ежегодно 1 сентября (19 августа по старому стилю), в пре-

стольный праздник — день чествования Донской иконы Божией Матери, — она доставляется в Донской монастырь, и Патриарх Московский и всея Руси при большом стечении народа совершает Божественную литургию перед святыней.

Монастырь проживал жизнь многотрудную и разную. Были и годы заустения, и годы расцвета. Грабили его не раз. Во времена Великой смуты он был razoren польско-литовскими войсками под предводительством гетмана Ходкевича, в годы Отечественной войны 1812 года был осквернен и разграблен французами, последствия октябрьских событий 1917 года естественным образом не обошли стороной монашескую обитель.

Эпохой расцвета Донского монастыря стали XVIII—XIX века. Он оказывал существенное влияние на духовную и политическую жизнь нашей страны. Очень любили эту обитель Романовы. По обету сестры Петра I царевны Екатерины Алексеевны в 1683 году началось строительство нового собора Донского монастыря во имя иконы Донской Богородицы. В 1698 году собор был освящен митрополитом Тихоном. Ныне это Большой собор — главный храм обители. Строительство Большого собора финансировалось из царской казны. На средства русских государей тогда же был создан мастерами Посольского приказа и Оружейной палаты великолепный резной иконостас. Руководил работами замечательный живописец, зодчий и резчик Золотарёв Карп Иванович. В наши дни этот уникальный иконостас Большого собора отреставрирован специалистами Межобластного научно-реставрационного художественного управления. На протяжении столетий храм украшался и благоустраивался стараниями представителей рода Романовых, Голицыных и Багратиони, итальянского художника Антонио Клаудио, атаманов войск Донского Матвея Платова и Даниила Ефремова, купца Кузьмы Антоновича Замятина, купцов Первушиных и многих других.

В 1712 году в подклете Большого собора на средства имеретинского царя Арчила Багратиони была устроена церковь Сретения Господня. Этот храм становится в дальнейшем усы-

пальницей для многих представителей грузинских родов, лиц из грузинского духовенства, политических и военных деятелей. Здесь нашли свое упокоение и сыновья грузинского царя Арчила, и его дочь, и жена, и он сам. Сын царя Арчила, царевич Александр Багратиони, был одним из сподвижников Петра I в деле становления русской артиллерии, находился почти безотлучно при русском царе во время «Великого посольства» в Западную Европу. Дочь царя Арчила Дарья жертвовала немалые средства монастырю.

Роду Багратиони были пожалованы многочисленные имения. А в Москве стала складываться грузинская община. Представители многих грузинских княжеских и дворянских фамилий приехали и обосновались в Москве. На берегах речки Пресни образовалась грузинская слобода. В наши дни напомним о ней служат: Большая и Малая Грузинские улицы, Грузинский Вал, Грузинский переулок, Грузинская площадь.

В XVIII веке в Москве получила развитие грузинская культурная и политическая жизнь, а Донской монастырь во многом стал их православным домом в России.

Целый ряд представителей княжеского рода Багратиони оставили свой след в истории России. И самый известный среди них, конечно, князь Пётр Иванович Багратион.

Донская обитель была и остается духовным и политическим объединяющим центром России и Грузии, России и Украины, как бы сложны ни были наши отношения. Достаточно упомянуть о том факте, что наместником монастыря в 1705 году стал архимандрит Лаврентий (Габашвили), а в наши дни им является епископ Парамон (в миру Фёдор Михайлович Голубка), имеющий украинские корни и рожденный на Украине.

Со временем Донской монастырь сформировался как великолепный архитектурный ансамбль: с Малым собором, пристроенными в XVII веке приделами во имя Сергия Радонеж-

Фрагмент стены с надвратной колокольней. Фото XIX века

ского и Федора Стратилата, Трапезной и шатровой колокольней; Большим собором и Сретенским храмом; монастырскими стенами с двенадцатью башнями, построенными по всем канонам русского оборонительного зодчества, но с декоративным убранством наверху стен и башен; с созданными в XVIII столетии Северными воротами с Надвратной церковью Тихвинской иконы Божией Матери и Западными воротами с колокольней, являющимися сегодня главным входом в монастырь; церковью-ротондой преподобного Александра Свирского XVIII века — усыпальницей сенатора А.Н. Зубова; с храмом во имя Архангела Михаила постройки начала XIX века в стиле московского ампира — усыпальницей Голицыных; двухъярусной церковью святителя Иоанна Златоуста с нижним храмом святой великомученицы Екатерины, построенной в XIX веке как усыпальница семьи купцов Первушиных; церковью Иоанна Лествичника, возведенной в конце XIX века на средства генерал-майора И.Ф. Терещенко первоначально как часовня-усыпальница для его семьи, которая в дальнейшем была переоборудована в церковь. Здесь же стоит упомянуть о Доме настоятеля монастыря, братских кельях и здании духовной семинарии — постройках XVIII века, в дальнейшем перестроенных. А уже в наши дни архитектурный ансамбль Донского монастыря был дополнен в 1997 году — церковью святителя

Тихона, Патриарха Всероссийского, в 2000 году — церковью святого великомученика Георгия Победоносца и в 2006 году — церковью святого благоверного князя Александра Невского. С Донским монастырем связано трагическое событие времен Чумного бунта 1771 года в Москве. В стенах монастыря был убит разгневанной толпой архиепископ Амвросий, который распорядился убрать из часовни у Варварских ворот в Китай-городе чудотворную икону Боголюбской Богоматери для предотвращения распространения чумной заразы, так как люди, и больные, и здоровые, искавшие спасения у Господа, целовали святыню и невольно способствовали распространению эпидемии. XIX век оставил свой неизгладимый отпечаток в облике и судьбе Донского монастыря. К началу столетия богатая и почитаемая обитель оказывала существенное влияние не только на духовную, но и на политическую жизнь города и государства в целом. С начала века и вплоть до перемещения в Троице-Сергиеву Лавру, в конце 1827 года, в монастыре располагался Духовно-цензурный комитет. А с 1834 года здесь находилось Донское духовное училище, которое готовило кандидатов в семинаристы и просуществовало до 1917 года. Осенью 1812 года в Москву вошло войско Наполеона. В городе царил запустение. Очень многие жители покинули свои дома. И, хотя «Великая

Многие из барельефов, располагающихся у стен обители, нуждаются пока во внимании реставраторов

армия» простояла в Первопрестольной недолго, Москва была разграблена и сожжена. Пожар уничтожил многие дома, культурные и архитектурные памятники. Печальная участь не обошла стороной и Донской монастырь. Он был razoren неприятелем. Часть французов разместились по кельям монастыря. Малый собор был превращен в конюшню. В алтаре поместили лошадей. Не стало ни одной свободной церкви, богослужения не велись. Монахи стали группами покидать обитель, но немногие из них остались для сохранения оставшегося в целостности имущества монастыря и в ожидании возвращения братии. Как только французская армия в октябре покинула Москву, отступив по старой Калужской дороге, и в город вошли русские войска, началось восстановление порушенного. Делались значительные пожертвования на восстановление храмов и монашеских обителей. Так графом Матвеем Ивановичем Платовым — атаманом Донского войска — на восстановление храмов Донского монастыря было

пожертвовано немало денег, а также десять пудов серебра, отбитого казаками у неприятеля. Из этого серебра были сделаны ризы на иконы. На средства княгини Александры Ивановны Багратион был обновлен иконостас Сретенского храма. Отдельного повествования заслуживают некрополь Донского монастыря и люди, нашедшие здесь свой последний приют. Как хорошо, тепло и с грустью написал о нём Александр Городницкий:

*«Листопад в монастыре.
Вот и осень, — здравствуй.
Спит в Донском монастыре
Русское дворянство.
Век двадцатый на дворе,
Теплый дождик в сентябре,
Лист летит в пространство...
А в Донском монастыре
Сладко спится на заре
Русскому дворянству».*

Когда появились первые захоронения в пределах Донского монастыря, доподлинно неизвестно. Эпидемия чумы 1771 года в Москве вынудила власти прийти к решению о запрете

ХІХ ВЕК ОСТАВИЛ СВОЙ НЕИЗГЛАДИМЫЙ ОТПЕЧАТОК В ОБЛИКЕ И СУДЬБЕ ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ. К НАЧАЛУ СТОЛЕТИЯ БОГАТАЯ И ПОЧИТАЕМАЯ ОБИТЕЛЬ ОКАЗЫВАЛА СУЩЕСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НЕ ТОЛЬКО НА ДУХОВНУЮ, НО И НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ГОРОДА И ГОСУДАРСТВА В ЦЕЛОМ. С НАЧАЛА ВЕКА И ВПЛОТЬ ДО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВУ ЛАВРУ, В КОНЦЕ 1827 ГОДА, В МОНАСТЫРЕ РАСПОЛАГАЛСЯ ДУХОВНО-ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

Многие из надгробий Донского некрополя становятся героями Инстаграма

захоронений в черте города. Поскольку крупные монастыри, такие как Новодевичий и Донской, находились за чертой города, дворян стали хоронить именно там. В некрополь Донского монастыря стали переносить прах представителей многих аристократических фамилий, усыпальницы которых изначально находились в черте Белого города. Цена участков на этих монастырских кладбищах постоянно росла, и в середине XIX века она уже составляла три тысячи рублей за участок в 6 квадратных метров. Некрополь Донского монастыря — это усыпальницы Малого и Большого соборов, отдельно стоящие усыпальницы и могилы под открытым небом на Старом и Новом кладбищах монастыря. Многие замечательные люди своего времени, оставившие значительный след в истории России как страны и государства, упокоены в стенах монастыря. Кроме уже упо-

мянутых, это — русский философ П.Я. Чаадаев, русский поэт М.М. Херасков, создатель репертуара первого русского театра А.П. Сумароков, русский писатель, издатель, директор Румянцевского музея, сенатор В.Ф. Одоевский, историк, профессор Московского университета, академик В.О. Ключевский, архитектор О.И. Бове, русский живописец В.Г. Перов, родственники А.С. Пушкина и многие-многие другие. Здесь на монастырском кладбище нашли свой покой около восьмидесяти героев и участников Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов. Среди них три московских генерал-губернатора: генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов, генерал от кавалерии светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын и генерал от инфантерии князь Алексей Григорьевич Щербатов. А также: племянник А.В. Суворова генерал от

инфантерии князь Андрей Иванович Горчаков, старший брат Д.В. Голицына генерал-лейтенант князь Борис Владимирович Голицын, генерал-майор, декабрист, член Союза Благоденствия Николай Петрович Гodeин, генерал-майор, художник-баталист граф Александр Иванович Дмитриев-Мамонов и другие дворяне — герои своего времени. Деяния их значительны. Так, архитектор Осип Иванович Бове участвовал в ополчении во время Отечественной войны 1812 года, а после ее окончания восстанавливал Москву. Знаменитый московский зодчий входил в Комиссию о строении Москвы, которая ведала вопросами застройки нашего города после пожаров войны 1812 года. Светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын во время Отечественной войны 1812 года участвовал в сражении при Шевардино, отличился в Бородинской битве, участвовал во многих сражениях в заграничных походах русской армии 1813–1814 годов, в том числе при взятии Парижа. С января 1820 года — генерал-губернатор Москвы. Оставался на этом посту до своей кончины в 1844 году.

В годы его управления городом были построены по проекту Осипа Бове ныне существующие здания Большого и Малого театров, Триумфальные ворота на площади Тверская застава, был возведен постоянный Москворецкий мост. На средства города открылась Первая Градская больница. В соответствии с ее уставом «все бедные и неимущие обоего пола люди принимаемы и лечены будут безденежно, кроме достаток имеющих». Стараниями Д.В. Голицина и О. Бове открылась и Ново-Екатерининская лечебница. Кроме того, были устроены Воскресенские (Александровские) сады над старым руслом реки Неглинной и бульвар на Кремлевской набережной. А Донской монастырь жил своей жизнью монашеской обители вплоть до октябрьских событий 1917 года. После революции монастырь был вскоре официально закрыт. Но богослужения какое-то время еще проводились. В первые годы новой власти здесь располагались разные учреждения, детская трудовая колония. С мая 1922 года до дня своей кончины в марте 1925 года в Донском монастыре в заключении жил патриарх

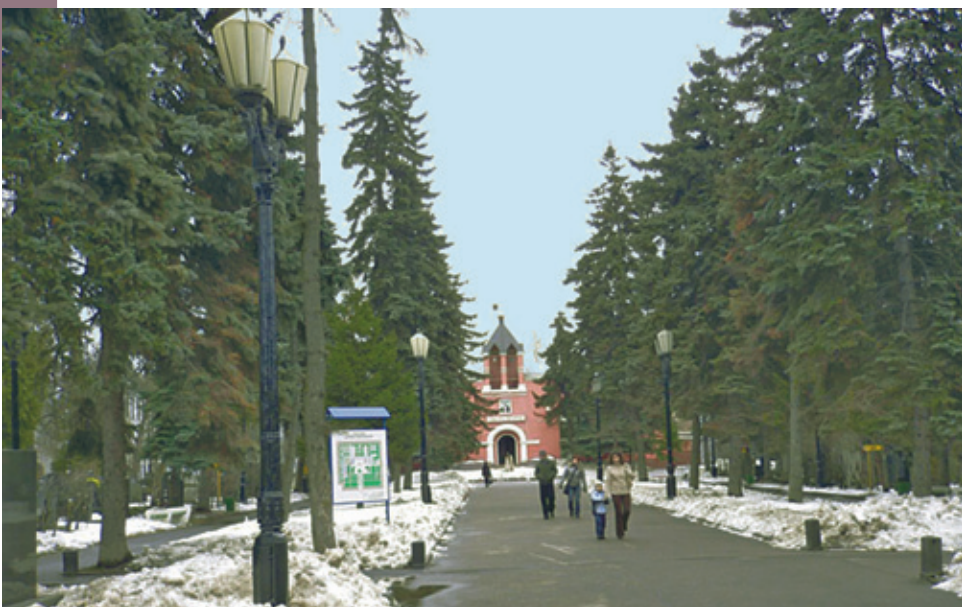
Обретение мощей патриарха Тихона в Донском монастыре, Святейший Патриарх Алексий II. Фото 1992 года

Тихон. Его погребение состоялось в Малом соборе монастыря. Затем бывшая обитель отошла Музею архитектуры. Ко времени передачи Донского монастыря Московскому Патриархату в 1991 году состояние его было плачевным. Возрождение монастыря началось с чудесного обретения мощей Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Тихона, который был упокоен с внутренней стороны южной стены трапезной Малого Донского собора в 1925 году. 18 ноября 1991 года произошел пожар в Малом соборе. Следствие пришло тогда к выводу о поджоге. Сгорело почти всё внутри храма, но практически не тронутым остался алтарь. Огонь по непонятной для неверующих причине остановился у алтарной преграды. Недавно отремонтированный храм пришлось восстанавливать. Испросив благословения Святейшего Патриарха Алексия II, насельники монастыря в ходе расчистки храма приступили к поиску гробницы святителя Тихона. Их труды чудесным образом увенчались успехом. История обретения мощей Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Тихона поистине удивительна. 22 февраля 1992 года состоялся официальный церковный акт обретения мощей патриарха Тихона. Ныне покоятся нетленные мощи в Большом Донском соборе и открыты для верующих.

Началась новая эпоха возрождения Донского монастыря, его масштабная научная реставрация. Процесс это длительный, трудоемкий и затратный. Но благодаря Алексею Михайловичу Щусеву, внуку известного архитектора, по всему монастырскому комплексу в свое время была сделана проектная документация. И теперь реставраторы имеют возможность, опираясь на эту базу, осуществлять работы по воссозданию исторического облика монашеской обители. Уже сегодня проведена огромная работа. Отреставрирован Старый храм Донского монастыря. 11 сентября 2016 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил чин великого освящения Малого собора в честь Донской иконы Божией Матери. Кроме того, что этот храм является старейшей постройкой монастыря, святым местом, только здесь в России раз в два года при участии патриарха варится освященное миро, которое потом развозится по всем епархиям. В ходе реставрационных работ были обнаружены интереснейшие детали XVI века: фрагменты первоначальных окон, обнаруженные ранее в пространстве чердаков приделов и трапезной, дополнены после разборки закладок их нижних откосов; обнаружены пазы от засовов в растёсках откосов ниш апсид; после снятия позднего повышенного пола были открыты калориферные кирпичные каналы, проложенные в XIX веке, а также сохранившаяся белокамен-

Новое Донское кладбище. Центральная аллея. Здание бывшего Донского крематория, перестроенное в храм Серафима Саровского и Анны Кашиной

ная кладка XVI столетия низа стен в интерьере четверика. В углах при-мыкания восточной стены четверика к южной и северной стенам раскрыты заложенные штробы первоначального тяблового иконостаса. Используя эту информацию и архивные материалы, стало возможным разработать чертежи для воссоздания иконостаса XVI века. Стены четверика восстановлены с закладкой всех поздних проломов. По свидетельству архитектора Галины Павловны Степаненко, самой важной и сложной частью реставрации собора было воссоздание окон апсид XVI века, растёсанных в XIX веке. И с этой задачей реставраторы прекрасно справились. Полным ходом идут работы по восстановлению облика церкви Архангела Михаила архитектора И.В. Еготова — усыпальницы Голицыных. По сообщению Г.П. Степаненко, и здесь в ходе реставрационных работ были сделаны интересные открытия. Так, после расчистки фасадов от штукатурки обнаружены сохранившиеся фрагменты наличников окон и «лопато» (пилястр) начала XVIII века, существовавшего ранее строения церкви Евфимия Великого, стены которого не были полностью разрушены, кладка их использована при возведении храма Михаила Архангела в начале XIX века. На южном фасаде сохранены в виде информационных зондажей два раскрытых фрагмента церкви Евфимия Великого.

Продолжаются работы и по реставрации Большого собора Донского монастыря. В соборе уже устроены теплые полы благодаря обогревателям, установленным под металлическими плитами XVIII века, ведутся работы по замене окон. Из иконостаса Большого собора в результате очень сложной и кропотливой работы высокопрофессиональными мастерами были отреставрированы: икона Донской Божией Матери, икона святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова и икона преподобного Антония Печерского. За южными стенами монастыря находится Новое Донское кладбище. Здесь в том числе находятся общие могилы жертв сталинских репрессий. И здесь в свое время был возведен храм в честь преподобных Серафима Саровского и Анны Кашиной. В этой церкви в 1927 году был устроен первый московский крематорий. С 1973 года кремации здесь не совершались, но продолжал действовать зал прощаний. И только в 1990-е годы храм был возвращен Церкви и вскоре восстановлен. Здесь стали проводиться регулярные богослужения. В 2013 году начались реставрационные работы. Также намечаются ремонтно-реставрационные работы в Семинарском корпусе Донского монастыря. Проведены натурные исследования здания настоятельской бани (кухни) и предложены определенные решения по корректировке проекта его реставрации.

РЕСТАВРАЦИЯ ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ — ЭТО ОГРОМНЫЙ ТРУД РЕСТАВРАТОРОВ, АРХИТЕКТОРОВ, ИСКУССТВОВЕДОВ, ИСТОРИКОВ, ИНЖЕНЕРОВ, ТЕХНОЛОГОВ, МНОГИХ-МНОГИХ СПЕЦИАЛИСТОВ. ДО НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПРОВЕДЕНИЯ РАБОТ РАЗРАБАТЫВАЕТСЯ ПРОЕКТ, А ПЕРЕД ЭТИМ ОСУЩЕСТВЛЯЮТСЯ ИСТОРИКО-АРХИВНЫЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ НАТУРНЫЕ: ИНЖЕНЕРНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ КОНСТРУКЦИЙ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ СООРУЖЕНИЯ, — ПРОИЗВОДЯТСЯ ОБМЕРЫ И ЧЕРТЕЖИ ПЛАНОВ, ФАСАДОВ, РАЗРЕЗОВ, ОБМЕРЫ ДЕТАЛЕЙ И ШАБЛОНОВ, ЗОНДАЖИ И ПРОЧЕЕ

Еще в 1820-е годы послепожарную Москву стали посещать с концертами мировые знаменитости. А в 1840-х быть в Санкт-Петербурге и не заехать в Первопрестольную считалось почти что недоразумением. Правда, композиторы, художники, музыканты съезжались не только для того, чтобы дать концерт и организовать выставку, но и за тем, чтобы увидеть и понять старый-новый город, возрожденный из пепла, как птица Феникс.

Гастролеры. Лист, Берлиоз и Шуман в Москве

Еще в 1820-е годы послепожарную Москву стали посещать с концертами мировые знаменитости. А в 1840-х быть в Санкт-Петербурге и не заехать в Первопрестольную считалось почти что недоразумением. Правда, композиторы, художники, музыканты съезжались не только для того, чтобы дать концерт и организовать выставку, но и за тем, чтобы увидеть и понять старый-новый город, возрожденный из пепла, как птица Феникс.

Ференц Лист

Многим позже этого композитора будут называть «освободителем ор-

кестровой музыки»; когда же молодой 32-летний Ференц Лист впервые выступил в Москве, он был более пианистом, чем композитором, и его ключевые творческие победы ему еще только предстояло одержать. Однако его безграничные технические возможности, его беспримерная виртуозность и, наконец, просто фантастическая по тем временам популярность превратили приезд Листа в одно из ярчайших событий в музыкальной жизни Москвы первой половины XIX века. Шутка ли, визит пианиста, который на концертах, по слухам, ломает рояли! Эта персона была окутана флёром скандала и гениальности.

В 1840-х Москва стала одним из центров бурной музыкальной Европы — в Первопрестольной выступали крупнейшие певцы, пианисты, скрипачи. Кроме того, впервые Ференц Лист приехал в Москву в год постановки грандиозного шедевра «Руслан и Людмила» Михаила Глинки, который шестью годами ранее представил публике ни много ни мало первую русскую классическую оперу «Иван Сусанин» и автоматически был вписан в историю как первый русский композитор-классик. К слову, именно Ференц Лист оказал горячую поддержку Глинке, который страдал от явного пренебрежения со стороны влиятельных светских кругов. И эта поддержка принесла неоценимую пользу гениальному русскому музыканту.

Авторы: **Анна Галле,**
Александр Лавров

Активно ведутся и работы по разработке проектов реставрации башен монастырской ограды. Реставрация Донского монастыря — это огромный труд реставраторов, архитекторов, искусствоведов, историков, инженеров, технологов, многих-многих специалистов. До непосредственного проведения работ разрабатывается проект, а перед этим осуществляются историко-архивные и библиографические исследования, исследования натурные: инженерное обследование состоя-

ния конструкций, технологическое обследование строительных материалов сооружения, — производятся обмеры и чертежи планов, фасадов, разрезов, обмеры деталей и шаблонов, зондажи и прочее. Глубокую благодарность современников и потомков заслуживают замечательные люди нашего времени, чей труд, самоотверженность, знания, умения и благие помыслы возрождают и сохраняют для Москвы и России эту великолепную жемчужину — Донской монастырь с его святынями,

архитектурными и скульптурными шедеврами, некрополем, уникальной золотошвейной мастерской, с его сельниками. И как признание колоссальной и очень важной работы, проведенной творческим коллективом реставраторов, проект реставрации Донского монастыря номинирован на конкурс на лучший проект в области сохранения и популяризации объектов культурного наследия «Московская реставрация — 2016».

МНР

Портрет
Ференца
Листа.
Г. Легман.
1811 год

Проехав с концертами по всей Европе, более всего Ференц Лист стремился в Россию. И Петербург, которому выпала честь первому встретить венгерского композитора, принял его в конечном итоге довольно холодно. И хотя в 1842-м выступления Листа в Петербурге прошли с грандиозным триумфом, его отношения с царским двором совершенно не заладились. Молодой и горячий Ференц Лист открыто презирал аристократическую иерархию. В музыке, а более того в самой жизни ценил истинную свободу, от окружающих ожидал лишь благородства убеждений и наотрез отказывался от всякого раболепствования. Разумеется, такие взгляды не нашли у николаевской аристократии понимания. В следующий приезд Петербург встретил Листа с поджатыми губами и надменным презрением. Обескураженный холодным приемом, венгерский композитор отправился из Петербурга в Москву и прибыл в Первopрестольную 22 апреля 1843 года. Историческая встреча Москвы и Франсуа Листа (в России его имя произносили именно так, на фран-

цузский манер) состоялась в Большом театре. Битком набитый зал, бурные овации, которым не было конца, восторженная публика — Москва, словно стремясь извиниться за чрезмерное высокомерие Петербурга, продемонстрировала пианисту истинно русское гостеприимство. 22, 23, 24 апреля — опьяненный успехом от концертов в Большом театре, Ференц Лист чуть ли не теряет голову и начинает выступать по всей Москве: в Малом театре, в Благородном собрании на Большой Дмитровке, дом 1, в Купеческом клубе на той же Большой Дмитровке, дом 17, в частных домах. Композитор Алексей Верстовский, дому которого тоже посчастливилось слушать виртуозную игру Ференца Листа, писал, что «Лист Москву свел с ума, играет везде и для всех. В публичных и частных концертах», и ни один музыкант, «бывший в Москве, так не нравился, как Лист». А вернувшийся с концерта в Большом театре Герцен оставил в своем дневнике эмоциональное «Лист, которого слушая, иногда навертывается слеза.

Поразительный талант!» А неистовый венгр не останавливался — пожалуй, единственный раз в своей жизни, здесь, именно в Москве выступил перед публикой в качестве органиста — это произошло в лютеранской церкви Петра и Павла в Старосадском переулке. К слову, сегодня этот храм восстановлен. Однако не в том виде, в котором он встречал Ференца Листа, а в том, в каком его перестроили в конце XIX века. Все эти восемь дней своего первого визита Лист знакомится с Москвой. Лицом города для него стали многочисленные достопримечательности, которые он с интересом осматривал. А вот голосом Москвы для Ференца Листа стали московские цыгане. «Для Листа это было ново, и он увлекся, — писал Герцен. — Музыка цыган, их пение не есть просто пение, а драма». Кстати, на один из концертов в Большом театре Лист опоздал. Его ждали бесконечно долго, и уже когда шепот в зале стал переходить в рокот, Ференц явился. Он вышел на сцену, сел за рояль и вместо заявленной программы начал играть импровизацию на цыганские темы. Первой была «Ты не поверишь, как ты мила». Под звуки этой цыганской фантазии слушатели готовы были подпевать:

*«То ночь не спишь, то день зеваешь,
То сплин найдет, то всех смешишь,
То смерти ждешь, то вдаль мечтаешь,
То в монастырь, то в вальс летишь!
Ты не поверишь, ты не поверишь,
ты не поверишь, как ты мила!»*

Зал ликовал: импровизация была исполнена так страстно, с такой горячностью и гармонией, что эта неподготовленная игра Листа привела всех в совершенный восторг! Почему композитор опоздал к своим слушателям, выяснилось только в антракте. Оказалось, Лист по достоинству оценил новую московскую достопримечательность — русский цыганский романс. Он заехал к «хореводу» цыганского хора Илье Соколову на Большой Патриаршей, 14, и... забыл о собственном выступлении. На свой последний концерт в Москве он разослал приглашения всем участникам соколовского хора — отблагодарил цыган за «квартирник». Композитор кутил, оставляя за собой шлейф сплетен и пересудов. Апло-

Белое фойе Большого театра. Акварель. XIX век

дировал осетру, танцевал до упаду и, растроганный теплым приемом москвичей, на праздничном обеде, который дали композитору московские артисты и писатели на Малой Дмитровке, 27 (этот дом, увы, не сохранился), смущенно говорил: «Вы знаете, господа, мое красноречие на фортепиано», — и поднимал бокал за развитие и процветание искусства в «древней столице» Москве. Покинул Москву Ференц Лист 20 мая 1843 года. Свои впечатления о восьми днях на московских улицах он облек в музыкальную форму пьесы «Воспоминание о Москве», нередко выступал в концертах с импровизациями на мотивы московских цыган, а в своей книге «Цыгане и их музыка в Венгрии» тем самым московским цыганам с Большого Патриаршего уделил целую главу. О горячем приеме в незнакомой стране он рассказывал своему другу — французскому композитору Гектору Берлиозу, надолго поселив в его голове идею такого же путешествия. Реализовать свой замысел Берлиоз смог только через пять лет — в 1847 году.

Роберт Шуман

В 1844-м году после долгого путешествия по странам Европы, сначала заехав в Санкт-Петербург, до Москвы добрались Шуманы. Клара и Роберт приехали в самый разгар сезона, в феврале. Найти свободные залы для концертов Клары было совсем не просто. Организаторы турне придумали удачный рекламный ход: в газетах назвали прославленную на Западе, но малоизвестную в России пианистку «Листом в юбке». Про Роберта Шумана вообще никто не слышал. После концертов и во время приемов композитору задавали один и тот же вопрос: «А вы, господин Шуман, тоже увлекаетесь музыкой?» Однако это путешествие в Россию Роберт Шуман запомнил как самое экзотическое в своей жизни и «благословенное». Семья Шуманов поселилась недалеко от Петровского бульвара, и композитор начал исследовать город. О Москве он потом скажет: «Она очень своеобразна, и, когда на нее смотришь, кажется, что она — сказка из “Тысячи и одной ночи”».

Кремль, к которому московские дороги привели Шумана на второй день, запал в душу навсегда. «Каждое посещение Кремля вдохновляло Роберта, возбуждало его творческое воображение», — вспоминала Клара. Визиты в Кремль были ежедневными. Пострадавшие от взрыва и пожара 1812 года храмы уже лет десять как были восстановлены, шло строительство Большого Кремлевского дворца и Оружейной палаты. «Среди великолепных церквей, колоколен, старых и новых зданий из камня и дерева» и гулял этот неизвестный тогда в России немецкий гастролер. Шуман прочел всю доступную литературу о Москве. Его особенно поразила история Царь-колокола, сто один год пролежавшего в яме и только в 1836-м установленного на бронзовый постамент, а также картина взвизгивающего на московский пожар 1812 года Наполеона. Под этими впечатлениями Роберт Шуман, лишенный возможности музицировать, написал в Москве самую большую в своей жизни поэму. Он и раньше писал стихи, но такой

Клара и Роберт Шуманы. 1850 год

крупной работы еще не было. Почти двадцатистраничный опус он назвал «Колокол Ивана Великого»: *Чудо-град Москва! В этом граде — сотни храмов Ввысь стремятся! Сотни колокольных звонов Парят повсюду. В них звучит «Христос Воскресе!» Тысячи смиренно вторят: «Да, воистину воскрес!» Вторят братским поцелуем, И встает пасхальным утром Солнце над святой Москвой!*

В сюжете Шуман соединил историю Бонапарта, закат которого начался после московского пожара, и рассказ о литейщике Иване Моторине, неудачной отливке в 1735 году Царь-колокола, от которого через пару лет, якобы из-за Троицкого пожара,

откололся кусок весом одиннадцать с половиной тонн. В обоих сюжетах Роберт Шуман видел конфликт великого замысла с тщетой гордыни:

«Поступок дерзкий совершил ты, Принизил столь святое дело: Не Господу служить замыслил — Тщеславной гордости своей!»

Однако, по мысли автора, смерть мастера Моторина и императора французов Наполеона I искупили грех гордыни.

Роберт Шуман, известный своей замкнутостью и неразговорчивостью, о России впоследствии говорил очень оживленно, уверял, что с этой поездкой связаны лучшие воспоминания его жизни, и, кстати, рассказывал, что российской столице он предпочел «порфиноносную вдову».

Берлиоз

«Берлиоз в Москве! Нельзя не поздравить наших любителей и знатоков музыки с приездом этого замечательного и в высокой степени оригинального композитора. Высокий талант Берлиоза, этого Виктора Гюго новейшей французской музыки, найдет, конечно, и у нас, ценителей, то же революционное движение, ту же реакцию против старого, доселе классического и общепринятого, какую Берлиоз перенес в музыку», — писали московские газеты в апреле 1847 года.

Однако французская пресса провожала его в далекое путешествие карикатурами и насмешками. На родине дела у Берлиоза шли отвратительно. Слушатели были равнодушны, критики — враждебны, музыканты — и те шептались за спиной. «Осуждение Фауста» — драматическую легенду, которую сейчас считают вершиной его творчества, — французская публика не поняла и не приняла. После премьеры остался долг в десять тысяч франков! В этом безысходном состоянии композитор и решился на гастроли, надеясь не столько на признание, сколько на заработок. Причем саму поездку оплатили друзья.

Визит Берлиоза в Россию начался, конечно, с Санкт-Петербурга. Ожи-

МЕНЕЕ ЧЕМ ЧЕРЕЗ ГОД И В ПЕТЕРБУРГЕ, И В МОСКВЕ СОСТОЯЛИСЬ ГРАНДИОЗНЫЕ КОНЦЕРТЫ: ОРКЕСТРОМ И ХОРОМ ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТЬЮ ОКОЛО ПЯТИСОТ ЧЕЛОВЕК ПРИ НЕВЕРОЯТНОМ СКОПЛЕНИИ ПУБЛИКИ БЫЛИ ИСПОЛНЕНЫ ЕГО «РЕКВИЕМ» И «ТЕ DEUM», О ЧЁМ И БЫЛО СООБЩЕНО ТЕЛЕГРАММАМИ БЕРЛИОЗУ, НАХОДЯЩЕМУСЯ УЖЕ ПРИ СМЕРТИ. УДИВИТЕЛЬНЕЕ ВСЕГО ТО, ЧТО ФАКТИЧЕСКИ ИМЕННО МОСКВА ОКАЗАЛА ГЕКТОРУ БЕРЛИОЗУ ТЕ ПОЧЕСТИ, В КОТОРЫХ ЕМУ ОТКАЗАЛ НАПОЛЕОНОВСКИЙ ПАРИЖ

Гектор Берлиоз. Фото середины XIX века

дания оправдались сразу — только за первый концерт он выручил двенадцать тысяч франков. В своих «Мемуарах» он пишет: «...Я был спасен. Тогда я машинально обратился на юго-запад и, глядя по направлению к Франции, не мог удержаться, чтобы не пробормотать: “А, любезные парижане!”» Концерт в Москве, в Благо-

родном собрании на Большой Дмитровке, а в советские годы — в Доме Союзов, тоже оказался удачным — и с творческой, и с финансовой стороны. По признанию композитора, московская «публика такая горячая и впечатлительная», что даже болезнь не помешала ему двадцать два года спустя приехать в Москву еще раз.

В 1867 году Гектор Берлиоз вернулся в Россию уже больным, на пороге смерти, в возрасте 64 лет, отказавшись от выгодного предложения выступить в Нью-Йорке, предпочтя Россию и после Санкт-Петербурга оказавшись в Первопрестольной. Самый большой в жизни Гектора Берлиоза концерт должен был состояться в Манеже, некогда здании военного назначения длиной 180 и шириной 45 метров. В день выступления Манеж был переполнен. В зале сидели и крестьяне, и дамы в драгоценностях, и профессора, и военные — публика была разношерстной. Всего двенадцать тысяч человек! Еще семьсот — музыкантов и хористов. Шум стоял невероятный. Берлиоз явился как тень, сгорбленный, бледный, седой старец в черном. Дирижировать ему помогал основатель Московской консерватории Николай Рубинштейн. Очевидцы писали, что Берлиоз с трудом поднял свою дирижерскую палочку. Но, как только это сделал, вмиг преобразился в юношу. В потухшем взгляде появился блеск, движения стали легки и плавны. Зал взрывался в каждой паузе — он вел оркестр без партитуры! Это был триумф! После — нескончаемые крики «ура!» и «браво!», аплодисменты, пуды

Этот дом носит в Москве устоявшееся, хоть и неофициальное название: «дом трех композиторов». В память о трех великих людях – Ференце Листе, Петре Ильиче Чайковском и Клоде Дебюсси, – в разные годы гостивших в его стенах

«Дом трех композиторов» до и после реставрации в 2000-е годы

цветов. Несколько раз композитор возвращался к слушателям — его не отпускали. Этот вечер у многих остался в личных записях: «По-русски и по-французски стали кричать “приезжайте еще”. И я увидел: из глаз Берлиоза скатились две тяжелые слезы, и он, низко поклонившись, тихо удалился». Это был оглушительный успех, нигде и никогда, ни до, ни после так Берлиоза не принимали. Тем же вечером Берлиоз, находясь в невероятном волнении, писал: «Я просто не знал, куда деваться! Это самое громадное впечатление, какое я только произвел во всю свою жизнь...»

На Воздвиженке, 13, — сегодня это здание Консерватории, к сожалению, не сохранилось, — московская интеллигенция устроила торжественный обед. Профессор Консерватории Николай Кашкин рассказывал, что на обеде «Берлиоз произнес довольно длинную речь, растрогавшую всех; он говорил о тогдашнем печальном состоянии музыки во Франции, или даже, как он выразился, об отсутствии ее... и закончил прославлением успеха музыки в России, который он нашел через двадцать с лишком лет после своего первого посещения нашего отече-

ства». Среди прочих гостей Берлиозу аплодировал Пётр Ильич Чайковский, который за тем же столом по достоинству оценил заслуги французского композитора. И с отъездом Берлиоза во Францию аплодисменты не стихли и его музыка в Первопрестольной не умолкла. А композитор в последние годы своей жизни понял, что есть на земле место, куда он хотел бы вернуться, где его ждут, понимают и любят. О России Берлиоз будет вспоминать до конца дней. И, уже лежа на смертном одре, получит телеграмму о грандиозных концертах в Москве и Петербурге. Оркестр и хор общей численностью пятьсот человек при невероятном скоплении публики исполнили его «Реквием» и «Te Deum».

Лист, Шуман и Берлиоз стали самыми крупными композиторами-гастролерами в России XIX века. Известнейший музыкальный критик того времени, историк искусства Владимир Стасов писал, что из всех «великих западноевропейских музыкантов нашего века никто не имел такого огромного влияния на нашу музыку и наших музыкантов, как эти трое». Неудивительно, что и Москва повлияла на каждого из них. Одному дала пьянящую радость молодости, другому — пищу для философских размышлений, третьему — оглушительный успех и безоговорочное почитание на пороге смерти. **МНР**

«Вы, самый бедный из моих маршалов, почему вы молчите?» — на приеме в замке Тюильри риторически вопрошал Наполеон I Эдуара Мортье, ставя скромного маршала в пример сонму просителей, которые добивались у Императора французов наград, пенсий, должностей, имений, титулов... Мортье, как и Даву, выделялся среди окружения Бонапарта неподкупностью и честностью.

Автор: **Алексей Юрьевич**

Бульвар Мортье в Париже

Губернатор пепелища

Мортье Эдуар Адольф Казимир
Маршал Империи, герцог Тревизо,
военный губернатор Москвы
в сентябре-октябре 1812 года

«Вы, самый бедный из моих маршалов, почему вы молчите?» — на приеме в замке Тюильри риторически вопрошал Наполеон I Эдуара Мортье, ставя скромного маршала в пример сонму просителей, которые добивались у Императора французов наград, пенсий, должностей, имений, титулов... Мортье, как и Даву, выделялся среди окружения Бонапарта неподкупностью и честностью. И, хотя как полководца его ставили ниже Сульта, Массена или Ланна, в русской кампании маршал Мортье командовал Мо-

лодой гвардией. А потому ничем не проявил себя в начале похода, — как известно, Наполеон своих гвардейцев не пустил в бой даже на Бородинском поле. 15 сентября 1812 года император назначил Мортье военным губернатором la sainte ville de Moscou — «святого города Москва» (поначалу Наполеон назначил на эту должность генерала Дюронеля, командовавшего подразделением гвардейских жандармов. Но в его распоряжении было слишком мало солдат, и Дюронель не мог обеспечить порядок). После первых восторгов, описанных сотнями солдат Великой армии, древняя русская столица представилась восхищенным французам прекрасным

Маршал Мортье. Раскрашенная гравюра из серии «Маршалы Наполеона». XIX век

ЕЩЕ 16 СЕНТЯБРЯ БЫЛ ОТДАН ПРИКАЗ РАССТРЕЛИВАТЬ ВСЕХ УЛИЧНЫХ В ПОДЖОГЕ. СТИХИЙНЫЕ РАСПРАВЫ НАД ПОДЖИГАТЕЛЯМИ НАЧАЛИСЬ ЕЩЕ РАНЬШЕ. «МЫ РАССТРЕЛИВАЕМ ВСЕХ ТЕХ, КОГО МЫ ЗАСТАЛИ ЗА РАЗВЕДЕНИЕМ ОГНЯ. ОНИ ВСЕ ВЫСТАВЛЕНЫ ПО ПЛОЩАДЯМ С НАДПИСЯМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ ИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ... Я НЕ МОГУ ПЕРЕДАТЬ ДРУГИЕ ДЕТАЛИ, ОНИ УЖАСНЫ». ОФИЦИАЛЬНЫЕ КАЗНИ ПРОВОДИЛИСЬ НА СТРАСТНОЙ ПЛОЩАДИ, КОТОРУЮ ФРАНЦУЗЫ ПЕРЕИМЕНОВАЛИ В ПЛОЩАДЬ ПОВЕШЕННЫХ, — КАЗНЕННЫХ ОСТАВЛЯЛИ ВИСЕТЬ НА ДЕРЕВЬЯХ ДЛЯ ОСТРАТКИ

и пугающим «огромным трупом», пустой оболочкой, которую покинула душа — люди. «Это — царство молчания: сказочный город, где все здания, дома воздвигнуты как бы чарами для нас одних!» — писал офицер Чезаре Ложье из корпуса Евгения Богарне. Восхитительный труп Москвы стал очень быстро разлагаться, чему способствовали и русские поджигатели, и мародеры пока еще Великой армии. Так что веселому, жизнерадостному и острому на язык маршалу Мортье пришлось делать работу безрадостную, грязную и практически невыполнимую. Уже 14 сентября, в день вступления французских войск, в Москве нача-

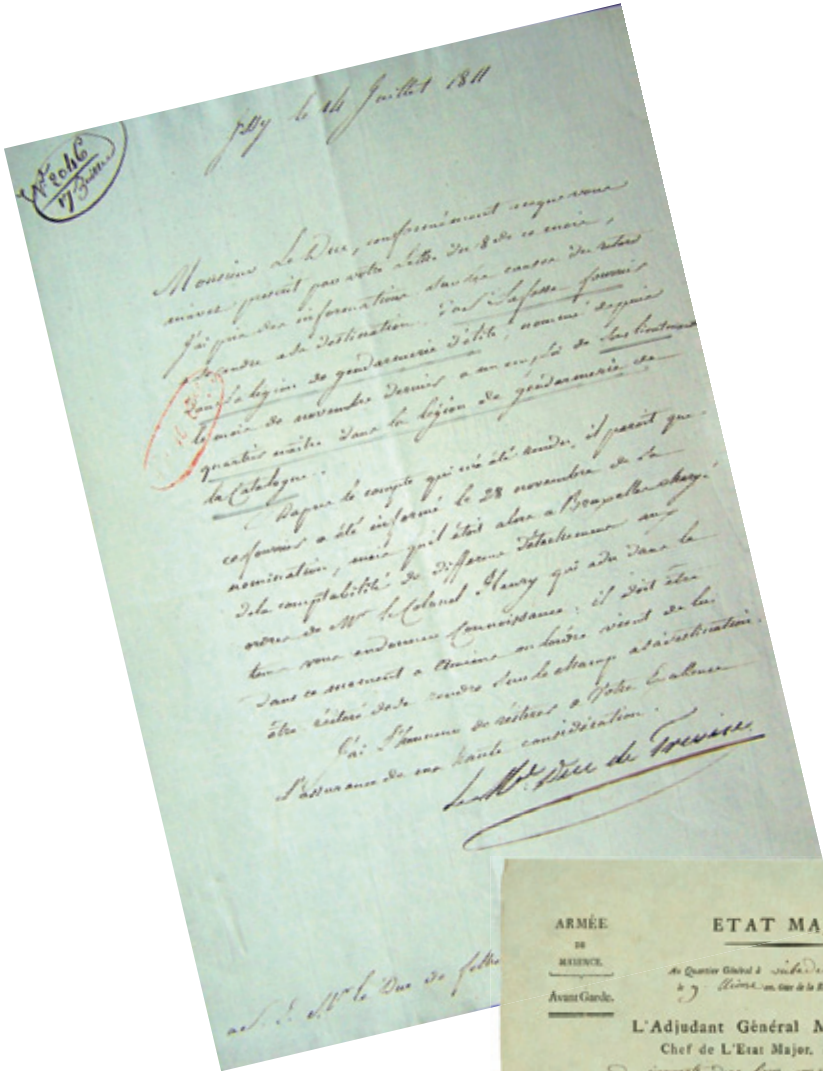
лись пожары. Наполеон, полагавший тогда, что это случилось по неосторожности, приказал Мортье тушить огонь. Однако сделать это было не так-то просто: генерал-губернатор Ростопчин приказал вывезти из Москвы все «пожарные трубы», то есть насосы. Тем не менее к вечеру 15-го созданным Мортье пожарным командам отчасти удалось обуздать огонь около Кремля. Но с 15 на 16 сентября наступила «страшная ночь», как ее называли очевидцы. Началась настоящая буря, поднялся сильнейший ветер, который продолжил дело поджигателей: порывы ветра разносили пламя по разным частям города, и утром всю Москву затопил океан огня.

После этого энергия и оптимизм Мортье оказались бесполезны: ночью новоназначенный губернатор носился вместе с адъютантами от одного очага пламени к другому, отдавал бесполезные распоряжения и невыполнимые приказы. Маршал Империи, спокойный и рассудительный на поле боя, в московском пожаре не мог совладать с собой, понимая свое бессилие перед океаном огня, который пожирал прекрасные дома, церкви, магазины... 18 сентября, когда пожар, поглотив три четверти города, стих, маршал Мортье оказался губернатором пепелища. Еще 16 сентября был отдан приказ расстреливать всех уличных в под-

жоге. Стихийные расправы над поджигателями начались еще раньше. «Мы расстреливаем всех тех, кого мы застали за разведением огня. Они все выставлены по площадям с надписями, обозначающими их преступления... Я не могу передать другие детали, они ужасны», — писал отцу капитан императорской гвардии Ван Бёкоп. Официальные казни проводились на Страстной площади, которую французы переименовали в площадь Повешенных, — казненных оставляли висеть на деревьях для остратки. Однако такая жестокая наглядность поджигателей не остановила, «местные жители, — по словам камердинера императора Констана, — падали ниц вокруг этих виселиц, целуя ноги повешенных и осеняя себя крестом». Всего была казнено около четырехсот человек.

Маршал Мортье не справился и со второй проблемой оккупированной Москвы — мародерством. При вступлении в должность Наполеон напутствовал герцога Тревизского: «В особенности соблюдайте, чтобы не было грабежей. Вы отвечаете мне за это своей головой! Защищайте Москву против всего и всех!» Справедливости ради стоит заметить, что приказ Императора французов был невыполним. Безудержное пьянство и вдохновенный грабеж, которым предались солдаты Великой армии, не мог остановить даже бушевавший океан огня!

Граф де Сегюр вспоминал, что 18 сентября, когда Наполеон по выгоревшим улицам возвращался из Петровского дворца в Кремль, «его путь затруднялся длинной вереницей мародеров». Закопченные солдаты возлежали на диванах у костров, в которых жгли мебель красного дерева, оконные рамы и позолоченные двери. С серебряных блюд они ели лепешки из черного теста, спеченные под пеплом, и недожаренное кровавое лошадиное мясо. «Странная смесь изобилия и недостатка, богатства и грязи, роскоши и нужды!». Через пару дней, заискивая мира и пытаясь оправдаться, император французов писал Александру I: «Пожары разрешили грабеж, с помощью которого солдат оспаривает у пламени то, что осталось».

Письмо маршала Мортье от 14 июля 1811 года и его расписка в получении денег 29 декабря 1797 года

В тот же герцог Тревизский писал начальнику штаба наполеоновской армии маршалу Бертье: «Грабеж во всех кварталах достиг своего апогея. Части армии, расположенные вблизи от города, являются и насильно захватывают всё, что им попадется... Если этот беспорядок будет продолжаться, то скоро станут добычей грабителей и те магазины, которые я отстоял с таким трудом». Мародерство все же попытались поставить в некие границы. После приказа Наполеона армия должна была грабить планомерно: «Регулярный грабеж... был организован. Каждому корпусу определялось, каким кварталом необъятного города он ограничивает

свои поиски, — писал французский историк Фантэн дез Одоард, — и приказ привел к беспорядку». Отряды ссорились из-за добычи, на улицах Москвы разыгрывались жуткие сцены дележа награбленного. К тому же наряду с солдатами Великой армии в грабеже участвовали городская чернь и крестьяне из ближних деревень... Великая армия стремительно деградировала, солдаты катастрофически быстро превращались из достигших «пределов славы» победителей Египта, Маренго, Сарагоссы и Аустерлица в деморализованную шайку грабителей. И справиться с этим не могли ни Мортье, ни сам Наполеон.

Изгнание из Москвы 10 октября 1812 года казаками генерала Иловайского 4-го
французов из отряда маршала Мортье,
готовившего взрыв Кремля. И.А. Иванов

Вообще, в роли военного губернатора Москвы маршал Мортье не был независим. Император французов взвалил львиную часть дел на себя. «Силою воли подавляя свою озабоченность», он развил в древней русской столице бурную деятельность. Стремясь занять мозг сиюминутными делами, Наполеон организовывал муниципалитеты, назначал префектов, издавал распоряжения об устройстве парадов в Кремле, занимался строительством хлебопекарни и многочисленных кухонь, организовывал оборонительные работы, уборку овощей на огородах вокруг города, устраивал театр, требовал трофеев, приказывал снять с колокольни Ивана Великого крест, чтобы украсить им Дом инвалидов в Париже... Последний приказ императора в Москве — взорвать то, что не сгорело, — французский военный губернатор выполнял без должного старания. Мортье не разделял желания раздосадованного Наполеона разрушить Кремль в отместку за то, что Александр I не принял мира, однако как военный человек обязан был подчиняться.

В ночь на 21 октября уходящая гвардия услышала сильнейшие взрывы. Маршал Мортье нехотя исполнил волю Наполеона. Копать подкопы, куда закладывали мины и порох, застав-

ляли оставшихся в городе москвичей. «А у нас просто руки не подымались, — рассказывал очевидец. — Пусть все погибает, да хоть не нашими руками. Да воля-то не наша была: как ни горько, а копай. Окаянные-то тут стоят, и как увидят, что кто из нас плохо копает, так сейчас прикладами бьют. У меня вся спина избита». Согласно приказу Наполеона, Мортье распорядился «поджогом винного склада, казарм и общественных зданий, за исключением Воспитательного дома». Французы попытались взорвать Новодевичий монастырь, связали все запалы в один узел, зажгли фитиль и скрылись. Однако одна из монахинь сумела погасить огонь и спасла обитель. Правда, Храм Усекновения главы Иоанна Предтечи, стоявший рядом с монастырем, наполеоновского нашествия не пережил. В Кремле разрушения были сильны, но не катастрофичны. Возможно, виноват дождь, возможно, самоотверженность москвичей, которые тушили фитили, а возможно — нерадивость французов, выполнявших работу «без огонька». Французам удалось подорвать Арсенал, три башни со стороны набережной и часть Никольской башни — до иконы Николы Чудотворца, на которой уцелело даже стекло киота. Сгорели царский дворец, Грановитая палата, сильно

пострадали соборы. К счастью, дождь подмочил фитили под другими зданиями и Иваном Великим — от взрыва колокольня пошла трещинами, но устояла, что многие москвичи восприняли, как знамение. Последний взрыв грянул уже после того, как восьмитысячный отряд Молодой гвардии оставил город. Кстати, существует легенда о том, что маршал Мортье сам погиб в огне московских взрывов. Но скончался он от другого взрыва. Мортье перенес все тяготы обратного пути по Старой Смоленской дороге; мужественно, если не героически, сражался под Красным, спасая обескровленный корпус Даву; участвовал в кампании 1813 года; безуспешно защищал Париж от войск союзников; после отречения Наполеона присягнул на верность Бурбонам; заседал во французском парламенте; с удовольствием занимался сельским хозяйством, уверяя, что «Марса он полюбил только из-за его кухни Цереры»; при короле-буржуа Луи Филиппе снова побывал в России, возглавив дипломатическую миссию в Санкт-Петербурге; дослужился до военного министра и даже до премьера и в 1835 году был смертельно ранен адской машиной террориста Фиески на праздновании годовщины Июльской революции 1830 года. От взрыва тогда пострадали сорок человек. **МНР**

«Москва Купеческая»
8 сентября открылась выставка, посвященная истории и культуре «Москвы Купеческой» XIX века. В Доме Российского исторического общества, что на Воронцовом поле, представлены документы и артефакты, относящиеся как к истории самого Дома, так и к истории московского купечества в целом. Усадьба принадлежала московским купцам С.А. Татаринову и П.А. Сырейчикову. С 1823 года усадьба перешла к представителю купеческой династии В.Г. Рахманову, торговцу хлебом, пряжей и лесом, крупному благотворителю. Род Рахмановых владел усадьбой вплоть до 1917 года. В советское время в здании находились общежитие и прочие организации. В 2013 году здание было передано Российскому историческому обществу. Основой главного дома усадьбы являются палаты XVII века, угловое же здание, пристроенное позже, — это характерный пример классициз-

Новости Департамента культурного наследия города Москвы

Автор: **Татьяна Дроздова**

ма. Двухэтажный дом с вытянутыми окнами, вписанными в углубления-филенки, разделенные коринфскими пилястрами. Важно отметить хорошую сохранность памятника: усадьбу практически не затронул пожар 1812 года. Внутри дома можно увидеть чугунную главную лестницу, лепнину, искусственный мрамор, наборный паркет, а также ткани для обивки стен, используемые в интерьерах второго этажа. В подготовке выставки принимали участие главный археолог города Москвы Леонид Викторович Кондрашев и главный редактор журнала «Московское наследие» Филипп Игоревич Смирнов. Экспонаты для открывшейся выставки были представлены Департаментом культурного наследия города Москвы, Музеем Москвы и Главным архивным управлением города Москвы. Экспозиция артефактов, найденных в ходе программы «Моя улица», была передана различными археологическими организациями. Таким образом, выставка состоит из двух частей — археологической и исторической. Археологическая представлена такими артефактами, как поливные и муравленные изразцы, ножи, глиняные курительные трубки, аптечные и косметические флаконы, стеклянные сосуды с клеймами, перстни, монеты, мелкая пластика. Историческая часть представлена документами семьи Рахмановых: планы, чертежи усадьбы, всего около 40 документов. На

торжественном открытии выставки присутствовал мэр Москвы Сергей Семёнович Собянин.

Новая экскурсионная программа Мосгорнаследия

С августа 2016 года началась организованная Мосгорнаследием программа доступа граждан к памятникам культурного наследия. Программа включает в себя пешие, велосипедные экскурсионные прогулки, тематические маршруты, специализированные мероприятия, а также современное совмещение игры и образования — квесты. Экскурсии будут проводить известные гиды: историки, искусствоведы, архитекторы и реставраторы. Важно отметить открытие для посещения двух новых объектов — особняка Зиминых в Десятном переулке и комплекса Пречистенской пожарной части (Главное управление пожарной охраны по городу Москве). Особняк Н.К. Зимина является ярким примером подобного типа зданий

конца XIX — начала XX века, о чём свидетельствуют хорошая сохранность архитектурного декора экстерьера, а также элементы интерьера. Здание было выстроено по проекту архитектора Э.С. Юдицкого. В интерьере сохранились наборные паркет, лепнина, изразцовые печи, деревянные панели, подшивные деревянные потолки. Особняк недавно был отреставрирован.

Комплекс Пречистенской пожарной части включает в себя экспозицию истории пожарной охраны Москвы. Дом, в котором располагается пожарная часть, построен в XVIII веке. В 1840-х годах дом был увенчан пожарной каланчей. В 1900 году была организована станция скорой помощи при депо. Также установили телефонный коммутатор, соединявший между собой все пожарные части города. Были созданы технический центр борьбы с пламенем, учебные залы, ветеринарный лазарет, а также мастерские. Пречистенская пожарная часть известна тем, что именно здесь появился первый в Москве пожарный автомобиль с раздвижной лестницей.

Выставка археологических артефактов в Музее Москвы

28 июня 2016 года в Музее Москвы открылась выставка «Тверская и не только», в экспозиции которой собраны уникальные археологические артефакты, найденные в центре Москвы при проведении благоустройства улиц в рамках программы «Моя улица».

Выставка включает в себя более 100 предметов и дает представление об истории Москвы разных эпох. Так, в Вознесенском переулке был найден клад медных монет XVIII века. Маточник периода правления царя Алексея Михайловича — инструмент для изготовления фальшивых монет, представляющий собой железный куб, на гранях которого располагаются рельефные изображения аверса и реверса монет. Белокаменные позднесредневековые надгробия найдены в районе Мытной улицы при раскопках в 2015 году. Было выявлено, что надгробия принадлежали купеческому роду Келлерманов, проживавших в Москве во второй половине XVI — начале XVII века. Среди прочих артефактов на выставке можно увидеть нательные крестики, пуговицы, курительные трубки,

игрушки, посуду, столовые приборы. В ходе программы «Моя улица» были выявлены также фрагменты древних построек: фундаменты, своды, стены, фрагменты мостовых (например, на Пушечной улице). Выставка открыта до 3 октября 2016 года.

Артефакты из чайной конца XIX — начала XX века на Таганской площади

Во время работ по благоустройству города на улице Александра Солженицына была вскрыта кирпичная кладка основания здания. В грунте обнаружили множество фрагментов столовой посуды российского производства второй половины XIX — начала XX века. Интересно отметить, что преобладают изделия из фарфора известной фабрики М.С. Кузнецова. На посуде сохранились клейма, по которым удалось установить ее точные датировки. В экспозицию входят фрагменты чайных сервизов, бутылок, стаканов, рюмок и прочих бытовых предметов. Исходя из изученных архивных материалов, ученые предположили, что на этом месте располагалось общественное, вероятно питейное заведение.

Деревянная мостовая Тверской улицы

Во время реконструкции Тверской улицы были обнаружены остатки деревянной мостовой XVI—XVII веков. Было найдено 4 яруса бревен диаметром 15 см. По историческим данным, дорога на Тверь существовала с XII века. Позднее, в XV веке, она связывала также Москву и Новгород. В XIV—XV веках улица шла к мосту через реку Неглинную. В XVI веке здесь появляются первые дворы знати, а также монастырские и церковные домовладения.

Артефакты XIV века в районе Болотной площади

В ходе раскопок в районе Болотной площади были обнаружены более 100 древних артефактов: монеты, датируемые XIV—XV веками и до правления Петра Великого, украшения, свадебные височные кольца племени вятичей. Самые редкие монеты — периода правления сына Дмитрия Донского, князя Василия I, а также золотоордынские монеты XII века.

Передача Музею Москвы клада серебряных монет XV—XVII веков

8 апреля 2016 года археологи передали Музею Москвы уникальный клад, состоящий из серебряных монет XV—XVII веков. Он был найден при изучении подклета усадьбы конца XVI — первой половины XVII века на территории будущего парка «Зарядье». Клад, обнаруженный в глиняных сосудах (кувшине, фляге и кубышке), включает в себя серебряные деньги и копейки, изготовленные в технике проволочной чеканки, датируемые XVI веком — княжением Ивана Грозного и Фёдора Иоанновича, а самые поздние — началом XVII века. Это самый крупный денежный клад XVI—XVII веков.

Серия интерактивных выставок

С 6 октября 2016 года в Музее Москвы при поддержке Мосгорнаследия открывается новый проект — серия интерактивных выставок-путеводителей по историческим местам Москвы. Здесь планируются пешие прогулки по городу рубежа XIX—XX веков, включающие в себя посещения исторических зданий. Первый маршрут пройдет по центральным улицам: Большой Дмитровке, Камергерскому переулку, Тверской улице, Столешникову переулку и Кузнецкому Мосту. Сим-

волический «забор» с фрагментом строительной сетки, оформленный современными московскими художниками, является доминантой выставки. За сеткой можно увидеть исторические интерьеры московских домов XIX—XX веков. Первая выставка в Музее Москвы продлится до 31 октября 2016 года. Экскурсионное бюро Музея Москвы организует серию пеших прогулок по маршруту выставки. Планируется также создание сайта «Москва пешком» с виртуальными прогулками и картами маршрутов.

МНР

Редкий вид Театральной площади и Большого театра. Фотограф создал из фотодокумента фотозарисовку. А всего только надо было добавить на передний план навершие гостиницы «Метрополь». Фотография из архива Мосгорнаследия

«Михаил Петров сын Погодин, чином генерал, званием бытописатель, по охоте старины любитель, по месту жительства посадский человек на Девичьем поле, куда, когда кому угодно, милости прошу», – так говорил о себе Михаил Петрович Погодин – писатель, историк, профессор, статский советник, друг Пушкина и Гоголя, собиратель древностей, издатель и один из лидеров панславизма.

Хозяин терема на Девичьем поле

«Михаил Петров сын Погодин, чином генерал, званием бытописатель, по охоте старины любитель, по месту жительства посадский человек на Девичьем поле, куда, когда кому угодно, милости прошу», – так говорил о себе Михаил Петрович Погодин – писатель, историк, профессор, статский советник, друг Пушкина и Гоголя, собиратель древностей, издатель и один из лидеров панславизма.

Погодин родился крепостным в семье дворового графа П.И. Салтыкова, получившего вольную в 1806 году. В восемнадцать лет он поступил в Московский университет, а в 1826 году, в двадцать шесть лет, стал его профессором. Три тома «Истории рус-

ского народа» сделали Погодина одним из главных историографов Древней Руси и принесли ему славу маститого историка. Похожая на русский терем деревянная Погодинская изба (дом 12А) на одноименной улице – единственное, что осталось от когда-то обширной городской усадьбы Михаила Петровича. Ее адрес знали все московские литераторы. Да разве только московские?! В течение десятилетий гостеприимный погодинский особняк был центром российской литературной жизни. В нём не раз бывал Карамзин, подолгу жили Гоголь и Фет, здесь проходили знаменитые литературные субботы, на которых блистал Пушкин. Многим был известен скверный характер Погодина. Но несмотря на су-

хость и привычку гнуть спину перед властями, академические познания, гибкий ум и нестандартное мышление притягивали к нему артистические натуры. Любой, кто оказывался гостем в погодинском доме, становился поклонником его хозяина. Молодой Островский, получив приглашение прочесть на одном из субботних вечеров свою новую пьесу «Банкрот», поначалу даже отказался ехать к Погодину. Но после «погодинской субботы» «Банкрот» (впоследствии получивший название «Свои люди – сочтемся») стал хитом литературной жизни Москвы, а Островский – на многие годы другом Погодина. Известную всем избу, построенную по всем правилам русского деревянного зодчества возле главного усадебного дома, Погодин получил в подарок от предпринимателя и мецената В.А. Кокорева. В ней историк разместил свое знаменитое Древлехранилище. С азартом и энергией, свойственным его натуре, Михаил Петрович собирал всё, что относилось к русской истории: монеты, иконы, лубочные картинки, шитье, старинные грамоты, старопечатные книги, рукописи, медали, оружие, посуду, автографы известных людей. Исторические реликвии занимали 50 шкафов Древлехранилища. В одном из них хранился простреленный на дуэли сюртук Пушкина, присланный Погодину Владимиром Далем. Круп-

Профессор М.П. Погодин. Гравюра Ф.П. Бореля. 1860-е годы

нейшая коллекция исторических артефактов стала одной из достопримечательностей Москвы: посмотреть ее приезжали великие князья и государственные сановники, а по определенным дням она была доступна для всех желающих. Еще при жизни Погодина в 1852 году собрание за 150 тысяч рублей серебром было куплено Николаем I и пополнило коллекции Императорской публичной библиотеки, Эрмитажа и Патриаршей ризницы

Московского Кремля (теперь – Оружейной палаты).

Издатель на службе Отечества
Одной из важных сфер деятельности Погодина было издательское дело. Во многом именно оно сблизило Михаила Петровича с писателями и превратило его дом в главный литературный салон Москвы. Еще молодым человеком Погодин начал издавать литературный альманах «Уrania», к участию

Автор: Наталья Якубова

В.А. Кокорев. Литография В. Тимма. 1860-е годы

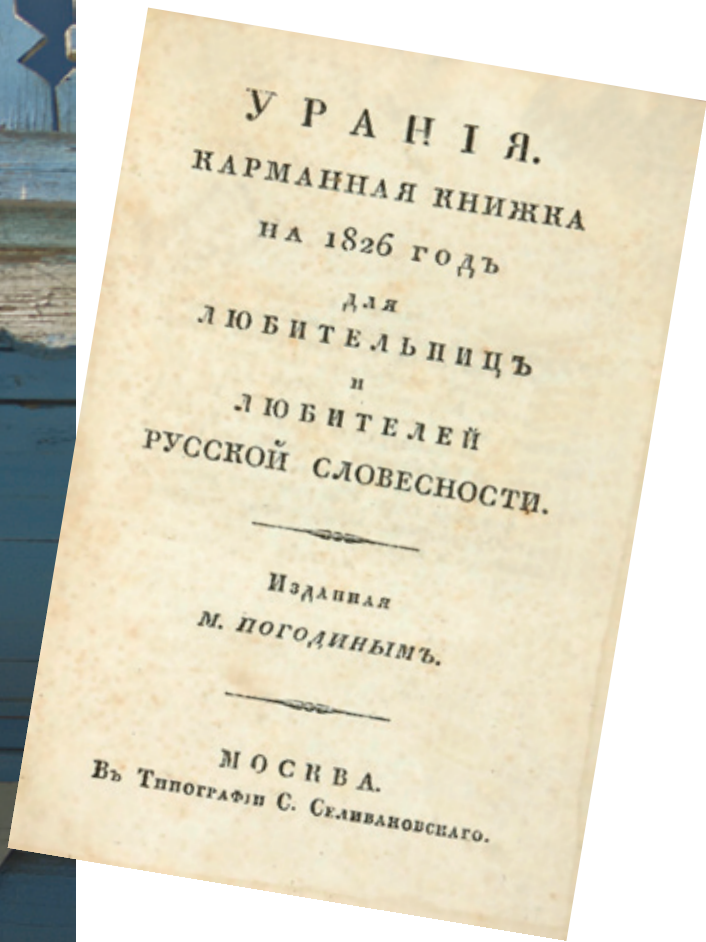
Погодинская изба. Фото 1890 года

в котором привлёк Е.А. Баратынско-го, Ф.И. Тютчева, А.И. Полежаева, П.А. Вяземского. В 1829 году он стал издателем историко-философского журнала «Московский вестник», где печатались А.С. Пушкин и А.С. Хомяков. А во время эпидемии холеры — специального приложения к нему — информационной газеты «Ведомости о состоянии города Москвы», прозванной в народе «холерной газетой» или «холерным листком» из-за ее формата — на листах, полулистах, а иногда даже на четвертушках серой бумаги. Холера вспыхнула в России летом 1830 года. Она пришла из Персии сначала в Тифлис и Астрахань, а затем стала стремительно распростра-

няться на север. Всего за несколько месяцев число умерших достигло 20 тысяч. То тут, то там обезумевшие от страха и поддавшиеся панике люди громили больницы и аптеки, полицейские участки, нападали на врачей, забивая их до смерти. Взбунтовались военные поселения в Новгороде: солдаты, решившие, что их хотят отравить, с невероятной жестокостью перебили офицеров и лекарей. В Тамбове пятитысячная толпа захватила губернатора. В Севастополе восставшие удерживали город в течение трех дней. Не избежал холерного бунта и Санкт-Петербург, усмирять бунтовщиков на Сенную площадь приехал сам Николай I.

К сентябрю холера докатилась и до Москвы. В считанные дни число ее жертв приблизилось к сотне. Улицы города опустели, закрылись учебные заведения и присутственные места, остановилась торговля. Все разговоры сводились к одному — кто заболел и кто умер. От того, как поведут себя городские власти в сложившейся ситуации, зависело многое. Борьбу со страшной заразой возглавил военный генерал-губернатор князь Дмитрий Васильевич Голицын, сумевший мобилизовать всё московское сообщество. Был введен карантин (не пустивший в Москву Пушкина и подаривший нам «болдинскую осень»). Город оцепили войска, все въезды и выезды были перекрыты. Дома обрабатывались хлористой извёстью. Из богатых и именитых горожан, не покинувших Первопрестольную, Голицын создал «Соединенный совет». Его члены взяли на себя попечение и надзор за определенными участками, на которые был поделен

Ямщик у погодинской избы. Фото 1912 года

город. Каждый такой попечитель открывал на своем участке больницы, пункты питания, карантинные бараки. Всего за несколько дней на добровольные пожертвования открылось 20 больниц. Купцы подводами везли туда провизию, белье, одеяла, теплую одежду. Частные пожертвования принимались вещами, деньгами, лекарствами. На них открывали богадельни для неимущих, бесплатно раздавали продукты. Для сбора информации о нуждающихся Голицын привлёк полицию и приходское духовенство. За медицинские вопросы отвечали инспектора, под руководством которых трудились врачи. Все преподаватели и студенты Медицинского факультета Московского университета, а также сотни других молодых москвичей добровольно, без всякого вознаграждения работали в больницах и холерных лазаретах. Важной мерой по предотвращению паники стало решение Голицына выпускать при участии Погодина тот самый «холерный листок». Была объявлена цель издания: «... для сообщения обывателям верных сведений, столь необходимых в настоящее время, и пресечения ложных и необоснованных слухов, кои производит безвременный страх и уныние». Голицын распорядился распространять газету бесплатно. Первый «холерный листок» вышел 23 сентября 1830 года и издавался

ежедневно, сообщая не только о числе заболевших, умерших и выздоровевших, но и о необходимых мерах гигиены, способах дезинфекции и о действиях, предпринимаемых властями для борьбы с заразой. Указывались адреса больниц, места бесплатной раздачи продуктов и правила соблюдения карантина. Среди прочего советовалось «не предаваться гневу, страху и беспокойству духа». Это была колоссальная работа. Погодин писал о купце Булошникове, открывшем в своей гостинице на Смоленском рынке столовую для всех нуждающихся. О том, что вдовы и сироты, не имеющие квартир, могут получить приют и содержание в доме Сучкова. Об отставном аудиторе Подчинённом, пожертвовавшем тысячу рублей и организовавшем в своем доме богадельню на 100 коек. И о многих других гражданских подвигах москвичей. Перед распространением «холерные листки» обкуривались. Сам Погодин тоже принял все меры предосторожности: закупил на полгода продовольствие для всей семьи и прислуги, нанял в дом лекаря и старался не посещать друзей, чтобы не принести сразу — «... к Аксаковым я езжу только под окошки». Тревожный погодинский листок, информируя, действительно предотвращал опасную панику. А.С. Хомяков писал Погодину: «Даже в 12-м году

ХІІІ.
КРАТКАЯ ВѢДОМОСТЬ
О ДѢЙСТВІИ ВОЗБУДИТЕЛЯ ХОЛЕРЫ ВЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1829 И 1830 ГОДАХЪ.

Мѣсто, гдѣ холера появилась	Время ея начала	Время продолженія холеры		
		Возбужденіе	Пикъ	Утихненіе
Въ городѣ Оренбургѣ.				
а) По Волкову: Голосъ слышенъ.	Августъ 16.	220	220	27 Октября 20.
б) По городу съ предѣловъ околицъ.	Сентября 15.	500	600	22 Октября 18.
Оренбургскіе Уѣзды:				
Въ уѣздѣ Рязанскомъ.	Сентября 15.	200	250	10 Октября 24.
Въ уѣздѣ Златоустовскомъ.	Октября 3.	120	150	7 Октября 14.
Въ уѣздѣ Симбирскомъ.	Октября 5.	600	800	17 Октября 12.
Въ уѣздѣ Самарскомъ.	Октября 30.	30	50	4 Октября 12.
Въ уѣздѣ Ташкентскомъ.	Октября 8.	200	150	7 Октября 18.
Въ уѣздѣ Оренбургскомъ.	Октября 10.	40	50	1 Октября 21.
Въ уѣздѣ Бузувѣнскомъ.	Октября 10.	4	4	1 Октября 8.
Въ уѣздѣ Кувшинскомъ.	Октября 10.	7	10	1 Октября 15.
Въ уѣздѣ Чарвакскомъ.	Сентября 19.	20	30	7 Октября 10.
Въ уѣздѣ Балхашскомъ.	Октября 10.	15	15	10 Октября 25.
Въ уѣздѣ Саркандскомъ.	Октября 14.	60	70	20 Октября 18.

Краткая ведомость о действии болезни холеры в Оренбургской губернии в 1829 и 1830 годах

Девичье поле на карте Москвы 1853 года

не с бóльшим нетерпением ожидали газет, чем мы ваших бюллетеней». С приходом холодов зараза стала отступать. Последний «листок» Погодин выпустил 6 января. Он выходил чуть более трех месяцев и во многом позволил избежать худшего в этой ситуации — холерного бунта, «бессмысленного и беспощадного».

Друзья-приятели

Деятельный, жадный до новых впечатлений и легкий на подъем, Погодин много путешествовал. География его маршрутов была для того времени необычайно обширной. Он совершил восемь больших и продолжительных путешествий по Восточной и Западной Европе. объездил значительную часть Российской империи от древних городов Русского Севера до Крыма и грузинского Боржоми. Будучи заядлым курортником и не отличаясь крепким здоровьем, подолгу жил в Бад-Эмсе, Бад-Вильбаде, Теплице, Мариенбаде, бельгийском Остенде. Его путевые заметки, по сути, полноценные путеводители с описанием достопримечательностей, датами их постройки и профессиональной оценкой достоинств. Но при этом маститый историк утверждал, что с историей страны лучше знакомиться в кофейнях, на улицах, бульварах, в ресторациях и театрах — «прочь планы, схемы, прочь мертвые книги, дайте мне живых людей». И добавлял:

«Если б удалось увидеть мне еще революцийку хоть какую-нибудь, я был бы доволен вполне». Страсть к путешествиям сблизила Погодина с другим вечным странником — Гоголем. Они вместе гуляли по Риму и Вене, а осенью 1839 года вместе возвращались из долгого путешествия по Европе. Своего жилья в Москве у Гоголя не было, да и за пределами Малороссии тоже. Все его имущество помещалось в дорожном сундуке, с которым он путешествовал. Поэтому писатель с готовностью принял предложение Погодина пожить у него в доме на Девичьем поле. Один из знакомых писал тогда Погодину: «Вы привезли с собой подарок русской литературе... теперь только и разговоров, что о Гоголе... Петербург жалеет, что потерял одного из достойнейших литераторов». По приезду из заграницы в Москву, Гоголь трижды останавливался у Погодина — в 1839—1840, 1841—1842 и в 1848 годах. Здесь писатель, пользуясь уникальными документами из Древлехранилища, редактировал «Тараса Бульбу», работал над первым томом «Мертвых душ», на погодинских субботках читал главы из них, приводя в неописуемый восторг собравшихся. Некоторые из современников были склонны предполагать, что Погодин послужил прототипом гоголевского Плюшкина. Всем хорошо

были известны его феноменальная скупость, неохотно, иногда со скандалом, выплачиваемые гонорары, из-за чего многие его сотрудники переходили в другие издания. Литератор Н.В. Берг так писал о Погодине: «Он был иногда мелочен в скупости, думал о всякой полушке, выходившей из его рук. Если нужно было написать несколько строк приятелю, он, постоянно обложенный бумагами, никогда не шел и не брал первую, а искал на полу, под стульями, в корзинах со всяким сором, где лежали груды старых конвертов, брошенных записок: от них отрывался клочок, уголочек, на нём писались два-три слова к приятелю». Но тем не менее вся эта прижимистость, а порой и грубость, не мешала Погодину помогать бедным, жертвовать немалые суммы на издательское дело и, не афишируя, делать добро человеку, который не мог отплатить ему тем же. В доме на Девичьем поле Гоголь жил довольно замкнуто, с обеда до вечера обычно писал, редко выезжал и не любил принимать гостей. Но случались и шумные застолья. На Николин день 9 мая (22 мая по новому стилю) 1840 года в доме у Погодина праздновали именины Гоголя. Съехалось около 500 гостей — весь цвет литературной и художественной Москвы: Чаадаев, Щепкин, Вяземский, Загоскин, Хомяков, Баратынский, Орлов, Ф. Глинка, Вельтман,

Дом Погодина, в котором останавливался Н.В. Гоголь во время своих визитов в Москву. Уничтожен в 1941 году при бомбежке. Фото 1936 года

Лермонтов, Аксаков. Столы вынесли в широкую липовую аллею погодинского сада. По обеим сторонам от столов сын Погодина вешал клетки с соловьями, укрыв их ветвями. Под звон тарелок и бокалов птицы оживлялись. Гости восхищались соловьиными трелями: «Экая благодать у тебя, Михаил Петрович, липы пахнут, соловьи, умирать не надо». После обеда Лермонтов читал наизусть собравшимся отрывки из только что написанной поэмы «Мцыри». Виновник торжества, по воспоминаниям, был весел, много шутил, сам варил в большом тазу жженку и, уго-

щая гостей, называл ее «бенкендорфом» за голубой цвет. Несмотря на дружбу, взаимоотношения между Погодиным и Гоголем были сложными. Погодин постоянно просил у Гоголя материалы для своего журнала «Москвитянин», а тот расценивал эти просьбы как плату за гостеприимство. Их дружба заметно охладела после опубликования Гоголем в 1847 году философско-религиозного труда «Выбранные места из переписки с друзьями», в котором он писал о Погодине: «...всю жизнь он торопился спеша делиться всем со своими читателями, сообщать им всё, чего он набирался сам, не разбирая, созрела ли мысль в его собственной голове таким образом, дабы стать близкой и доступной всем, словом — выказывал перед читателями себя всего во всем своем неряшестве. И что ж? Заметили ли читатели те благородные и прекрасные порывы, которые у него сверкали весьма часто? Приняли ли от него то, чем он хотел с ними поделиться? Нет, они заметили в нём одно только неряшество и неопрятность, которые прежде всего замечает человек, и ничего от него не приняли. Тридцать лет работал и хлопотал, как муравей, этот человек, торопясь всю жизнь свою передать поскорей в руки всем всё, что ни находил, на пользу просвещения и образования русского... и ни один человек не сказал ему

спасибо; ни одного признательного юноши я не встретил, который бы сказал, что он обязан ему каким-нибудь новым светом или прекрасным стремлением к добру, которое бы внушило его слово». Такие слова глубоко ранили Погодина: «...огорчился до слёз, до глубины сердца: кроме ругательств о моем слоге, Гоголь пишет, что он не встретил ни одного юношу, который бы сказал мне спасибо, которого продвинул я к добру, работая тридцать лет как муравей! Больно мне». Какое-то время они даже не разговаривали друг с другом, а лишь обменивались короткими записками. Конечно, Гоголь не думал обижать Погодина, «эту добрейшую душу и добрейшее сердце». Возможно, восстановить прежние теплые отношения могло бы участие Гоголя в праздновании дня рождения Погодина, которое состоялось 23 ноября 1848 года в особняке на Девичьем поле. Но писатель был необщителен, и праздник не задался. Погодин заговорил о срочном ремонте усадебного дома, и Гоголь съехал от него в дом Талызина на Никитском бульваре. Как всегда, всё на свои места поставило время. После уничтожения в 1931 году кладбища Даниловского монастыря и переноса могилы Гоголя старые друзья теперь покоятся вместе на Новодевичьем кладбище, всего в нескольких метрах друг от друга. **МН**

Перекресток Моховой и Большой Никитской улиц. Университетская церковь Святой Татианы.
Фотография из архива Мосгорнаследия

Усадьба Вороново представляет собой уникальное место, в котором причудливым образом расположились строения совершенно разных стилей: эклектика, русское барокко, петровское барокко. Прекрасный парк, окружающий старинные произведения зодчества, будто бы увлекает их в другие миры – единые, но совершенно разные.

Автор: **Вадим Разумов**
Фото: **Вадим Разумов**

Быль и легенды Воронова

Усадьба Вороново представляет собой уникальное место, в котором причудливым образом расположились строения совершенно разных стилей: эклектика, русское барокко, петровское барокко. Прекрасный парк, окружающий старинные произведения зодчества, будто бы увлекает их в другие миры – единые, но совершенно разные. Вот раскинулся двухэтажный особняк, напоминающий роскошные европейские дворцы, а перед ним – терраса и подъездная аллея: кругом четкость, лаконичность, торжественность. А вот – голландский домик, отражающийся в глади пруда, – уютный, уединенный, почти игрушечный. Неподалеку от него – величественный храм в стиле барокко, построенный с европейским размахом, но с русской душой, и баш-

ня-колокольня, арка которой открывает геометричный, но в то же время «плавный» ракурс на церковь. В чём секрет обаяния этого дворцово-паркового комплекса? Кому он принадлежал и по чьей воле он стал столь необычным? Какую роль сыграли советские архитекторы в сохранении памятника истории? Исследователи относят Вороново к числу самых старинных усадебных комплексов Подмосковья. У истоков ее развития стоит известная историческая личность, связанная с Куликовским сражением. Первый владелец этих земель, Александр Иванович Воронов-Волынский, был потомком старинного рода, берущего свое начало от князя, отличившегося подвигами во время решающего сражения между русскими войсками

Неизвестный художник. Портрет Артемия Петровича Волынского. 2-я четверть XVIII века

Спасская церковь сооружена во второй половине XVIII века. Яркий представитель архитектуры барокко, она по стилистическим признакам приписывается творчеству К. Бланка

и татаро-монголами, Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского. Один из его потомков получил прозвище Вороной, в связи с чем весь княжеский род стали называть семейством Вороновых-Волынских. Известно, что в XVI–XVII веках на территории современного имения Вороново уже существовала вотчина, на которой трудились крестьяне. Интересен факт: дочь первого владельца усадьбы, которая отличалась набожностью, перед смертью завещала вотчину Троице-Сергиевому монастырю. Однако в 1642 году прошением других представителей Вороновых-Волынских родовая вотчина была возвращена семье. В XVIII веке Вороново представляло собой процветающий усадебный комплекс. Усадьба начала наращивать свою хозяйственную мощь. На ее территории появились скотный и конюшенный дворы, а также другие необходимые постройки. Большой интерес представляет судьба последнего владельца Воронова из рода Вороновых-Волынских, Ар-

темия Петровича Волынского. Его смело можно назвать жертвой политических интриг. Будучи приближенным императрицы Анны Иоанновны, Артемий Петрович вступил в открытый конфликт с ее могущественным фаворитом — Эрнестом Бироном. В результате заговора Волынский подвергся преследованию по закону и был казнен. Всё его имущество было отчуждено в государственную казну, и усадьба Вороново не стала исключением. Биографические события из жизни последнего Волынского были описаны в романе «Ледяной дом» известного писателя Ивана Ивановича Лажечникова, историческом романе Валентина Саввича Пикуля «Слово и дело» и других произведениях. Спустя некоторое время после трагического финала Артемия Петровича судьба вернула всё на круги своя. Бирон попал в опалу, и новая императрица Елизавета Петровна вернула Вороново представителям рода Волынских. Хозяевами имения стали дочь казненного Артемия Петровича, Мария, и ее супруг Иван Илларионович Воронцов. Супружеская чета приступила к активному благоустройству имения Вороново. Для создания роскошного усадебного комплекса был приглашен известный архитектор Карл Иванович Бланк. Первым его шедевром стала церковь Спаса Нерукотворного, возведенная во второй половине XVIII века. Она является ярким примером русского барокко. Другим творением Бланка стал двухэтажный Голландский домик, живописно расположившийся на берегу пруда. Он представляет собой редкий образец парковой постройки, стиль которой больше характерен для европейских стран и определенного периода в истории России, связанного с царствованием Петра Великого. Строение затейливо декорировано фронтонами, вазами и другими элементами, что делает его облик чрезвычайно примечательным и самобытным. Голландский домик имеет ряд существенных сходств с аналогичным строением в московской усадьбе Кусково. Любопытно, что усадьбу по фамилии новых хозяев в народе начали называть Воронцово, в результате чего возникла сильнейшая путаница, ко-

торая представляет некую сложность и для сегодняшних историков. Дело в том, что в Московской губернии находилась еще одна усадьба под названием Воронцово, которая в настоящее время вошла в состав городской черты столицы. Спустя годы, во избежание разногласий, описываемую усадьбу некоторые исследователи начали называть Вороново-Воронцово. Большой усадебный парк с системой каскадных прудов поражал своей площадью. От главного дома расходилась трехлучевая система аллей. Вороново стало одной из дворянских усадеб, удостоенных чести принять на своей территории императрицу Екатерину Великую. Российская самодержица посетила имение в 1774 году. В память об этом событии по обе стороны главной усадебной аллеи были установлены два каменных обелиска. После смерти Ивана Воронцова усадьбой стал владеть его сын, Артемий Иванович Воронцов, который являлся дальним родственником великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина — он и отец поэта были женаты на родных сестрах. При нем в Вороново появился роскошный дворец-особняк, выстроенный на месте прежнего, неприметного в целом дома. К строительству был привлечен известный русский зодчий и образованнейший человек своего времени Николай Александрович

Львов. Барская затея осуществлялась за счет тяжелой и беспощадной эксплуатации крепостных. Дмитрий Петрович Бутурлин, женившийся впоследствии на дочери Артемия Ивановича, в письме, датированном 21 июня 1793 года, пишет: «Вы помните Вороново времен Ивана Илларионовича так же, как и я. Ну что же. Вы ничего не узнали бы. Дом — настоящий дворец, примерно в таком же духе, как дом в Москве, а может быть, он еще больше. Вкус Львова узнается в колоннадах и ротондах. Бог знает, когда всё будет окончено. Что же касается меня, я живу

В 1949 году главный дом усадьбы был перестроен, в нём был размещен дом отдыха, главным украшением которого остается Воронцовский парк — один из лучших образцов садово-паркового искусства XVIII века. В настоящее время на территории усадебного комплекса находится санаторий

Вид на пруд со стороны Голландского домика

в Голландском домике, построенном еще Бланком во времена Ивана Илларионовича. Имение великолепное, леса и прочее в полной красе». Судя по дошедшим до нас чертежам архитектора Львова (МАСиА), дворец включал трехэтажный корпус и два боковых флигеля одинаковой высоты, соединявшиеся с центральной частью двухэтажными переходами. Кроме того, в усадьбе появилось огромное здание конного двора, от которого ныне сохранилась только угловая башня.

Вложив огромную сумму денег в усовершенствование и украшение собственной усадьбы, Артемий Иванович не рассчитал собственных финансовых ресурсов и вскоре разорился. Имение перешло в собственность графа Фёдора Васильевича Ростопчина. Усадьба становится любимым местом для отдыха и жизни семьи Ростопчиных с 1800 по 1806 годы. При них усадьба приобрела общепризнанный статус образцового хозяйства и прославилась конезаводом, выращиванием в оранжереях экзотических фруктов и прекрасным парком, над которым работали лучшие специалисты по ландшафтному дизайну того времени.

Однако степенный уклад жизни Воронова и его жильцов был прерван 20 сентября 1812 года. После сдачи

Москвы французам хозяин демонстративно велел поджечь собственный прекрасный дворец. Государственному деятелю претила мысль о том, что его особняк могут занять вражеские полки. В пожаре не только существенно пострадал сам усадебный дом, но и сгорели многочисленные произведения искусства и драгоценные элементы интерьера, находившиеся в нём.

Это событие, которое кажется чересчур эпатажным не только современникам Ростопчина, но и нынешним историкам, имеет под собой ряд «подводных камней». Некоторые считают, что самые значимые ценности не были найдены среди дворцового пепла и руин, а значит, граф, демонстрируя всем свой патриотизм в крайних проявлениях, все-таки спас основные усадебные сокровища. Стало быть, для этого он организовал тайное хранилище. Историки неоднократно исследовали усадьбу на предмет наличия подземных помещений и даже находили фрагменты и остатки сооружений под землей, но тайника с несметными богатствами графа так и не нашли. Стало быть, эта история получила статус самой популярной легенды о Воронове.

Зловещим совпадением стало то, что французские войска все-таки базировались на территории усадьбы

Голландский домик с высокими фигурными фронтонами, белокаменными деталями и декоративными вазами — повторение одного из парковых павильонов шереметевского Кусково, выдержанное Карлом Бланком в стиле петровской эпохи

**ПОСЛЕ СДАЧИ МОСКВЫ
ФРАНЦУЗАМ ХОЗЯИН
ДЕМОНСТРАТИВНО ВЕЛ
ПОДЖЕЧЬ СОБСТВЕННЫЙ
ПРЕКРАСНЫЙ ДВОРЕЦ.
ГОСУДАРСТВЕННОМУ ДЕЯТЕЛЮ
ПРЕТИЛА МЫСЛЬ О ТОМ, ЧТО
ЕГО ОСОБНЯК МОГУТ ЗАНЯТЬ
ВРАЖЕСКИЕ ПОЛКИ. В ПОЖАРЕ
НЕ ТОЛЬКО СУЩЕСТВЕННО
ПОСТРАДАЛ САМ УСАДЕБНЫЙ
ДОМ, НО И СГОРЕЛИ
МНОГОЧИСЛЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА
И ДРАГОЦЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
ИНТЕРЬЕРА, НАХОДИВШИЕСЯ
В НЁМ**

Фото конца XIX века.
Сайт «История Подольска»

В 1949 году сохранившаяся «коробка» перестроена для размещения дома отдыха. При этом здание получило в центре восточного фасада новую пристройку с сильно выступающим портиком. Северное крыло (флигель и бывший переход-галерея) почти не подверглось изменениям, а южное восстановлено по его образцу

Вороново. Они выбрали для временного пребывания один из сохранившихся флигелей усадьбы.

После победы русских войск над Наполеоном в стране снова воцарился мир, и дворянские семьи начали возвращаться в свои покинутые гнезда. Семье Ростопчиных пришлось из руин восстанавливать разоренное и сгоревшее имение. Вдова Ростопчина до 1858 года владела Вороновым, а после ее кончины имение перешло в собственность семьи графов Шереметевых. Именно они организовали первую крупную перестройку дома в 1858 году, придав ему черты необарокко.

Последними владельцами усадьбы Вороново стала семья графа, церемониймейстера Высочайшего двора Александра Петровича Сабурова. Они жили в усадьбе с 1894 года до революции. В 1919 году Александра Сабурова расстреляли. Советская власть приняла решение о сохранении усадебного комплекса и приспособлении его под свои нужды. Так, в 1949 году главный дом подвергся второй, капитальной, перестройке. На территории Воронова разместился дом отдыха. Администрация заведения, понимая свою ответственность за сохранение исторического наследия, даже в годы обесценивания дворянской культуры смогла совершить ряд важных шагов, направленных на сохранение усадебного комплекса.

В первый раз усадебный дом и колокольня реконструировались в 1930-е

Фото 2000 года.
Сайт «История Подольска»

годы в связи с тем, что очередной пожар в двадцатые годы нанес существенный урон старинному особняку. Кроме того, строители осуществили частичную реконструкцию Голландского домика. Тщательную подготовку к предстоящей глобальной реконструкции советские специалисты из института «Спецпроектреставрация» совместно с Госпланом начали в шестидесятые годы. Лучшие специалисты провели научное обследование огромной территории усадебного парка и сохранившихся построек. Однако одной реконструк-

цией дело не обошлось. Госплан принял решение о том, что для полного обеспечения нужд нового санатория необходимо возвести на территории усадьбы современные постройки. Работами руководили советские архитекторы Илья Чернявский и Игорь Василевский. Реставрация дворца-особняка проходила с 1974 по 1986 год. Он был перестроен с учетом современных нужд санатория, но ориентируясь на его дореволюционный внешний вид. Сегодня облик Воронова, пережившего несколько существенных

изменений, отражающий печать нескольких веков, является уникальным и заслуживает внимания туристов. В наше время здесь продолжает успешно функционировать санаторий, в связи с чем доступ путешественников на территорию возможен только с согласия администрации лечебно-рекреационного учреждения. Но эти формальности станут незначительным препятствием для тех, кто хочет получить незабываемые эмоции от прогулки по одной из самых красивых и необычных усадеб Подмосковья. **МНР**

Преподаватель истории московской художественной школы любил рассказывать своеобразный и кажущийся ему смешным анекдот о том, что он, живя в СССР, видел мыло (а может, даже и пользовался им (мылом)), которое называлось «По Ленинским местам». Было это, или этого не было – не так уж и важно. Однако мы привыкли, что существует бесконечное количество «экскурсий по историческим местам».

Место. Имение.

Эссе о Москве

«с нуля»

Предупреждение

Преподаватель истории московской художественной школы любил рассказывать своеобразный и кажущийся ему смешным анекдот о том, что он, живя в СССР, видел мыло (а может, даже и пользовался им (мылом)), которое называлось «По Ленинским местам». Было это, или этого не было – не так уж и важно. Однако мы привыкли, что существует бесконечное количество «экскурсий по историческим местам». «Место» – это основа туризма и тренд. Всегда можно поехать маршрутом изведанным. Ленинским, Моне, Сезанна, Гогена, Вермеера, Ломоносова, Булгакова, Маресьева и т.д.

Автор: **Тимофей Смирнов**
Фото: **Тимофей Смирнов**

Кладка конца XVIII – начала XIX века. Усадьба фон Мекк. Мясницкая, 44

Каким бы странным ни показалось это заявление – все они похожи. Вот тут жил, пил, ел тот-то, тот-то. Раздаются реципиентам репродукции написанных и нарисованных пейзажей, экскурсовод сравнивает увиденное с «реальными» пейзажами и природой. «Толмач» настраивает, ведет. Хотя можно и самим подумать. Это не запрещено. Существует ли такое понятие – «Московские места»? И только ли гиды «владеют» ими? Думается – да, места такие есть. И доступны – решительно каждому. Родом эти места из начала XIX века. Точка отсчета исторического облика столицы, к которому мы привыкли, – первая половина XIX века. Время, о котором мы судим по описаниям жизни героев произведения Льва Николаевича Толстого (и неважно, что и он сам писал на 60 лет позже, чем места эти возникли), сохранившимся памятным «зарубкам», по декоративным элементам покосившихся особнячков с мезонинами, местами заметно искаленных реставрацией, и по некоторым картинам из собрания ГТГ. Хотя мы судим, конечно, не о внешности города – она многажды искажена художественным восприятием, – а об эпохе, напрягаем мозги, чтобы снять романтический флёр. Иногда в том помогает нам фотография, на которой город уже не так опьянительно хорошо выглядит, а узнать что-либо почти не под силу простому смертному.

Декор храма Архангела Гавриила («Меншикова башня»)

Начало начал

Почему же это — точка: первая половина XIX века? Дело в том, что, вопреки поэтическим строкам, во время пожара 1812 года Москва не сгорела дотла. И хоть ее сердце — Кремль — французы не взорвали «как следует», часть каменных зданий относительно уцелела, многие постройки сохранились в виде «коробок». А еще потому, что всем было очевидно: вот город — жертва. И он нуждается в пластической операции. Его надо переделать и сделать краше. На результаты этих работ по украшению Первопрестольной ездили смотреть иностранцы.

И всё же: предыдущая «версия» Златоглавой, в жилой застройке которой доминировали образцы француз-

ского классицизма и палладианской неоклассики, почти исчезла в дыме пожара, как тают Химки в сизой дымке... Исчез город Ухтомского, Баженова и Казакова... А отдельные дворцы и особняки, говоря «архитектурно», уже не «держали» улиц. Началось колоссальное (по тем меркам, да и по нынешним, пожалуй, тоже) новое строительство, сначала деревянное, а потом уже и каменное, и многие обожженные «остовы» получили новый декор. Весь XIX век Москва стремительно расширялась, возвращала себе столичный статус и тягалась с «молодым» конкурентом за красоту. Однако в самом начале этого пути «От погорелой Провинции к Большому Городу», чтобы восстановить

Москву, была создана специальная комиссия, руководителем которой был назначен генерал-губернатор Ростопчин. Вернее, из военного губернатора он сделался назначенным главнокомандующим Москвы и управляющим по гражданской части. В 1813 году Ростопчиным был издан первый приказ, который носил название «проектированный план для урегулирования некоторых частей столичного города Москвы», главным архитектором выступал Гесте, а все детали одобрял лично Александр I. Такой «проектированный» план уже составляли в 1775 году, но «проект-1813» имел от него некоторые отличия. В XVIII веке пытались «раскрыть» уже имеющийся исторический план, а в начале XIX — занялись созданием абсолютно нового облика, и только за счет архитектуры.

Еще одна деталь. Если в XVIII веке сельские поселения находились в пределах городских застав и не влиялись в кварталы города, а представляли собой отдельные друг от друга улицы, разделенные рощами, полями и огородами, то в XIX веке существующие слободы (Хамовники, Дорогомилово, Пресня, Тверские-Ямские улицы, Красное село, Покровское, Лефортово, Семёновская, Кожевники, Лужники, Калужская и другие) стали формироваться в улицы и переулки старой Москвы.

Покровский собор в Измайлове. Поворот креста

Принято также считать, что первая половина XIX века — время небывалого подъема культуры всей России. Литература, живопись, наука, музыка — везде отмечались огромные достижения русских, которые (внезапно для остального мира) подняли свою культуру до небывалых высот. Страшный в нынешнем веке термин «патриотизм» в ситуации начала XIX века как раз положительно влиял на развитие культуры в стране. И на отдельных ее граждан. Ведь только спустя несколько лет после войны с французами и изгнания их войск из Москвы Н.М. Карамзин заканчивает первые восемь томов «Истории Государства Российского», работу над которыми он вел как раз в Москве и под Москвой. И тома эти разошлись тысячными тиражами — как если бы сейчас кого-то из историков напечатали тиражом многомиллионным. Под влиянием такого «подъема искусств и культуры» построен этот новый облик Москвы. А он (этот Облик) и этот патристический город нам и знакомы. Как известно, тогда были построены такие знаковые и знаменитые «места» и вместе с тем памятники архитектуры, как здание Большого театра (в 1825 году), Московская консерватория (в 1866 году) и многие другие, ставшие «открыточными». Есть и другие моменты, ставшие немаловажными для «фундамента» образа «Новой Москвы» XIX века.

В самом начале 1800-х годов открылся Мытищинский городской водопровод, который стал самой первой водопроводной сетью в городе. Позже было принято решение заключить речку Неглинка (река Неглинная) в подземную трубу, так как в период дождей и весеннего снеготаяния Неглинка растекалась, образуя озёра посреди улиц. Был засыпан ненужный более ров вокруг стен Земляного города, также было сделано и многое другое.

«Утопия-Москва» или замкнутый круг «стиля победителей»
Только представьте себе: ученые мужи собрались вокруг плана города, и их фантазии сейчас не скрывает ничто. Пожар побежден, есть ровная площадка — твори не хочу... В планах упомянутого уже архитектора Гесте было создать город со строениями правильных форм. Так же, как и в 1775 году, вдоль Кремля и Китай-города планировалось сделать длинную площадь, точнее, цепь из нескольких площадей. Новый план предусматривал на месте Театральной площади другую большую площадь, которая будет тянуться на север от стены Китай-города. Следующие 13 площадей Гесте хотел поставить у всех застав Камер-Коллежского вала. Суть плана трудно осознать, но если бы всё это количество площадей осуществилось, то землевладельцы начали бы бунт, так как намного выгоднее было вложить деньги в кра-

сивые здания, а не в серые мрачные сооружения. И самое главное. Гесте не предусмотрел в своем плане организованного центра, из которого можно было бы выйти на любую главную улицу, а также «не архитектурно» выдержал поднявшуюся территорию города. В этом и были минусы. Тем не менее, как часто бывает, градостроительство происходило теперь по этому несовершенному плану. Вскоре Гесте отстранили от работ и начальником Комиссии строений поставили архитектора О.И. Бове. Он внедрил в градостроительство более архитектурные и «реальные» формы. Перепланировке подверглись все районы столицы до Камер-Коллежского вала. Чтобы вместить всех жителей, дома ставили в кварталы правильной формы. Город, имевший кольцевую структуру, дополнился еще одним «кругом» — Садовым кольцом. Комиссия объяснила это тем, что данные места должны служить для проезжих и прогулок пешеходов, а не быть застроенными. Земляные укрепления времен правления Петра I снесли, закопали але-визовские рвы, уничтожили лавки вдоль кремлевской стены, из-за которых не видно было самых красивых мест Красной площади. Стены Кремля и Китай-города решили не перестраивать, а наоборот, украсить их зелеными насаждениями. Поставили Минина с Пожарским на «народную копеечку». Центр города стал чистым и аккуратным, гниющие

В 1930-е годы Амуры были не в чести, а потому и ходили в юбке. Парковая скульптура в Сокольниках. Фото из архива Мосгорнаследия

пруды выкачали, речку Неглинку «подключили к трубе» и спустили. На этом месте появились Александровский сад и Театральная площадь. Планировали построить геометрически правильные площади: Тверскую, Серпуховскую и Калужскую, а также площади в Миуссах, Замоскворечье и в Хамовниках. Более ровную форму придали Девичьему полю, пустырям Андроновского поля, Сокольнического и Каланчевского, некоторые из них отдали под застройку жилыми кварталами. И началась эпоха позднего русского классицизма. Сейчас это время называется несколько по-иному. Медленно и верно Москва восстанавливалась в русле данного стиля. Аристократичным районом стала западная часть Москвы. Общественные здания в основном располагались на Театральной площади, всю остальную часть занимали жилые дома. Между Садовыми улицами и Камер-Коллежским валом появились ансамбли на Новой Божedomке (Екатерининский институт) и в Хамовниках (Хамовнические казармы). Вне города появилось несколько усадеб, самой близкой к Москве была усадьба Гагариных «Студенец» около Пресненских прудов, а самой красивой стала усадьба Голицыных с конным двором «Кузьминки». Московская застройка стала плотнее, обновился внешний вид городского центра, и появилось множество архитектурных ансамблей, что

повлияло на историческую планировку города. Основным моментом 1818 года стало создание Театральной площади. Московский главнокомандующий Тормасов приказал расширить площадь, а дома, приобретенные у владельцев в казну (и другие непригодные здания), — снести, а также он сообщил о разрешении возобновить Петровский театр. Комиссия строений спроектировала площадь так, что бо́льшая ее ось выходила на башню Китай-города. Благодаря такому своему расположению, площадь стала центром города, совместно с Красной и Соборной площадями. Три этих площади образовали единое ядро центра столицы. Проект для строительства Театральной площади был создан архитектором Бове. Она была прямоугольной формы, выглядела как полтора квадрата. На северной стороне в 1824 году расположился Большой театр, который позднее пострадал от пожара и был реставрирован в 1856 году Кавосом. По обе стороны площади изначально поставили четыре небольших здания наподобие Малого театра, которые Бове построил в 1826 году. Лаконично подчеркивали грациозность и могущественность Большого театра множество арочных проемов в нижних этажах тех зданий и развertyвающийся по горизонтали «шаг». На фоне небольших зданий Большой театр выглядел еще массивнее и объемнее. С противоположной

**ЗЕМЛЯНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ
ВРЕМЕН ПРАВЛЕНИЯ
ПЕТРА I СНЕСЛИ, ЗАКОПАЛИ
АЛЕВИЗОВСКИЕ РВЫ,
УНИЧТОЖИЛИ ЛАВКИ ВДОЛЬ
КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ, ИЗ-ЗА
КОТОРЫХ НЕ ВИДНО БЫЛО
САМЫХ КРАСИВЫХ МЕСТ
КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. СТЕНЫ
КРЕМЛЯ И КИТАЙ-ГОРОДА
РЕШИЛИ НЕ ПЕРЕСТРАИВАТЬ,
А НАОБОРОТ, УКРАСИТЬ ИХ
ЗЕЛЕНЫМИ НАСАЖДЕНИЯМИ.
ПОСТАВИЛИ МИНИНА
С ПОЖАРСКИМ НА «НАРОДНУЮ
КОПЕЕЧКУ». ЦЕНТР ГОРОДА
СТАЛ ЧИСТЫМ И АККУРАТНЫМ,
ГНИЮЩИЕ ПРУДЫ
ВЫКАЧАЛИ, РЕЧКУ НЕГЛИНКУ
«ПОДКЛЮЧИЛИ К ТРУБЕ»
И СПУСТИЛИ. НА ЭТОМ
МЕСТЕ ПОЯВИЛИСЬ
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД
И ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ**

стороны площадь примыкала к небольшой стене Китай-города, перед ней был организован сад, из которого вид на площадь и Большой театр становился еще более величественным. У стены Китай-города расположился птичий рынок, который позже был переведен на Трубную площадь. Осталась и одна незастроенная сторона Театральной площади, где за стеной Китай-города располагались только лишь филигранные монастырские соборы — своеобразный экивок в сторону «старого города». Сзади стены было видно изящные шатры Василия Блаженного и Спаскую башню. Башни и соборы совместно делали архитектурный вид Москвы более теплым и гостеприимным. Площадь вскоре украсили фонтаном, в который вода поступала из Мытищинского водопровода. Далее настал черед кольцевых и радиальных улиц. Постепенно появлялись новые архитектурные ансамбли. Красная площадь, освобожденная от

лавок, Манеж, Опекунский совет... Был построен аристократический городок для проживания и воспитания «благородных девиц». Сюда относились Александровский и Екатерининский институты, а между ними расположилась Мариинская больница. Перед центральным огромным Екатерининским институтом устроили большую площадь, из которой выходили Самотёчная улица и Селезнёвка. Вся планировка строго соответствовала и подчинялась институту. Следующим большим комплексом стала реорганизация Хамовнических казарм, построенных в 1807—1809 годах, комплекс включал в себя три здания казармы, манеж и главный полицейский дом, повернутый лицевой стороной к реке. Перед зданием находился плац правильной прямоугольной формы. От реки казармы были отделены гауптвахтой и Шефским домом. Весь комплекс был полностью повернут к плацу. Этот ансамбль визуально перекликался с комплексом Голицынской больни-

цы, находящейся на противоположной стороне реки и также от нее отведенной. Реже стали строиться дворцы — в первой половине XIX века в Москве появилась только одна усадьба Гагарина и был отреставрирован Александринский дворец, построили Первую Градскую больницу.

Что же получилось? А получилась послепожарная Москва, в облике которой господствовал стиль ампир (Empire), то есть стиль империи, который еще переводится и как «командовать», родившийся в начале XIX века при дворе императора Наполеона Бонапарта. Замкнулся некий круг, и сгоревший во время наполеоновского нашествия город обрел облик в стиле, названном от империи Наполеона. Такой вот оксюморон.

Однако здания, которыми наполнилась Москва, совсем не похожи на творения Персье и Фонтена или Шальгрена, главных архитекторов наполеоновского времени. Это какой-то особый, московский стиль, не находящий прямых аналогий и в архитектуре александровского ампира в Петербурге. Мало того, этот московский ампир не имел абсолютного влияния на архитектуру провинции, как это было с предшествующими московскими стилями. Москва влияла, конечно, на архитектуру некоторых подмосковных усадеб, а также мелких (Подольск,

Фарфоровая статуэтка из собрания А.В. Морозова. Американская оранжерея. Кусково

Университетская типография.
Фото из архива Мосгорнаследия

Коломна, Веря) и даже некоторых крупных городов (например: Калуги), но в большинстве русских городов мы встретим или влияние петербургских архитекторов, или некий обобщенный ампир, напрямую с Москвой не связанный. Московский ампир можно описать на примере старого здания Университета, первоначально сооруженного Казаковым во французском стиле. Фасады Университета после 1812 года не были восстановлены в прежнем виде: в 1817–1819 годах по проекту Доменико Жилярди им была придана новая декорация. Дворцовое по своему характеру здание сохранило «П»-образную композицию, скругленные углы, этажность. Но главным в построении фасада стал теперь дорический восьмиколонный портик с метопотригифным фризом в антаблементе и положим треугольным фронтоном, наложенным на аттик. Все остальные формы тоже «греческие»: стены обработаны так, что первый этаж решен как рустованный цоколь, «квадры» которого дополнены декоративными клинчатыми перемычками над окнами, часть окон имеет подоконные доски на консолях, а в промежутках между вторым и третьим этажами оси поддержаны рельефными розетками или щитами. В ризалитах сред-

ние окна подчеркивают эдикулы, а верх стен заканчивает сильно вынесенный карниз с гладкой полосой фриза под ним. Всё это сдержанное декоративное убранство указывает на Грецию, говорит о Греции и воспроизводит Грецию, пусть несколько условную. Но при этом греческими источниками Жилярди не ограничивается: эхины колонн в портике украшены иониками, что является признаком римско-дорического ордера, а окна в портике сделаны арочными, что тоже для Греции не характерно, а «тянет» к Риму. В здании Университета мы видим такое же увлечение «дорикой», какое было в раннем Александровском классицизме (или ампире) в Санкт-Петербурге, то есть у Захарова в Адмиралтействе (1806–1823) и у Воронихина в Горном институте (1806–1808). Но характер деталей в названных довоенных петербургских постройках и у Жилярди разный: у Захарова есть горизонтальные сандрики над окнами (чего у Жилярди и в Москве вообще никогда не встречается) и нет полосы фриза, а у Воронихина дорика более «романтическая», то есть намного более суровая и серьезная, а кроме того, стены по сторонам портика обработаны горизонтальным рустом до верха, что тоже невозможно у Жилярди.

Если с Петербургом у крупнейшего здания Жилярди нет близких параллелей, то откуда же этот стиль, откуда эта манера? Александровский ампир в лице Захарова, Воронихина и Тома де Тона весь основан, как известно, на архитектуре французской, на ампире Наполеона. То есть это и есть ампир в чистом виде. А вот ампирная манера Жилярди происходит из других источников. Доменико Жилярди (1788–1845), сын работавшего в Москве в 1796–1817 годах Ивана Жилярди (1757–1819), архитектора из Лугано, архитектуру узнал в Милане, в Академии искусств, где учился в 1804–1806 годах. После длительного путешествия по Италии (1806–1810) Жилярди вернулся в Россию, в Москву, где перед самым наполеоновским нашествием был назначен помощником отца (1811). Таким образом, сразу после пожара 1812 года он приступил к работе по восстановлению Москвы и приданию ей облика в этом особом и новом для нее стиле.

В круге Третьего Рима
Москва второй и третьей четвертей XIX века еще более разрастается по сравнению с предыдущими годами начала столетия. В основном вводятся новые жилые постройки, фабрики и заводы между Садовым кольцом и Камер-Коллежским валом. Буквально за половину столетия появляется множество длинных улиц,

идущих от центра, и радиальных переулков, которые соединяются между собой кольцами, образуя вытянутую округлую с неровностями форму Москвы... К тому же еще одна важная деталь — в этот же период появились доходные дома и квартиры внаем. На смену всему предыдущему пришел этап утилитарного капитализма, что не могло не сказаться и на архитектуре. Москва стала заниматься по большей части промышленностью, много фабрик располагалось на берегах Москвы-реки и Яузы, продолжали работу и мануфактуры XVIII века. Много фабрик появилось в Лефортове, на Хапиловском пруду, по Семёновской и Генеральной улицам. Император назначил нового архитектора для изменения вида Москвы, им стал Константин Андреевич Тон. Его излюбленной работой было создание проектов церквей на 200, 500 и 1000 посетителей, вместе с этим он также строил и вокзалы в Москве и Петербурге, Кремлевский дворец и храм Христа Спасителя. После того как Тона назначили ректором Академии, он стал передавать свои знания

по «русскому» стилю Макарову, Шпереру, Кенелю, Иогансону и Рахау. Его любимым стилем стал запоздалый ренессанс или казенный русско-византийский. Тон начал строительство храма Христа Спасителя, очень известного «московского места», которое длилось больше сорока лет, и строительство Николаевского дворца. Николаевский дворец заключал в себе великую миссию — вернуть в себя память народа о представлении жилища государя. Также в 1851 году появляется первый Николаевский вокзал на Каланчевском поле. И отсюда начинаются совсем другая эпоха и совсем другая Москва.

Вместо заключения
Однажды автор этих строк сидел с товарищами в Москве в сквере под кодовым названием «Стопани». Теперь это снова, как до революции, — переулок «Огородная слобода», сквер у Дворца творчества молодежи. Разговаривали об искусстве, а неподалеку сидели двое мужчин. Они слушали разговор, а затем «вклинились» с нетрезвой репликой. «Видите дуб?» —

Рождественский бульвар от стен Рождественского монастыря. Этот спуск может многое рассказать и часто бывал на полотнах художников

спросил один из них. Все дружно посмотрели на известную московскую достопримечательность: дуб с четырьмя кронами на заднем дворе усадьбы фон Беренса. «А знаете ли, что маленький Пушкин 100 лет, нет 200, ну, не важно, сколько лет назад, бегал вокруг дуба, и это и есть тот дуб, на котором “цепь золотая”?» — продолжил он. А через паузу добавил: «Такая вот связь времен». В Москве много «мест». И мы их все знаем. И присваиваем себе. Но самыми запоминающимися стали годы первой половины XIX века. Даже некоторые деревья это помнят... **МН**

Автор: **Олег Фочкин**

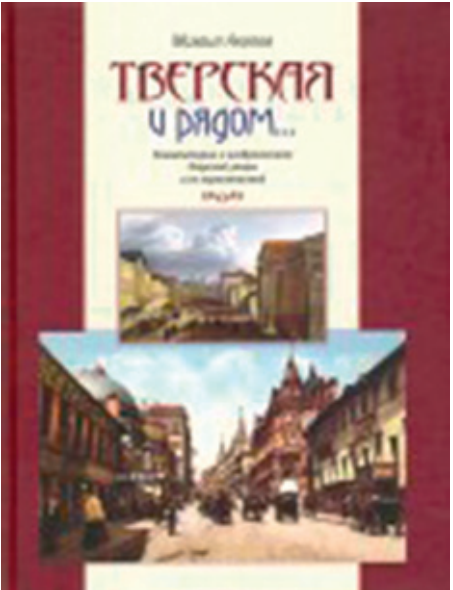
Олег Жданов. Путеводитель по улицам Москвы. Замоскворечье. – М.: Проспект, 2016.

Журналист, экскурсовод и историк Олег Жданов выпустил первый том своего путеводителя в серии «Уютные легенды». Эту тонкую книжицу сложно назвать томом, скорее, это брошюра, с которой удобно ходить по старой Москве и изучать ее со всех сторон. Тем более, что автор сам проходил по этому маршруту не один раз и постарался сделать простой и доступный путеводитель для гостей города и его постоянных обитателей. Правда, для коренных москвичей и специалистов в этой книге вряд ли будет много открытий. А вот некоторые объекты, прежде всего питейные, как знаменитое «Второе дыхание», еще присутствующие в книге, остались только элементом недавней истории, прекратив существование. Специалист заметит и другие ляпы и слишком беглый рассказ. Но он и рассчитан на первое знакомство, а не на вдумчивое хождение с полным погружением.

Анна Броновицкая, Николай Малинин, Юрий Пальмин. Москва: архитектура советского модернизма 1955–1991 гг. Справочник-путеводитель. – М.: Музей «Гараж», 2016.

Новая книга предполагает заполнение лакуны между путеводителями по Москве 1920–1960 и 1991–2009, вышедшими соответственно в 2006 и 2009 годах. Но если до того такие книги авторы писали без соавторов, то эту решили написать вместе. Юрий Пальмин замечательно проиллюстрировал своими фотоработами данное издание. В книге описывается около 100 объектов самой неоцененной эпохи советской архитектуры. Это первый путеводитель по Москве, который рассматривает как целостное явление архитектуру тридцатилетия от Хрущёва до Горбачёва – от наивного модернизма «оттепели» до постмодернизма, включая Дворец пионеров, Останкинскую телебашню, кинотеатр «Россия», здание ТАСС, «золотые мозги» Академии наук, а также менее известные проекты, например «Дом нового быта» или музей АЗЛК. Авторы предлагают увидеть эти неоднозначные сооружения в широком историческом, культурном и политическом контексте, а также на фоне мировой архитектуры второй половины XX века.

Михаил Акопов. Тверская и рядом... Комментарии к изображениям Тверской улицы и ее окрестностей. – М.: Русский Мир, 2016.

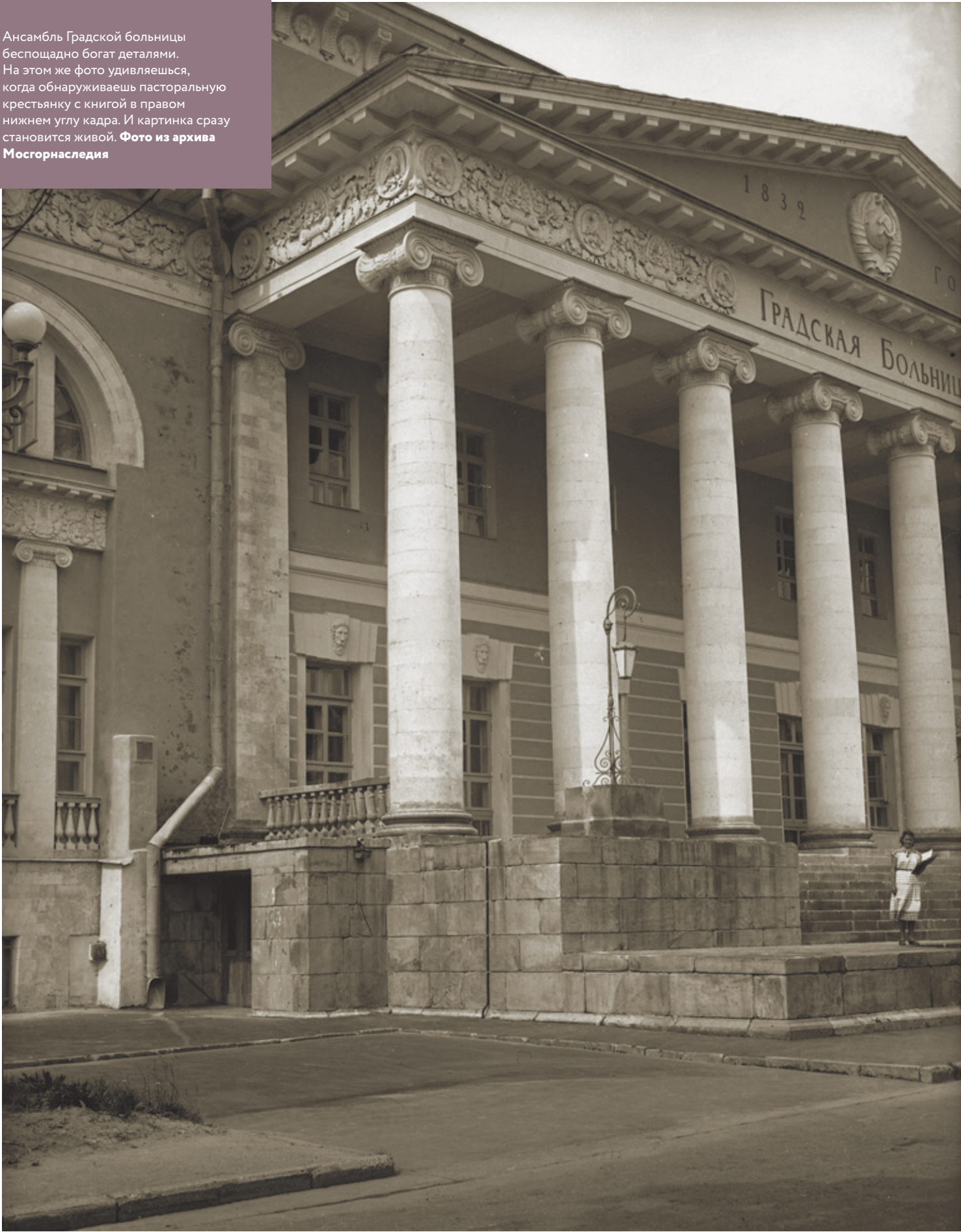
В основу этой книги о Москве положены сотни старых фотографий и рисунков с изображением Тверской улицы и прилегающих к ней окрестностей, а также современные фотографии, сделанные автором книги. Старые иллюстрации автор собрал из десятков разных публикаций, из личного архива и из «Отдела изобразительных искусств» РГБ. Описывая и сопоставляя их, он открывает читателю интересные детали из истории архитектурных памятников столицы, рассказывает о судьбах известных москвичей, с ними связанных. В авторских текстах исправлены ошибочные пояснения, сделанные к старым фотографиям в прежде опубликованных комментариях. Каждый раздел книги предваряется фрагментом карты, содержащим места расположения рассматриваемых архитектурных объектов. Стрелки на этих картах указывают точки и направления обзора, в которых открывается (или мог бы открываться) вид, показанный на данном изображении. Рядом с каждой стрелкой стоит номер соответствующей иллюстрации.

Хитровка. На дне Москвы. – М.: Common place, 2016.

Сборник посвящен повседневной жизни Хитровской площади и ее окрестностей на рубеже XIX–XX веков. Это место считалось «дном» Москвы из-за обитателей Хитрова рынка и близлежащих ночлежек. Гиляровский, увековечивший Хитровку в «Москве и москвичах», неоднократно искал здесь сюжеты для своих репортажей, а также сопровождал Станиславского и Немировича-Данченко, искавших натуру для постановки пьесы Горького «На дне». Наконец, под впечатлением от Хитровки и ряда московских ночлежек Лев Толстой написал одну из своих важнейших публицистических статей «Так что же нам делать?». Помимо рассказов Гиляровского и фрагмента указанной статьи Толстого, в сборник также вошла книга Г. Виллиама «Хитровский альбом», которая не переиздавалась с 1909 года. В ней представлены два десятка портретов людей, по той или иной причине оказавшихся в хитровских ночлежках.

Ансамбль Градской больницы беспощадно богат деталями. На этом же фото удивляешься, когда обнаруживаешь пасторальную крестьянку с книгой в правом нижнем углу кадра. И картинка сразу становится живой. **Фото из архива Мосгорнаследия**

Журнал МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ
учрежден в 2006 году Департаментом
культурного наследия города Москвы

Распространяется бесплатно

Издание предназначено для всех
интересующихся историей нашего города
и для людей, не чуждых заботы о будущем,
ведь люди, которые не хранят свою
историю, его лишены

Петровский путевой дворец. 1946 год.
Фото из архива Мосгорнаследия

В 1812 году Петровский путевой дворец встречал и несколько дней принимал Наполеона, пока в самом городе бушевал пожар. Спустя пять лет мимо этого дворца триумфально прошли парадом войска, вернувшиеся из Заграничного похода. Сейчас дворец выходит на артерию, соединяющую два города, которые так и спорят о столичном статусе. А знаете, почему он Петровский? Не потому, что построен Петром, а потому, что стоит на землях Высоко-Петровского монастыря.

№ 2 (44)

2016

